

ISSN 2782-6627

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

АЛТАИСТИКА ALTAISTICS

№ 3 (6)
2022

Научный журнал

Сетевое издание

Издается с 2021 года

Журнал выходит 4 раза в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

3 (06) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *А. Н. Николаев*, д. б. н.Заместитель главного редактора, редактор: *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.Выпускающий редактор *Л. Е. Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Дашиинимаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав.кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *Такаши Осава*, PhD, проф. Университета Осака, факультета языков и культуры, кафедра языка и общества, курс азиатских и африканских исследований, Япония (по согласованию); *Г. Г. Торотоев*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *А. Е. Шамеева*, к. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvf.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© Северо-Восточный федеральный университет, 2022

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

3 (06) 2022

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences

Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences

Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastirev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *Takashi Osawa*, PhD, Professor, Asian and African Studies Course, Department of Language and Society, Faculty of Languages and Culture, University of Osaka (on agreement); *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *A. E. Shamaeva*, Candidate of Philological Sciences, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvf.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Мальшиева Н. В.</i> Наименования объектов растительного мира на материале якутского, уйгурского языков и языка древнеуйгурских письменных памятников XI в.	5
<i>Николаев Е. Р.</i> Лексическое поле <i>үрүмэ</i> 'молочная пенка' в якутском языке: нормативно-диалектный и сравнительно-сопоставительный аспект	16
<i>Гоголева М. Т.</i> Архаические антропонимы и топонимы в языке средневилюйских якутов	29
<i>Филиппов Г. Г.</i> Бётлингк О. Н. о дифтонгах и долгих гласных в якутском языке	38
<i>Сорова И. Н., Захарова К. В.</i> Фонетическая характеристика речи первого президента РС (Я) М. Е. Николаева	54
<i>Манчурина Л. Е.</i> Саха тылыгар үрдүк истиили бэлиэтиир тыл-өс= Лингвистические средства выражения высокого стиля в якутском языке	68

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

<i>Васильева А. А., Егорова Т. П.</i> Перевод эпосов родственных тюркских народов на якутский язык (на материале алтайского «Маадай-Кара», башкирского «Урал-батыр»)	80
--	----

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

<i>Ефремов Н. Н., Мельничук О. А.</i> Труд О. Н. Бётлингка «О языке якутов» (СПб, 1851)	92
---	----

CONTENT

YAKUT LINGUISTICS. RESEARCH IN TURKIC LANGUAGES

<i>Malysheva N. V.</i> Names of flora objects based on the material of the Yakut, Uyghur languages and the language of ancient Uyghur written monuments of the 11th century	5
<i>Nikolaev E. R.</i> Lexical field <i>yr̥me</i> 'milk foam' in the Yakut language: normative-dialect and comparative-comparative aspect	16
<i>Gogoleva M. T.</i> Archaic anthroponyms and toponyms in the language of the Srednevilyuisky Yakuts	29
<i>Filippov G. G.</i> Otto Böhtlingk on diphthongs and long vowels in the Yakut language	38
<i>Sorova I. N., Zakharova K. V.</i> Speech phonetic characteristics of Mikhail Nikolaev's, the first President of the Sakha Republic (Yakutia)	54
<i>Manchurina L. E.</i> Linguistic means of expressing high style in the Yakut language	68

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION IN THE ALTAIC LANGUAGES

<i>Vasilieva A. A., Egorova T. P.</i> Translation of the epics of related Turkic cultures to Yakut language: The case of translating the Altai epic «Maadai-Kara» and the Bashkir epic «Ural-batyr»	80
---	----

ANNIVERSARIES, DATES, EVENTS

<i>Efremov N. N., Melnichuk O. A.</i> Otto Böhtlingk's «On the Yakut language» (St. Petersburg, 1851)	92
---	----

– ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.73.78.001

УДК 811.512.157

Н. В. Мальшева

Наименования объектов растительного мира на материале якутского, уйгурского языков и языка древнеуйгурских письменных памятников XI в.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена разработке вопроса в области языковых контактов якутского языка с тюркскими языками, а также истории якутского языка. В статье анализируются в сравнительно-историческом аспекте наименования объектов растительного мира в якутском, уйгурском языках и языке древнеуйгурских письменных памятников XI в. Цель данной статьи – рассмотреть особенности фитонимов и их частей в тюркских языках в сравнении с их пратюркскими формами. Анализу подвергаются 29 основ, зафиксированных в лексическом фонде якутского, уйгурского языков и в языке письменных памятников XI в., извлеченные методом сплошной выборки. Метод описательного анализа, сравнительно-исторический, компонентный, структурный методы были использованы при анализе и обработке эмпирического материала исследования. В фокусе внимания – словообразовательная структура и семантические особенности наименований объектов растительного мира в трех родственных языках в сравнении с пратюркскими формами. В результате проведенного исследования прослеживается тесная взаимосвязь якутского языка с уйгурским языком и языками древнеуйгурских письменных памятников Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» и «Кутадгу Билиг». Отмечается, что рассмотренные основы в семантическом плане наиболее устойчивы в отношении к их пратюркским формам, чем их фоноструктурное оформление. При этом тематическая группа слов в области травянистых растений демонстрирует тесную связь якутского и уйгурского языков с пратюркским языком, а язык письменных памятников находится в наиболее отдаленной позиции. Это определяется устойчивостью фоноструктурного оформления и семантического значения лексических единиц. Вместе с тем якутский язык занимает особое место в системе рассмотренных тюркских языков по материалам наименований объектов растительного мира: наблюдается функционирование уменьшительного аффикса с утерянным значением – *-ah*, наличие анлаутного и ауслаутного [x] вместо [к] в других тюркских языках, опущение инлаутного [γ] в якутской форме, соответствие [м] в якутском с [б], [п] в других тюркских языках.

Ключевые слова: якутский язык, уйгурский язык, древнеуйгурские письменные памятники XI в., Кутадгу Билиг, Диван Лугат ат-Турк, пратюркская форма, наименования объектов растительного мира, семантическая реконструкция, языковые контакты.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта РНФ «Лексика живой природы в якутском языке (растительный мир): лингвогеографическое распределение» (Соглашение № 22-78-00221).

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

MALYSHEVA Ninel Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

N. V. Malysheva

Names of flora objects based on the material of the Yakut, Uyghur languages and the language of ancient Uyghur written monuments of the 11th century

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of language contacts between the Yakut language and Turkic languages, as well as the history of the Yakut language. The article analyzes the names of flora objects in the Yakut, Uyghur languages and the language of ancient Uyghur written monuments of the 11th century in a comparative historical aspect. The purpose of this article is to consider the features of phytonyms and their parts in the Turkic languages in comparison with their Proto-Turkic forms. The analysis is carried out on 29 bases recorded in the lexical fund of the Yakut, Uighur languages and in the language of written monuments of the 11th century, extracted by the continuous sampling method. The method of descriptive analysis, comparative-historical, component, structural methods were used in the analysis and processing of empirical research material. The focus of attention is on the word-formation structure and semantic features of the names of objects of the plant world in three related languages in comparison with the Proto-Turkic forms. As a result of the conducted research, the close relationship of the Yakut language with the Uighur language and the languages of the ancient Uighur written monuments of Mahmud Kashgari “Divan Lugat at-Turk” and “Kutadgu Bilig” is revealed. It is noted that the considered bases are semantically more stable in relation to their proto-Turkic forms than their phonostructural design. At the same time, the thematic group of words in the field of herbaceous plants demonstrates the close connection of the Yakut and Uighur languages with the Proto-Turkic language, and the language of written monuments is in the most distant position. This is determined by the stability of the phonostructural design and semantic meaning of lexical units. At the same time, the Yakut language occupies a special place in the system of the considered Turkic languages based on the materials of the names of objects of the plant world: there is the functioning of a diminutive affix with a lost meaning – -ah, the presence of anlaut and auslaut [x] instead of [k] in other Turkic languages, the omission of the inlaut [y] in the Yakut form, the correspondence [m] in Yakut with [b], [p] in other Turkic languages.

Keywords: Yakut language, Uighur language, ancient Uighur written monuments of the 11th century, Kutadgu Bilig, Divan Lugat at-Turk, proto-Turkic form, names of flora objects, semantic reconstruction, language contacts.

The study was carried out within the framework of the RNF project “Vocabulary of wildlife in the Yakut language (flora): linguistic and geographical distribution” (Agreement No. 22-78-00221).

Введение

Изучению связей якутского языка с современными тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками посвящено немало научных работ. Рассмотрены историческая фонетика, морфология, лексика якутского языка в сопоставлении с турецким, алтайским, хакасским, тувинским, шорским, монгольским, эвенкийским, бурятским, киргизским и другими языками. Проведен анализ фонетических, структурных, лексических особенностей якутского языка в сравнении с древнетюркскими языками VII и IX вв. Однако не было проведено комплексное сравнение исторической лексики якутского языка с уйгурским и древнеуйгурским языками XI в. Несмотря на то, что об отношении якутского языка к уйгурскому и древнеуйгурскому языкам было высказано немало авторитетных мнений [1-6], данная проблема требует более широких исследований с привлечением дополнительных материалов. В связи с этим ставится проблема комплексного изучения исторического отношения якутского языка к уйгурскому языку и языкам древнеуйгурских письменных памятников XI в. Юсуфа хасс-Хаджиба Баласагунского (далее – Юсуф Баласагунский) «Кутадгу билиг» (1069 г.) [7], Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» (1073 г.) [8]. Обращение

к научной разработке проблемы обусловлено отсутствием в якутском языкознании сравнительных исследований, систематизирующих отношение якутского языка к уйгурскому языку, а также к языку древнеуйгурских письменных памятников XI в.

Материалом для исследования послужили примеры из следующих лексикографических источников: «Уйгурско-русский словарь» Э. Н. Наджипа (редакция Т. Р. Рахимова) [9], «Уйгурско-русский словарь» Н. А. Баскакова, В. М. Насилова [10], «Этимологический словарь тюркских языков» [11–17], древнеуйгурские письменные памятники Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» (редакция и перевод Решита Рахмети Арат) (Стамбул, 1979) [7], Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» (перевод З.-А. М. Ауэзовой, редакция И. Н. Тасмагамбетова, М. Х. Абусеитовой, С. Г. Кляшторного и др.) (Алматы, 2005) [8].

Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых:

– в области сравнительно-исторической фонетики, лексики и грамматики тюркских языков: О.Н. Бетлингга, Г. Вамбери, В. Томсена, В.В. Радлова, Б.Я. Владимирцова, А.Н. Самойловича, С.Е. Малова, Н.Н. Поппе, М. Стаховского, А.Н. Кононова, Н.А. Баскакова, Э.В. Севортына, Б.А. Серебrenникова, Э.Р. Тенишева, Г. Дёрфера, Е.И. Убрядовой, К.М. Мусаева, А.М. Щербака, Н.З. Гаджиевой, В.М. Насилова, Дж. Клосона А.Т. Кайдарова, Г.С. Садвакасова, Д.М. Насилова, В.Г. Кондратьева, С. Калужинского, В.И. Рассадина, Б.И. Татаринцева, И.В. Кормушина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака, А.Г. Шайхулова, Н.Н. Широковой, Г.Г. Левина, Л. Кароли и др.;

– в области исторической фонетики, лексики и грамматики якутского языка: Л.Н. Хариотонова, Е.И. Убрядовой, Н.К. Антонова, Н.Д. Дьячковского, Е.И. Коркиной, П.А. Слепцова, М.С. Воронкина, Н.Е. Петрова, С.А. Иванова, Г.Г. Филиппова, Н.Н. Ефремова, Н.И. Даниловой, С.Д. Егиновой, И.Н. Новгородова и др.

Исторические связи якутского языка с уйгурским и языками древнеуйгурских письменных памятников XI в.

По поводу отношения уйгурского и древнеуйгурского языков к якутскому языку одно из первых и интересных мнений было высказано венгерским тюркологом Германом Вамбери в монографии «Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik» [1]. Он рассмотрел лексический состав и фонетические явления в языке древнеуйгурского письменного памятника «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагунского. Тюрколог утверждал, что отдельные элементы в фонетических явлениях языка древнеуйгурского письменного памятника, а также его словесное богатство имеют удивительное родство с языком якутов, живущих на отдаленном севере Азии. Основные выводы ученого стали доказательством факта переселения якутов на льдистую зону ввиду вытеснения их казахами и другими южноалтайскими племенами» [1, с. 10]. По мнению Г. Вамбери, уйгурский язык Восточного Туркестана «отстоит много дальше от древнеуйгурского языка, чем якутский диалект, на котором разговаривают на берегах студеной Лены» [1, с. 12–13]. Г. Вамбери не находит многочисленным количество якутско-уйгурских совпадений, однако, собрав широкий материал по грамматике якутского и уйгурского языков, удачно использовал его для доказательства древних этнических связей якутов скорее с уйгурами, чем с кобальцами, алтайцами и качинцами, при этом он твердо высказал мнение об отделении якутов от тюркских племен Джунгарии еще в доисторические времена [1]. Итак, впервые мысль о близком родственном отношении языка древнеуйгурского письменного памятника «Кутадгу билиг» с языком якутов была сформулирована Германом Вамбери. Над различными рукописями этого памятника после Г. Вамбери работали такие крупнейшие востоковеды-тюркологи, как В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Р. Арат.

Некоторые вопросы исторического изучения фонетики и лексики уйгурского, древнеуйгурского языков затрагивались в работах известного тюрколога С. Е. Малова [18–19]. Его ученица Е. И. Убрятова отметила, что внимание С. Е. Малова давно привлекал вопрос отношения якутского языка к древнеуйгурскому языку в области лексики [3]. В своей статье «Отчет о путешествии к уйгурам и саларам» (ИРКСВА, 1912) он писал, что «язык уйгуров – турецкое наречие, сохранившее много старых черт в некоторых отношениях, в других – далеко ушедшее вперед. Сингармонизм строго не проводится, заметна тенденция «огорталения» нёбных звуков. В лексическом отношении каких-либо новых слов, встречающихся в древних памятниках уйгурской письменности, в ново-уйгурском наречии очень немного. Имена числительные (от 11 до 29) сохранили ту систему, отражающуюся в орхонской и уйгурской письменности, которая не встречается в других живых диалектах» [19, с. 97]. С. Е. Малов, обладая хорошими знаниями восточных источников, ввел в научный оборот ряд историко-этнографических материалов, широко используя родоплеменную этнонимии, предания и рассказы по шаманству, загадки, пословицы, древние уйгурские рукописные тексты для освещения тех или иных вопросов этнической истории уйгуров. Работа С. Е. Малова имеет большую ценность по содержащемуся в нем фактическому материалу, так как в ней представлен обширный исторический и фольклорный материал, собранный во время его путешествий по Китаю в провинциях Синьцзян и Ганьсу в 1909–1911 и 1913–1915 гг. В отличие от первых изданий трудов С. Е. Малова, посвященных истории уйгурского языка, в нее были включены, наряду с фольклорными материалами, обыденные житейские разговоры и торжественные речи, что представляет собой определенное новшество в имеющихся тюркологических публикациях. По словам самого исследователя, большая часть текстов сначала наговаривалась на валики фонографа, а потом с валика была перенесена на бумагу. Этим обуславливалась точность записей, главным образом, в синтаксическом отношении [19].

Труды В. М. Насилова «Древнеуйгурский язык» (1963) [20], «Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв.» (1974) [21] представляют собой материал по фонетике, графике, лексическому составу, синтаксису древнеуйгурского языка. В первой работе В. М. Насилов дает типологический стиль вокализма древнеуйгурского языка, разделяя звуки на заднерядные (а, ы, о, у) и переднерядные (э, и, ө, ү). Ученый ставит под сомнение существование присущего системе тюркского вокализма звук [е], «ибо его графическое выражение в алфавитной группе отсутствует, лишь в письме Брахми различаются знаки для *е* и *э*» [21, с. 8]. В области фонетики В. М. Насилов рассматривает проблему первичных долгот древнеуйгурского языка, считая ее до сих пор нерешенной. В качестве примера приводит лексические параллели **оот** «огонь», **тоон** «одежда», **өөч** «мечь», где «в слогах с широким **о**, **ө** встречается двойное буквенное написание этих звуков, по-видимому, характеризующих долготу звука». В некоторых текстах ученый отмечает двойное написание **ы**, **и** в корневом гласном, а двойное написание узких губных **у**, **ү** позволяет предполагать долготу звука вторичного характера, например: **уут** «стыд» < *уут*, **туу** «волосок, «пушок» < *туу*. Что касается основы **сүү**, ученый обнаруживает первичную долготу, предполагаемую в этом же слове в орхоно-енисейских памятниках [21, с. 9]. В области лексики древнеуйгурского языка В. М. Насилов отмечает длительную историческую связь с языком орхонских тюрков [21, с. 12]. Непроизводные основы в памятниках древнеуйгурского языка (в текстах буддийского и манихейского содержания) развиваются путем агглютинации, что определяется закономерностями, сложившимися издревле в алтайских языках. В. М. Насилов выделяет две системы агглютинирующих аффиксов: 1) древние словообразовательные элементы, которые давно стабилизировались как словообразующие аффиксы лексиче-

ских категорий; 2) действующую систему, способную к словообразованию в данной фазе развития языка и расширяющую возможности развития лексических понятий [21, с. 19]. Вторая работа В. М. Насилова интересна тем, что в ней представлен лексический материал из древнеуйгурских письменных памятников «Кутадгу билиг», «Диван Лугат ат-Турк». По мнению В. М. Насилова, произведение Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» сыграло огромную роль в тюркском языкознании в решении фонетических проблем, касающихся столь отдаленной фазы развития литературного языка, а также помогло установить фонологическое качество отдельных звуков и определить взаимодействие отдельных слогов в фонетических закономерностях. В системе вокализма языка данного памятника В. М. Насилов подчеркивает следующие явления: 1) наличие долгих гласных; 2) наличие аналогичной древним памятникам гармонии гласных; 3) спорный вопрос о наличии закрытой фонемы *e*; 4) гармонизацию слога с негубным гласным под влиянием губного гласного в предыдущем слоге; 5) огубление гласного последующего слога при наличии губного согласного предшествующего слога [21, с. 14-20].

Большое значение при разработке данного исследования имеют научные взгляды Е. И. Убрятовой. Она высказала предположение, что язык древних уйгуров Уйгурского каганата был похож на уйгурский язык письменных текстов, так как следы языка присутствуют в тюркских языках Южной Сибири «в немногочисленных, но очень специфичных явлениях, который можно отнести к грамматическому строю древнего уйгурского языка» [22, с. 26]. В статье «Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных языках Сибири» Е. И. Убрятова утверждает, что язык древних уйгуров Уйгурского каганата в основе своей огузский (причастия на *-мыш*, *-дук* и др.) с некоторыми своими особенностями (широкое развитие имело причастие на *-бу* и его производные и некоторые другие черты) [23, с. 61]. Следы уйгурского языка в тюркских языках южной Сибири прослеживаются в специфичных явлениях, которые Е. И. Убрятова относит к грамматическому строю древнего уйгурского каганата. Она рассмотрела древнеуйгурские глагольные формы в тюркских языках Сибири и пришла к выводу, что древнеуйгурские формы *-бу дег* и *-йук* лучше сохранились в тофском и тувинском языках. Таким образом, уйгурские элементы в сибирских языках идут через тувинский и тофский, а затем хакасский на север к чулымским тюркам и сибирским татарам. «По мере продвижения на запад эти черты постепенно видоизменяются и исчезают, а киргизские элементы входят через алтайский и распространяются далее на восток и на север» [23, с. 9].

Наибольший вклад в изучение отношения якутского языка к древнеуйгурскому и уйгурскому языкам внесла Н. Н. Широбокова в работе «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири» [24]. Данная работа является исследованием якутского языка в сравнительно-сопоставительном аспекте с некоторыми современными тюркскими языками, в котором представлены серьезные и обоснованные рассуждения по вопросам исторического развития якутского языка. На наш взгляд, интересным является предположение Н. Н. Широбоковой о древнетюркской орхонской системе, являющейся базовой для якутского языка, а также о том, что древнеуйгурские компоненты занимают достаточно важное системное место в якутском языке: «В якутском древнеуйгурские формы сосуществуют с древнеорхонскими, являясь системообразующими (например, в поле будущего времени), можно интерпретировать двояко: либо эти два компонента имели примерно равный удельный вес при формировании скрещенного якутского языка, либо в формировании якутского языка принял участие тюркский язык, совмещавший черты, дифференцировавшиеся позднее в рамках древнетюркского и древнеуйгурского языков» [24, с. 242]. Кроме того,

Н. Н. Широбокова заметила, что якутский язык унаследовал собственно уйгурскую форму на -гу, которая стала ядерной в поле будущего времени [24, с. 246].

Отдельные вопросы отношения якутского языка к древнеуйгурскому языку рассматриваются в научной статье Г. Г. Левина «Отношение якутского языка к языку восточно-туркестанских рунических памятников». В этой работе рассматривается историческая связь якутского языка с древнеуйгурским языком, подвергаются анализу фоноструктурные и семантические особенности якутско-древнеуйгурских лексических репрезентаций. Как предполагает исследователь, тесная связь между древними уйгурами и якутами выявляется в близости обычаев и обрядов. Ссылаясь на работу Е. С. Малова, он отмечает что, «у сары уйгуров, связанных с древними уйгурами, селенгинской группой токуз-огузов» имеется обычай, где «молодые парни принимали участие в молении и подпевали шаману. Этот древнеуйгурский обычай хорошо сохранился у хакасов и якутов: позади шамана становилось 9 непорочных парней и столько же девиц – *битииһумтэр* «плясунов». Они принимали участие в обряде *төрүт онгорторор* (о ниспослании приплода) [25, с. 37]. Г. Г. Левин рассмотрел письменные памятники из Восточного Туркестана, написанные руническими буквами, в частности, тексты «ЫрхБитиг» («Гадательная книга»), фрагменты рукописных документов из Тойока, Дуньхуана, Турфана и сопоставил язык этих памятников с современным якутским языком. По его мнению, язык этих памятников является орхоно-уйгурским (древнеуйгурским). Сравнительный анализ фонетических, структурных и лексико-семантических особенностей лексических репрезентаций показал тесную взаимосвязь между якутским и древнеуйгурским языками.

В монографии Г. Г. Филиппова «Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование» (Якутск, 2014 г.) [26] рассмотрен вопрос отношения якутских причастий к причастиям других тюркских языков, в том числе уйгурского и древнеуйгурского языков. В данной работе Г. Г. Филиппов, рассмотрев и сопоставив аффиксы причастия **-ыах** якутского языка с другими функциональными формами глаголов тюркских языков, подтверждает научные взгляды Е. И. Убрятовой о связи якутского языка с древнеуйгурским на основе уже доказанных соответствий форм на **-гу/-ыа**; **-гула/-ыалаа**; **-гу кэл/-ыа кэл**; **-гу кэрэк/-ыа кэрэх**; **-чы/-сы**, также наличие элемента на **-чык** в формах на **-ааччык**, **-аайык**, **-ыыһык** якутского языка, который сопоставляется с формой на **-йык** древнеуйгурского языка [26, с. 116-117]. Как утверждает Г. Г. Филиппов, Е. И. Убрятова предполагает отношения предков якутов и древних уйгуров ограниченными и указывает на то, что в якутский древнеуйгурский язык попал через тюркские языки Южной Сибири. Он считает, что уйгурский язык занимает важное место в якутском языке, личные формы глагола имеют близкое родство с уйгурскими языками [26, с. 117].

Таким образом, Гипотеза близкого родства языка древнеуйгурского письменного памятника Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» к якутскому языку восходит к XIX в. Данное доказательство впервые было предложено венгерским тюркологом Германом Вамбери, который рассмотрел лексический состав и фонетические явления в языке древнеуйгурского письменного памятника «Благодатное знание». Тюрколог утверждал, что отдельные элементы в фонетических явлениях языка древнеуйгурского письменного памятника, а также его словесное богатство имеют удивительное родство с языком якутов, живущих на отдаленном севере Азии. Его научное предположение о том, что уйгурский язык Восточного Туркестана «отстоит много дальше от древнеуйгурского языка, чем якутский диалект, на котором разговаривают на берегах студенной Лены» и по сей день заставляет задуматься многих востоковедов. Его гипотезу поддержал Г.Г. Левин, рассмотрев письменные

памятники из Восточного Туркестана «Ырх Битиг» и фрагменты рукописных документов из Тойока, Дуньхуана, Турфана. Однако ряд исследователей до сих пор считают исследование Г. Вамбери относительно памятника «Кутадгу билиг» неточным. Сомнения при этом у них вызывает недостаточно точный перевод и расшифровка некоторого языкового материала памятника. Несмотря на это, древнеуйгурский и уйгурский языки стали объектом исследования многих ученых, в результате чего значительно увеличилось количество научных гипотез в области лексики и фонетики, получен ряд важных и интересных результатов в исследованиях по сравнительной морфологии и синтаксису древнеуйгурского и уйгурского языков (В.В. Радлов, С.Е. Малов, А.Т. Кайдаров, Г.С. Садвакасов, В.М. Насилов, Э.Р.Тенишев и другие). Вопрос отношения уйгурского и древнеуйгурского языков к якутскому языку был также поставлен Е.И. Убрядовой, Н.Н. Ширококовой, А.Н. Самойловичем, Г.Г. Филипповым, Г.Г. Левиным и другими учеными.

Сравнение с пратюркскими формами

Издревле природа и человек существуют в тесной взаимосвязи друг с другом. Природа является неотъемлемой частью жизни человека, оказывающей непосредственное влияние на нее. Так, представление человека об окружающем его мире, и в частности о природе, формируют глубинную основу системы его ценностей [27, с. 11], находящей непосредственное отражение в языке народа. Названия растений представляют собой особый пласт лексики как в якутском, так и в других тюркских и древнетюркских языках.

Общие слова: 1) як. *silis* 'корень растения' // уйг. *žiltiz* 'корень, пускать корни' [УРС, 1968: 491], др.уйг. *jildiz* 'корень дерева' [МК, ДЛТ, 2005: 772]; CVCVCCVC: 1) як. *säbirdäq* 'лист, листок' [БТСЯЯ, 2012, Т.IX: 535] // уйг. *jopurmak* 'лист, листок, листва' [УРС, 1968: 787], др.уйг. *jaburgak* 'лист дерева' [МК, ДЛТ, 2005, 780]. Пратюркской формой, обозначающей наименование корня растения является основа **jyltyz* [СИГТЯЛ, 1090]. Неассимилированная группа *-lt* в середине слов древнее, чем *-ld*, а йотированная форма основы определяется первичной сравнительно с нейотированной [СИГТЯЛ, 109]. Следовательно, основа древнеуйгурских письменных памятников в форме *jildiz* 'корень дерева' указывает на более древнюю форму, чем якутская или уйгурская формы. Пратюркская форма наименования листа – **japraq* [СИГТЯЛ, 111], которая имеет наиболее распространенное функционирование среди тюркских языков. Другая пратюркская форма в варианте **jaryuq* зафиксирована в древнеуйгурском, ограничиваясь узким кругом. Предполагается, что производящей основой праформ была основа **jalby* "плоский". Сравнение якутского материала с уйгурским и языками древнеуйгурских письменных памятников приводит к заключению, что якутская форма имеет особенную фоноструктуру, в котором наблюдается соответствие [j] в других тюркских языках на [s] в якутском в начальной позиции.

Травянистые растения: VC: 1) як. *ot* 'трава, сено' // уйг. *ot II* 'трава, сено' [УРС, 1968: 87], др.уйг. *ut* 'растение' [МК, ДЛТ, 2005: 74], *ot* 'трава' [КВ, 1979: 347]; CVCVC: 1) як. *čäčik* 'цветок' // уйг. *čečäk* 'цветок' [УРС, 1968: 403], др.уйг. *gagak* 'цветок, цветы' [МК, ДЛТ, 2005: 368], *čiček* 'цветы' [КВ III, 1979: 131]. В якутском и уйгурском языках наблюдается устойчивое функционирование пратюркской формы, обозначающей наименование травы, в форме **ot*. В сравнении с формой, зафиксированной в языке древнеуйгурских письменных памятников "Кутадгу Билиг" и "Диван Лугат ат тюрк", якутский и уйгурский варианты имеют устойчивое семантическое значение: в якутском и уйгурском основа обозначает траву, в языке письменных памятников – растение. Пратюркская форма для понятия "цветок" является **čeček*, по своей фоноструктуре близка к якутской и уйгурской формам, по сравнению с языком письменных памятников. Значение основ во всех трех языках имеет устойчивое функционирование.

Кустарники: CVC: як. *talaq* ‘кустарная ива, ивняк’ // уйг. *tal* ‘ива, тальник; верба; узколистный тополь; ситуха; кусок, ломоть; селезенка, точь в точь’ [УРС, 1968: 281], др.уйг. *tāl* ‘нежная, гибкая ветвь’ [МК, ДЛТ, 2005: 856], *tal* ‘1. сук, ветвь; 2. перен. ответвление, ветвь, отрасль’ [КВ III, 1979: 419]; CVCVCCV: 1) як. *tamīlxa* ‘таволга’ // уйг. *tevilga* ‘бот. таволга’ [УРС, 1968: 347], др.уйг. *tavilguz* ‘таволга’ [МК, ДЛТ, 2005: 451]. Форма **tal* в тюркских языках имеет устойчивое семантическое значение – обозначает наименование ивы. Уйгурская форма ивы и форма, представленная в языках письменных памятников, соответствуют пратюркской форме – **tal*. Якутская же форма имеет конечный уменьшительный аффикс с утерянным значением – *-ah*. При этом следует отметить, что в уйгурском языке наблюдается дальнейшее развитие семантики слова от ивы до узколистого тополя. Таволга номинирована в якутском языке формой *tamīlxa*, а пратюркская форма – *tabylxu*.

Деревья: CVCVC: 1) як. *ias* ‘сера, древесная смола (употреб. для жевания)’ // уйг. *jayač I* ‘дерево’ [УРС, 1968: 774], др.уйг. *jigaz* ‘дерево’ [МК, ДЛТ, 2005: 760], *jigač* ‘дерево’ [КВ III, 1979: 538]; 2) як. *tiräq* ‘тополь’ // уйг. *teräk* ‘тополь’ [УРС, 1968: 343], др.уйг. *tirak* ‘тополь’ [МК, ДЛТ, 2005: 388]; 3) як. *mutuk* ‘ветка’ // уйг. *putak* ‘ветвь, ветка, сук’ [УРС, 1968: 256], др.уйг. *butaq* ‘ветвь, ответвление чего-либо’, *butak* ‘ветвь’ [МК, ДЛТ, 2005: 357], *butik* ‘ветвь’ [КВ III, 1979: 118]; CVCVCVC: 1) як. *qarija* ‘ель’ // уйг. *karıvaj* ‘сосна, ель’ [УРС, 1968: 582], др.уйг. *qapāqān* ‘вид дерева, растущего в горах’ [МК, ДЛТ, 2005: 419]. Основное значение архетипа **yjač* – дерево как растение и дерево как материал. Согласно ЭСТЯ, пратюркская форма **yjač* есть продукт именного словообразования: **y* «растение, кустарник» + афф. *-jač* в увеличительном значении [ЭСТЯ, I, 172]. В якутском же языке данная форма обозначает понятие серы и древесной смолы, т. е. является частью того, что обозначается в уйгурском языке и языке письменных памятников. По форме также представлено несколько иным варинатом – *ias*. Пратюркская форма тополя представлена в варианте **terek*. В тюркских языках лексические параллели тополя обозначают такие понятия, как: а) тополь; б) черный тополь; в) растущее дерево; г) столб, опора; д) осина; е) одинокое дерево на берегу р. Хурзук, которому поклонялись карачаевцы в период язычества и даже после принятия мусульманства. В рассматриваемых нами языках наблюдается устойчивое сохранение семантического значения пратюркской формы – обозначение понятия «тополь». Уйгурская форма и форма, зафиксированная в древнеуйгурских письменных памятниках, имеет близкое сходство с пратюркской формой, которая оформлена, как **bu:taq*. При этом значение основы в современном уйгурском языке имеет наиболее широкое понятие. Другими словами, предполагается семантический переход «ветвь» > «сук». Пратюркская форма **qarayaj* обозначает наименование сосны, что соответствует уйгурскому варианту. В якутском же языке лексическая параллель в форме *qarija* употребляется при обозначении ели. В языке древнеуйгурских письменных памятников не до конца ясно, какое конкретное дерево именуется формой *qapāqān*, т. к. обозначается название дерева, растущего в горах.

Заключение

Таким образом, прослеживается тесная взаимосвязь якутского языка с уйгурским языком и языками древнеуйгурских письменных памятников Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» и «Кутадгу Билиг». Отмечается, что рассмотренные основы в семантическом плане наиболее устойчивы в отношении к их пратюркским формам, чем их фоноструктурное оформление. При этом тематическая группа слов в области травянистых растений демонстрирует тесную связь якутского и уйгурского языков с пратюркским языком, а язык письменных памятников находится в наиболее отдаленной позиции. Вместе с тем якутский язык занимает особое место в системе рассмотренных тюркских языков по материалам

наименований объектов растительного мира: наблюдается функционирование уменьшительного аффикса с утерянным значением –*ah*, наличие анлаутного и ауслаутного [x] вместо [к] в других тюркских языках, опущение инлаутного [γ] в якутской форме, соответствие [м] в якутском с [б], [п] в других тюркских языках.

Литература

1. Vambery, H. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik / H. Vambery. – Innsbruck : Wagner, 1870. IV, 258 p.
2. Насилов, Д. М. Конструкция –*а туур* в древнеуйгурском языке / Д. М. Насилов // Сибирский тюркологический сборник. – Новосибирск, 1976. – С. 42-48.
3. Убрятова, Е. И. Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири / Е. И. Убрятова // Историческая грамматика якутского языка. – Якутск : Изд-во Якутского госуниверситета, 1985. – С. 22-32.
4. Широбокова, Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Н. Н. Широбокова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 268 с.
5. Филиппов, Г. Г. Причастия якутского языка : комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Монография / Г. Г. Филиппов. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 606 с.
6. Левин, Г. Г. Историческое отношение якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками) / Г. Г. Левин. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 436 с.
7. Юсуф Баласагунский. Кутадгу билиг. – Стамбул : Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1979. – 565 с.
8. Махмуд ал-Кашгари. «Диван Лугат ат-Турк». – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
9. Уйгурско-русский словарь / составитель Э. Н. Наджип. – Москва : Советская энциклопедия, 1968. – 828 с.
10. Уйгурско-русский словарь / составители Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. – Москва, 1939.
11. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – Москва : Наука, 1974. – 768 с.
12. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – Москва : Наука, 1978. – 350 с.
13. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские основы на буквы В, Г и Д. – Москва : Наука, 1980. – 395 с.
14. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Ж-Ж-Й. – Москва : Наука, 1989. – 293 с.
15. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы К-Қ. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
16. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву Қ. – Москва : Индрик, 2000. – 265 с.
17. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л-М-Н-П-С. – Москва : Восточная литература РАН, 2003. – 446 с.
18. Малов, С. Е. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам / С. Е. Малов // ИРКСВА. Серия II, 1912. №1. Апрель. – С. 94-99.
19. Малов, С. Е. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы / С. Е. Малов. – Москва : Наука, 1967. – 219 с.
20. Насилов, В. М. Древнеуйгурский язык / В. М. Насилов. – Москва : Изд-во вост.лит., 1963. – 121 с.
21. Насилов, Д. М. Об алтайской языковой общности (к истории проблемы) / Д. М. Насилов // Тюркологический сборник, 1974. – Москва, 1978. – С. 90-108.
22. Убрятова, Е. И. Язык норильских долган / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : Наука, 1985. – 200 с.
23. Убрятова, Е. И. Исследования по тюркским языкам : Избранные труды / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2011. – 282 с.

24. Широбокова, Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Н. Н. Широбокова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 268 с.
25. Левин Г.Г. Историческое отношение якутского языка с древнетюркскими языками VII – IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками) / Г.Г. Левин. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 436 с.
26. Филиппов, Г. Г. Причастия якутского языка : комплексное типологическое функционально-семантическое исследование : Монография / Г. Г. Филиппов. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 606 с.
27. Гумилев Л. Н. От Руси к России / Л. Н. Гумилев. – Москва : Айрис-Пресс, 1992. – 318 с.

References

1. Vambery, H. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik / H. Vambery. – Innsbruck: Wagner, 1870. IV, 258 p.
2. Nasilov, D. M. Konstrukciya –a turur v drevneujgurskom yazyke / D. M. Nasilov // Sibirskij tyurkologicheskij sbornik. – Novosibirsk, 1976. – S. 42-48.
3. Ubryatova, E. I. Sledy drevnih tyurkskogo, ujugurskogo i kirgizskogo yazykov v sovremennyh tyurkskih yazykah Sibiri / E. I. Ubryatova // Istoricheskaya grammatika yakutskogo yazyka. – YAKUTSK : Izd-vo YAKutskogo gosuniversiteta, 1985. – S. 22-32.
4. SHirobokova, N. N. Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam YUzhnoj Sibiri / N. N. SHirobokova. – Novosibirsk : Nauka, 2005. – 268 s.
5. Filippov, G. G. Prichastiya yakutskogo yazyka : kompleksnoe tipologicheskoe funkcionāl'no-semanticheskoe issledovanie. Monografiya / G. G. Filippov. – YAKUTSK : Izdatel'skij dom SVFU, 2014. – 606 s.
6. Levin, G. G. Istoricheskoe otnoshenie yakutskogo yazyka s drevnetyurkskimi yazykami VII–IX vv. (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tyurkskimi i mongol'skimi yazykami) / G. G. Levin. – YAKUTSK : Izdatel'skij dom SVFU, 2013. – 436 s.
7. YUusuf Balasagunskij. Kutadgu bilig. – Stambul : Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1979. – 565 s.
8. Mahmud al-Kashgari. «Divan Lugat at-Turk». – Almaty : Dajk-Press, 2005. – 1288 s.
9. Ujgursko-russkij slovar' / sostavitel' E. N. Nadzhip. – Moskva : Sovetskaya enciklopediya, 1968. – 828 s.
10. Ujgursko-russkij slovar' / sostaviteli N. A. Baskakov, V. M. Nasilov. – Moskva, 1939.
11. Sevortyan, E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye. – Moskva : Nauka, 1974. – 768 s.
12. Sevortyan, E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B». – Moskva : Nauka, 1978. – 350 s.
13. Sevortyan, E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu V, G i D. – Moskva : Nauka, 1980. – 395 s.
14. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvu Ж-ZH-J. – Moskva : Nauka, 1989. – 293 s.
15. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvu K-Қ. – Moskva : YAzyki russkoj kul'tury, 1997. – 368 s.
16. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvu Қ. – Moskva : Indrik, 2000. – 265 s.
17. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvu L-M-N-P-S. – Moskva : Vostochnaya literatura RAN, 2003. – 446 s.
18. Malov, S. E. Otchet o puteshestvii k ujguram i salaram / S. E. Malov // IRKSVA. Seriya II, 1912. №1. Aprel'. – S. 94-99.
19. Malov, S. E. YAzyk zhelytyh ujgurov. Teksty i perevody / S. E. Malov. – Moskva : Nauka, 1967. – 219 s.
20. Nasilov, V. M. Drevneujgurskij yazyk / V. M. Nasilov. – Moskva : Izd-vo vost.lit., 1963. – 121 s.
21. Nasilov, D. M. Ob altajskoj yazykovoj obshchnosti (k istorii problemy) / D. M. Nasilov // Tyurkologicheskij sbornik, 1974. – Moskva, 1978. – S. 90-108.
22. Ubryatova, E. I. YAzyk noril'skih dolgan / E. I. Ubryatova. – Novosibirsk : Nauka, 1985. – 200 s.

23. Ubryatova, E. I. Issledovaniya po tyurkskim yazykam : Izbrannye trudy / E. I. Ubryatova. – Novosibirsk : RIC NGU, 2011. – 282 s.
24. SHirobokova, N. N. Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam YUzhnoj Sibiri / N. N. SHirobokova. – Novosibirsk : Nauka, 2005. – 268 s.
25. Levin G.G. The historical relationship of the Yakut language with the ancient Turkic languages of the 7th – 9th centuries. (in a comparative aspect with the Eastern Turkic and Mongolian languages) / G.G. Levin. – Yakutsk: NEFU Publishing House, 2013. – 436 p.
26. Filippov, G. G. Prichastiya yakutskogo yazyka : kompleksnoe tipologicheskoe funktsional'no-semanticheskoe issledovanie : Monografiya / G. G. Filippov. – YAkutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2014. – 606 s.
27. Gumilev L. N. Ot Rusi k Rossii / L. N. Gumilev. – Moskva : Ajris-Press, 1992. – 318 s.

Е. Р. Николаев

Лексическое поле *үрүмэ* ‘молочная пенка’ в якутском языке: нормативно-диалектный и сравнительно-сопоставительный аспект

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

Аннотация. Данное исследование проведено в контексте сохранения и документирования диалектной лексики якутского языка. Необходимость изучения литературно-нормативных и диалектных наименований молочных продуктов (блюд) в якутском языке обусловлена тем, что недостаточно изучена лексика скотоводческой культуры. Изучение гастрономической лексики позволит не только выявить семантические схождения и отличия, но и познакомиться с культурой традиционной пищи родственных и неродственных народов. Основная цель данного исследования заключается в описании лексического поля наименования молочного продукта *үрүмэ* ‘молочная пенка’ в якутском языке в сопоставлении с тюркскими и монгольскими языками. В работе предпринята попытка выявить и определить структурные и семантические особенности лексического поля *үрүмэ* ‘молочная пенка’, провести сравнительно-сопоставительный анализ наименований молочной пенки в тюркских и монгольских языках. Для решения поставленной цели работы, выполненной в традициях лингвокультурологии, использованы контекстный анализ, описательный метод и интерпретация языкового материала. Приводятся лексикографические примеры, выдержки из этнографических материалов, раскрывающие лексические значения отдельных слов. Определена структура слов, которые являются гастрономическими терминами, обозначающими различные блюда из молочной пенки. Выявлены их форманты, отмечены компоненты составных терминов. Анализ показал, что в хакасском, тувинском, тофаларском и якутском языках присутствуют наименования молочной пенки *үрүмэ/өрүмө*, которые имеют схождения в монгольских языках. Устанавливается связь наименования молочной пенки *көпүк/күбек* в тюркских языках с общетюркским значением именной основы *көп** ‘обильный, большой, пышный’, имеются лексические схождения с диалектными номинациями взбитых сливок (*көбүкү, көп* и др.) в якутском языке. Наименования видов сливочного масла в якутском языке (*көбүөр, көбдө арыы, көбүөр арыы*) обнаруживают семантические параллели с монгольской основой *көп** со значением ‘рыхлый’. Выявлено также, что монгольской лексике близки якутские наименования сушеной молочной пенки *тарчаа, таччаба, чачык, чаччык, чаччаа, чаччаба*. Описание подтвердило, что в лексическое поле «*Үрүмэ*» включаются наименования-архаизмы глиняной посуды для приготовления блюд из молочной пенки (*бабарах, түптэх*). Установлена коннотативная семантика степени жирности молока в цветообозначающем компоненте *кыһыл үрүмэ*.

Ключевые слова: тюркский язык, якутский язык, монгольский язык, лексическое поле, гастрономическая лексика, молочная пенка.

Исследование проведено в рамках государственной программы «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020-2024 годы» (Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 г. № 472 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)»).

НИКОЛАЕВ Егор Револьевич – к. филол. н., научный сотрудник отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: 1953307@mail.ru

NIKOLAEV Egor Revolvievic – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow, Department of Yakut Language, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

E. R. Nikolaev

Lexical field *yrume* ‘milk foam’ in the Yakut language: normative-dialect and comparative-comparative aspect

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

Abstract. The vocabulary of cattle breeding has not been sufficiently studied in the Yakut language. The study of dialect names of dairy products (dishes) remains relevant. The purpose of this study is to describe and analyze the lexical field of the name of dairy product *yrume* ‘milk foam’ in the Yakut language in comparison with the Turkic and Mongolian languages. To achieve the goal, the following tasks were set: to identify and determine the structural and semantic features of the lexical field *yrume* ‘milk foam’; to conduct a comparative and comparative analysis of the names of milk foam in the Turkic and Mongolian languages. The work uses the methods of descriptive method, contextual analysis and interpretation of linguistic material. The material and sources are explanatory, dialectological dictionaries, and ethnographic materials. In the course of the study the structure of gastronomic terms, which denote different types of dishes made of milk foam, was determined. Word-forming affixes and components of compound terms were identified. The analysis showed that the Khakass, Tuvian, Tofalar and Yakut languages contain the names of milk foam *yrume//oromø*. This lexical series is of Mongolian origin. In other Turkic languages, the word *kopuk//kybek* is used to denote milk foam. The basis of these names is the Turkic word *kəp** with the meaning ‘great, large, lush’. The Turkic word *kəp** is expressed by dialectal nominations of whipped cream in the Yakut language (*kəbyky*, *kəp*, etc.). Yakut names of butter (*kobyər*, *kəbdə ary*, *kobyər ary*) are close to the Mongolian base *kən** with the meaning ‘loose’. The Mongolian lexicon is close to the Yakut nominations of dried milk foam (*chachyk*, *chachchaa*, etc.). The lexical field of milk foam includes the names of earthenware utensils (*başarakh*, *typtekh*) for preparing dishes from milk foam. The connotative semantics of the degree of milk fatness in the color- denoting component *kyhyl yrume* was established.

Keywords: Turkic language, Yakut language, Mongolian language, lexical field, gastronomic vocabulary, milk foam.

The research was conducted as part of the state programme «Preservation and Development of State and Official Languages in the Republic of Sakha (Yakutia) for 2020-2024». (Government Resolution of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 472 of 18 July 2022 ‘On the State Programme of the Republic of Sakha (Yakutia) «Preservation and Development of State and Official Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)»).

Введение

Тема лексики скотоводческой культуры тюркских народов в сравнительно-сопоставительном аспекте всегда остается актуальной, поскольку синхроническое изучение представляет современное состояние языка, выявляет его сохранность, дает возможность документировать существующие языковые факты. Диахронический подход в интеграции с синхроническим раскрывает те моменты, которые могут быть интересны именно для сопоставления тождественных признаков, например, диалектных, с лексикой родственных языков. В этом ракурсе исследованию подвергаются не только план выражения – структура, но и смысловой аспект – семантика. Такой подход наиболее продуктивен в изучении лексики пищи (или гастрономической лексики), так как пища является своеобразнымкумулятивом человеческой жизнедеятельности в природном ландшафте, содержащим и отражающим материальные и духовные ценности любого народа. В состав лексики пищи входят самые значимые социо-культурные реалии прошлого и настоящего, которые подвержены изменениям в силу экономических, исторических, культурных реалий, тем самым исследование этой тематической группы является актуальной и необходимой в контексте сохранения и развития языков народов России.

Степень изученности темы

Традиционная национальная кухня якутов, разновидности блюд (продуктов) всегда входили в поле исследований этнографов, собирателей фольклора. Подробную классификацию и описание якутской традиционной пищи сделал этнограф, фольклорист А. А. Саввин [1]. Он распределил пищу якутов по следующим группам: молочные, мясные, рыбные, растительные, мучные блюда, напитки. Большая часть блюд (продуктов) давно вышла из обихода, и наименования этих блюд находятся в диалектном или в устаревшем пласте лексики якутского языка. Этнографический обзор с анализом процесса приготовления основных блюд якутов и с сопоставлением родственных тюркских культур и языков сделал С. И. Николаев [2]. Роль растительной пищи в дореволюционной жизни якутов изучила О. В. Ионова [3]. Лингвокультурологический подход темы пищи мы находим в статье Л. Л. Габышевой, автор исследовала пищевой код в фольклорных текстах, его знаковые, мифологические особенности [4]. Гастрономическая лексика якутского языка в плане языковой реалии хорошо проработана в статьях Т. Н. Николаевой, в частности, о «белой» (*уруҥ ас*) и «черной» (*хара ас*) пище, о ритуальной отмеченности молочной пищи и т. д. [5, 6]. Нами были рассмотрены тунгусо-маньчжурские заимствования в лексике якутской пищи, фрагмент языковой картины мира в лексике пищи якутского и тувинского языков, о семантических параллелях в лексике традиционной пищи в якутском, хакасском, алтайском народных сказках и т. д. [7, 8, 9, 10]. Молочную лексику якутского, алтайского, хакасского и тувинского языков, в частности, с указанием о том, что «возможно, в тувинский и якутский слово (*өрөө*) попало из монгольского языка» изучали якутские и калмыцкие лингвисты в соавторстве [11].

В тюркских языках лексику традиционной пищи в разных аспектах рассматривали: Р. П. Абдина – хакасскую пищу [12], Хайрутдинова – татарскую [13], Аминева – башкирскую пищу [14] и др., в монгольских языках: названия молочных продуктов в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках, а также лексику, отражающую традиционную пищу калмыков [15, 16] и др.

Материалы и источники

Выборка материала данного исследования основывается на национальном корпусе литературно-нормативной лексики современного якутского языка, источником которого служит 15-томный Большой толковый словарь якутского языка. Также опорным источником для нашего исследования послужили два диалектологических словаря якутского языка, двуязычные словари тюркских и монгольских языков.

Для решения поставленной цели работы использованы контекстный анализ, описательный метод и лингвокультурологическая интерпретация языкового материала.

Цель статьи – описание лексического поля наименования молочного продукта *урумэ* ‘молочная пенка’ в якутском языке в сопоставлении с тюркскими и монгольскими языками.

Задачи исследования: описать структурные и семантические особенности лексического поля *урумэ* ‘молочная пенка’ в якутском языке; выявить лексические единицы, обозначающие молочную пенку в тюркских и монгольских языках; установить круг лексического поля *урумэ* ‘молочная пенка’.

Из всей многоэлементной системы лексико-семантической группы «Наименования молочных продуктов и блюд» выделяется не только разнообразием, но и отличается различными фонетическими вариантами, репрезентативностью значений, образующих лексико-семантическое поле одного слова – *урумэ* ‘молочная пенка’.

В общеп якутской лексике *урумэ* имеет следующее значение: тонкая пленка или пенка, образовавшаяся при остывании кипяченого молока; национальная якутская пища, приго-

тавливаемая из обезжиренного молока в особых случаях: во время кипения молока огонь уменьшают так, чтобы на поверхности молока образовалась пенка. По мере образования снимают пенку, дают с нее стечь молоку и перекладывают ее слоями в посуду с плоским, широким дном, поливая каждый слой топленным маслом. Подают к столу, свернув рулетом и нарезав на узкие кусочки [17].

Толковый словарь якутского языка дает также дефиниции трех наименований блюд на основе молочной пенки: *бабарах үрүмэ* ‘вид национальной якутской молочной пищи: от *үрүмэ* отличается используемой для приготовления посудой (специальный глиняный горшок с широким верхом – *бабарах*), а также тем, что слои молочной пенки промазывают сметаной’; *бурдуктаах үрүмэ* ‘... в молоко добавляют немного муки’, букв. молочная пенка с мукой; *сүннүөх үрүмэ* ‘... үрүмэ, свернутое со сливочным маслом в виде рулета’, вероятно от *сүннүөх* ‘картечь (пуля)’, ‘голенная кость лошади’ [18, с. 249-250]. Этимологические поиски якутских лингвистов привели к такому выводу: *сүннүөх үрүмэ* был образован как метафорический перенос – произошло сравнение пули, жакана с костью: «в старину при отсутствии свинца якуты вытачивали костяные пули и пули из древесного сучка» [19].

Диалектные лексикографические источники представляют следующие наименования блюд из *үрүмэ*, которые можно выделить:

по способу приготовления: *бабарах үрүмэ*, татт. *ыаммыт үүтү бабарах чугуун иһиккэ оргутан онгорор үрүмэ* ‘кушанье из пенки, полученной специальным кипячением цельного молока’ [20, с. 57], т. е. *үрүмэ* выпаривают на специальном широком глиняном горшке называемой *бабарах*;

по внешнему облику: *дьапталба үрүмэ*, татт. *халбыллыбыт үүтү анал иһиккэ кыын-һаран ылбыт үрүт-үрдүгэр ууруллубут үрүмэ* ‘кушанье из сложенной слоями пенки, полученной специальным кипячением снятого молока’ [20, с. 95]. Определяющая лексема *дьапталба* образована от основы *дьаптал* ‘уложенный слоями, лежащий пластами’ [20, с. 311], восходящим к монголизму *дьапта* ‘слой, пласт’ [22, с. 171];

по агрегатному состоянию: *тааркы, үрүт-үрдүгэр дьаптайан хатарыллыбыт үүт үрүмэтэ* ‘сушеная молочная пенка, сложенная в несколько слоев’; *тарка, тарки*, сиб. рус. ‘слоеное печенье’ [20, с. 231]; *тааркы*, сиб. рус. *тарка; саха тааркыта* ‘сушеная молочная пенка, сложенная в несколько слоев’ [23, с. 2580]; *чачык, хатарба; тарчаа*, инд. *хаппыт үрүмэ* ‘сушеная пенка молока’; *үүтү кыынһараллар, ол үрүмэрэн тахсар, ону, халбийан ылан, долбуурга хатараллар, ол аата тарчаа диэн* ‘молоко кипятят, образовавшуюся пенку снимают и сушат на полке, а называется эта сушеная пенка тарча’ [24, с. 184]; *таччаа* [24, с. 185], *чарчаа* [24, с. 232]; *таччаба* ‘что-либо засохшее тонкое, но твердое’; *чаччаба: таччабалаа* ‘сѣдая жижу, оставлять гущу’; *чаччабалаа; бу оҕо аһылыгын таччабалаан кэбистэ* ‘сѣвши жижу, это дитя оставило гущу’ [23, с. 2608]; ср.: *татчай* ‘растопыриваться’: *татчайа хаппыт* ‘растопырилась-ссохлась (кожаная одежда)’ [23, с. 2604]; *чачча*, аб., ойм. *үрүмэ* ‘пенка на молоке’; *чаччаа*, ойм. *чаччаба, таччаба* ‘что-либо из пищи, засохшее, тонкое и жидковатое, например, тонкая пенка на молоке (вероятно, раньше – сухая пища, сухая мелкая рыба)’; *чаччабалаа, таччабалаа; ынах үүтүн чаччабалаан* ‘превращая молоко во что-то густое или твердое’; *чаччык*, верх.; *чачык* ‘снятая с молока пленка, засушенная в виде трубочки – сухое молоко, составляющее у якутов лакомство’ [20, с. 297; 23, с. 3591, 3593]; *чаччаа*, диал. *кыра-кыра лэппиэскэ курдук гына хатарыллыбыт үрүмэ* ‘сушеная в виде лепешки үрүмэ’, ср. *чаччаарыйбыт* ‘испещренный морщинами, морщинистый (о лице человека)’ [25, с. 128]. Возможно, что *тарчаа, таччаба, чачык, чаччык, чаччаа, чаччаба* восходят к монгольязычной лексике: *sarči-*: *sarčiyar*, халх. *сарчгар*, бур. *һаршагар* ‘тонкий, разошедшийся; шелестящий, хрустящий’; *sarčiyi-*, халх. *сарчий-*, бур. *һаршай-, һаршии-* ‘быть увядшим, разошедшимся, быть скорченным’ [26, с. 90].

К данной микрогруппе также относится другое наименование блюда из *үрүмэ*: **хатарба**, татт. *хаптыт үрүмэ* ‘высушенная молочная пенка’ [20, с. 285]; иссушенная молочная пенка [23, с. 3401]; *хатарбалаа* ‘снабжать иссушенной молочной пенкой или рыбой’ [23, с. 3401]. Основа *хатарба*, вероятно, восходит к др.-тюрк. *qat-* ‘становиться твердым, твердеть’ [27, с. 432].

Диалектная лексика также различает виды *үрүмэ* по их качеству (по жирности): **кыһыл үрүмэ**, инд. *хойуу үүт үрүмэтэ* ‘пенка от жирного молока’ [23, с. 106]; **үрүн үрүмэ**, инд. ‘белая пенка’ [24, с. 210]. *Кыһыл*, кроме традиционного обозначения цвета, проявляется в качестве составного элемента в коннотативных значениях: *кыһыл сыалаах* ‘слабой упитанности (о лошади)’, букв. с красным жиром [28, с. 373], «*кызыл эремсек* “красный творог” – разновидность творога. Он получается при продолжительном кипячении молока с добавлением свежей сметаны и катыка» [29, с. 25]. Скорее всего цветовой компонент в *кыһыл үрүмэ* является показателем высокой жирности, а также ценности блюда из-за продолжительности, сложности приготовления.

Диалектная лексика якутского языка выявляет также и расширение семантики *үрүмэ*: в усть-янском говоре обозначает *чөчөгөй* ‘жидкие сливки’ [24, с. 209].

Вероятно, одной из вершин якутской национальной кухни может считаться блюдо **үрүмэ арыыта**, лен. *ыаммытынан үүт үрүмэтиттэн онгоһуллубут арыы* ‘масло, приготовленное из пенки парного молока’; *үрүмэ арыытын курдук арабас дьахтар* ‘румяная (женщина), как масло из пенки парного молока’ [24, с. 209].

Структура наименования

Лексема *үрүмэ* образует сложные гастрономические термины с помощью словообразовательного аффикса обладания *-лаах* для обозначения значения принадлежности: *бурдуктаах үрүмэ*, *арыылаах үрүмэ*. Также *үрүмэ* образует составной термин с помощью аффикса принадлежности 3-го лица *-та*: *үрүмэ арыыта*; деривационный процесс видов *үрүмэ* средством терминообразующих словообразовательных формантов *-ба* = *хатарба*, *-ба* = *чаччаба*.

Примером синтагматического способа образования являются *баҕарах үрүмэ*, *дьапталҕа үрүмэ*, которые можно определить как составные термины, построенные по модели сущ.+сущ. (*хатын чаран*, *бэс чагда*, *тимир суол* и т. д.), выражающие конкретно-предметное понятие [30, с. 178], а также термины по модели прилаг.+сущ.: *кыһыл үрүмэ*, *үрүн үрүмэ*.

Посуда для приготовления блюд из молочной пенки

Лексическое поле *үрүмэ* также включает периферийные лексемы, без которых образование данного круга лексем немыслимо. Издревле *үрүмэ* готовили в глиняных посудах, номинации которых составляют микрогруппу наименований традиционной посуды и утвари в якутском языке. Мы выявили около 20 названий глиняной посуды, среди которых присутствуют горшки различных размеров, использующихся только для приготовления *үрүмэ*:

түптэх: старинное название горшка (*баҕарах*) [23, с. 2911]; молоко яловой коровы, предварительно охлажденное в течение 8-10 часов, выпаривалось в особых глиняных горшках *түптэх* или *баҕарах*, представляющих собой довольно большую орнаментированную чашу, снабженную иногда четырьмя ножками. ... В последнее время из-за отсутствия *түптэх*ов *үрүмэ* начали готовить в сковороде [1, с. 108]. *Түптэх* является практически забытым словом, семантика неоднозначна: «*Одьо Һомсоон Улахан Обуруоттаах таххы-ытыгар Куртуйах Сүүлэ диэннэ олорубут. Түөрт ынахтаабыттан иккитин сылын аайы кытаратар үһү. Кутуругун төрдүгэр төгүрүк хос-хос баайыллыбыт туос баайар үһү. Ол туоһун аата түптэх диэн. Букатын былыргылы тыл* = Одьо Самсон жил вблизи Улахан

Огуруоттаах в местности куртуйах Сююлэ. Из четырех коров две коровы оставлял яловыми. Привязывал к концу хвостов перевязанный кусок бересты. Название эти берестяных кусков – туптэх. Очень древнее слово» [31, с. 82]. В некоторых этнографических заметках упоминается, что «*кэлин күөс (түптэх) ымыы буолбут* = позднее глиняный горшок *күөс (түптэх)* трансформировался в оберег» [32, с. 13]. Возможно, мифоним *Түптүйэ* имеет одну основу с *түптэх=түптүйэ+х* (аффикс, образующий имена существительные, например, *балхай<баллах*): «Так, по материалам А. А. Саввина, покровителями кузнецов выступали: Кыырык Тебе, Кыса уус, Чуолган уус, Сорго уус, Кюеттээнэй уус, Чыскы уус, Кыстык уус, Балта уус, Сизрэ уус (ууһу анааччы), Иггит уус, Кыптыы уус, Ыһыы уус. Самым старшим среди них считался Аан Түптүйэ. (...) Теоним *Түптүйэ* указывает, что главным покровителем кузнеца являлся дух предка. Неслучайно плавильные горны, духи которых защищали кузнеца от врагов, повторяли форму глиняных горшков» [33, с. 22];

баҕарах: ‘низкий и широкогорлый горшок для варки молока (*үрүмэ үрүмэлиир баҕарах, үрүмэ баҕараба*) или рыбы (*балык баҕараба*)’; *баҕарах*, мег., сунт. ‘разновидность глиняной посуды для хранения воды’ [24, с. 46]; *баҕарчах, баҕатчах, баҕаччах, баҕалчах* ‘плоская глиняная чашка, горшок для варки молока, мяса’; *атахтаах баҕарчах* ‘горшок на трех ножках, употребляемый вместо чугунного котла для варки пищи’ [34, с. 328] – *чах* – аффикс уменьшительности; *чой баҕарах алгый* ‘крепкий, низкий и объемистый котел’ [23, с. 3631]. По Г. В. Попову, «... морфологическую структуру як. *баҕарах* можно проанализировать так: *бакыр* ‘медь’, ‘медная посуда’, ‘черпак’ + *-ак* (аффикс в уменьшительном и увеличительном значении)» [22, с. 106];

оҕо күһүйэтэ (көһүйэтэ), устар., нюрб. *оҕо үүтүн кыынньарар иһит* ‘маленький глиняный горшочек для кипячения молока ребенку’ [24, с. 140].

В якутском языке существует довольно большая лексико-тематическая группа лексем, обозначающая процесс и способы приготовления пищи, вкус пищи и т. п. Из более 300 слов и выражений мы выявили две лексемы, касающиеся непосредственно *үрүмэ*: **өллөн** вм. *тот-*: насыщаться, кормиться; *үрүмтэн үрүмэтин өллөнөн* ‘из молочной пищи насыщаясь (кормясь) пенками’ [35, с. 1931-1932]; **үрүмэ өттүктээх** ‘с пенным (из молока) боком (абааһы (темный дух; демон) называет так человека)’ [35, с. 1988].

Сравнительно-сопоставительный аспект

Данная сторона нашего исследования раскрывается в лексемах, обозначающих молочную пенку в тюркских языках: древнетюркский язык: *köpük* ‘пена’ [27, с. 317]; хакасский язык: *пызыг хаймах, пызыг чөөкей, пызыг өреме* ‘пенка (кипяченого молока)’ [36, с. 502], *өреме* ‘пенка (на кипяченом молоке)’, *пызыг өреме* ‘блюдо из пенки (кипяченого молока)’, ‘молочное блюдо, мороженая сметана, снятая с кипяченого молока (блюдо типа мороженого)’ [Субракова с. 328]; тувинский язык: *өреме* ‘сливки, пенки (с кипяченого молока)’ [38, с. 339]; тофаларский язык: *өреме* ‘пенка’ [39, с. 58]; алтайский язык: *сүттин көбүгү* ‘пенка молока’ [40, с. 365]; башкирский язык: *күбек* ‘пена’ [41, с. 753]; татарский язык: *күбек* ‘пенка (на поверхности остывающего молока)’ [42, с. 664]; казахский язык: *көбік* ‘пена’ [43, с. 244]; турецкий язык: *kaymak(ği), köpük(ğü), süt yüzü, sütbaşı* ‘пенка; пенка на кипяченом молоке’ [44, с. 318]; каракалпакский язык: *көбик* ‘пена (в разл. знач.)’ [45, с. 636]; киргизский язык: *көбүк* ‘пена’ [46, с. 530]; узбекский язык: *кўпик* ‘пена’ [47, с. 23]; азербайджанский язык: *köpük* ‘пена’ [48, с. 798] и др.

В монгольских языках: калмыцкий язык: *өрм* ‘сметана; пенка’, *үснэ өрм* ‘пенка на молоке’ [49, с. 424]; бурят-монгольский язык: *үрмэ(н)* ‘пенка (затвердевшая)’; *үрмэ сагаан*, собир. ‘пенки, сливки’ [50, с. 516].

Стоит отметить, что некоторые затруднения вызывает отсутствие лексем в словниках, непосредственно указывающих на молочную пенку, так как большинство лексикографических источников представляет общую лексему ‘пена; пенка’.

Корпус наименований молочной пенки указывает на то, что тюркские наименования восходят к др.-тюрк. основе *kör**: ‘обильный, большой, пышный’ [27, с. 317]. К этому лексическому полю включаются якутские диалектные наименования взбитых сливок: *көбөкө*, горн., *көбүккү*, верх., сакк., *көбүкү*, бул., сакк., *көөп*, вил., *көппөкү*, верх., *көппөө*, вил., *көпүкү*, сакк. [20, с. 116, 118]. Сюда можно отнести также диалектные наименования видов якутского сливочного масла с основой *көл**: **көбдө арыы** ‘неплотное масло; неплотный (*сахсахай*)’ [34, с. 1118]; *сахсархай*, *сахсахай* ‘рыхлый, неплотный’ [34, с. 2137; 2138]; **көбүүр**, вил., олен., сад. *чохоон* ‘сливочное масло, взбитое в теплом молоке, а затем замороженное; чехон’ [24, с. 87]; **көбүүр арыы**, олекм. *ыпсыыта кыттыбатах арыы* ‘плохо сбитое масло’ [24, с. 87]. Семантический ряд ‘рыхлость’ дополняется следующими лексемами: *көбүк*, *көмүк* ‘глубокий рыхлый снег’, *көбүгэс* ‘пух’, *көбдүлгэн сир* ‘рыхлая почва’ [34, с. 1119], тем самым имеет смысл включить в данный ряд монголоязычные лексемы и значения, например, *хүбэн саһан* ‘рыхлый снег’ [51, с. 113], *хүбэн(г)* ‘уподоб. как вата’ [52, с. 601], *көп-* ‘вздуваться, вспухать’ [52, с. 91], что дает нам возможность присоединиться к выводу – «... не исключает возможности существования общеалт. глагольно-именной основы *көп-/*көп, представленными в тюрк., монг. и тунгусо-маньчжурских языках» [53, с. 109]. Таким образом, *көл** также включает такие значения, как ‘пышность, рыхлость структуры (консистенции) того или иного вещества’, например, взбитых сливок.

Хакасский, тувинский, тофаларский и якутский языки, которые на различных этапах своего исторического развития имели монголоязычное (взаимо)влияние, сохраняют монгольскую лексему *ө(ү)рм** ‘пенка (молочная); сметана’. Данный факт был отмечен якутским тюркологом Н. К. Антоновым: *үрүмэ* (наряду с *сүөгэй*, *чөчөгөй*, *издьэгэй*, *ымдаан*, *сингэ*, *аарах*) считается монголизмом, поздним заимствованием, относящимся к оседлой скотоводческой культуре [54, с. 42].

Диахронический анализ показывает, что для хакасской, тувинской, тофаларской и якутской наименований молочной пенки, объединяющей категориальной семой, центральным ключевым словом является литературно-нормативное *үрүмэ//өрөмө*, а для остальных тюркских языков *көпүк//күбек* образует лексико-семантическую группу из наименований, в т.ч. диалектных, различных блюд якутского языка из молочной пенки. Данная группа дополняется микрогруппой якутских диалектных вариаций наименований взбитых сливок *көбүк* и рыхлого сливочного масла **көбүүр арыы**, **көбдө арыы**, которые по внешнему оформлению и семантически близки общетюркским лексемам *көлүк*, *күбэк* ‘молочная пенка’. Монгольской лексике близки якутские наименования сушеной молочной пенки *тарчаа*, *таччаба*, *чачык*, *чаччык*, *чаччаа*, *чаччаба*.

В синхроническом аспекте лексическое поле *үрүмэ* в якутском языке сохраняет свои позиции в современной культурной реалии, например, восстановлен полный процесс приготовления *арыылаах үрүмэ* в рамках республиканского конкурса «Приготовление национального блюда «Үрүмэ» в с. Черкёх Таттинского улуса [55]. Мы отметим такой интересный факт: основные гастрономические термины, обозначающие блюда из молочной пенки (*баҕарах үрүмэ*, *дьапталба үрүмэ*, *хатарба*) относятся к таттинскому говору. Таттинский говор относится к центральной диалектной зоне восточного диалектного массива якутского языка. В восточную диалектную зону также включены индигирский (*чачык*, *хатарба*, *тарчаа*, *кыһыл үрүмэ*, *үрүҥ үрүмэ*), оймьяконский (*чачча*, *чаччаа*) говоры. Данное явление можно связать с историческим расселением якутов-скотоводов в центральной и северо-восточной Якутии.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- лексическое поле як. *үрүмэ* представляет собой семантический ряд диалектных номинаций взбитых сливок (*көбүкү, көөп* и др.), восходящих к тюркским обозначениям молочной пенки (*күбэк, көпүк* и т.д.) с основой *көп** ‘обильный, большой, пышный’. В это лексическое поле также включаются общеякутские и диалектные наименования видов сливочного масла в якутском языке (*көбүөр, көбүөр арыы, көбдө арыы*), которые, возможно, восходят к монгольской основе *көп** со значением ‘рыхлый’. Т. е. данный круг наименований имеет тюрко-монгольские корни;
- связь с монгольской основой *өрм** репрезентируют: як. *үрүмэ* (как и наименование молочной пенки в тувинском, хакасском, тофаларском языках); якутские наименования сушеной молочной пенки *тарчаа, таччаба, чачык, чаччык, чаччаа, чаччаба* (с монгольскими *сарчгар, харшагар* ‘тонкий, разошедшийся; шелестящий, хрустящий’);
- наименования (гастрономические термины) якутских блюд из молочной пенки образуются с помощью аффикса обладания (*-лаах*), терминообразующих формантов (*-ба, -ба*);
- в лексическое поле *үрүмэ* также включаются наименования-архаизмы глиняной посуды (*бабарах, түптэх*);
- определяющий компонент *кыһыл* (*кыһыл үрүмэ*) выявляет коннотативную семантику, обозначающую не только цвет продукта (блюда), но и его ценность, обусловленную высоким уровнем жирности молока, равно как и сложностью приготовления блюда из молочной пенки.

Таким образом, лексическое поле як. *үрүмэ* ‘молочная пенка’ представляет собой результат тюрко-монгольского симбиоза скотоводческой, гастрономической культур якутов (сахы), которое более всего ярко проявляется в диалектной лексике якутского языка.

Сокращения:

аб. – абыйский говор; букв. – буквально; бул. – булунский говор; бур. – бурятский язык; вил. – вилюйский говор; др.-тюрк. – древнетюркский язык; инд. – индигирский говор; лен. – ленский говор; мег. – мегинский говор; нюрб. – нюрбинский говор; ойм. – оймьяконский говор; олен. – оленекский говор; сад. – садынский говор; сакк. – саккырырский говор; сиб. рус. – сибирско-русское слово; собир. – собирательное значение; сунт. – сунтарский говор; татт. – таттинский говор; устар. – устаревшее; халх. – халха-монгольский язык; як. – якутский язык.

Литература

1. Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии) / подгот. текста, введ. ст., послесл., коммент. и примеч. д. и. н. Е. Н. Романовой (отв. ред.); литер. ред. Н. И. Дегтярева. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. – 376 с.
2. Николаев С. И. Пища якутов (в свете соседних культур). – Якутск: Якутский край, 2010. – 165 с.
3. Ионова О. В. Растительная пища якутов / Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Вып. 2. – Якутск, 1961. – С. 26-40.
4. Габышева Л. Л. Пищевой код в якутской культуре: семантика и функции // Этнография, фольклористика и религиоведение Сибири и сопредельных регионов: Материалы I Алексеевских чтений (г. Якутск, 26 апреля 2012 г.). – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – С. 97-106.
5. Николаева Т. Н. Традиционная пища якутов как источник жизненной энергии (на материале героического эпоса – олонхо) / Т. Н. Николаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8(50). – Ч. 2. – С. 136-140.
6. Николаева Т. Н. Лингвокультурная интерпретация «белой» пищи якутов / Т.Н. Николаева <https://doi.org/10.25587/SVFU.2020.76.61513> // Вестник СВФУ. – 2020. – № 2(76). – С. 92-101.

7. Николаев Е. Р. О тунгусо-маньчжурских заимствованиях в лексико-тематической группе «пища» в якутском языке (по лексикографическим материалам) / Е. Р. Николаев – DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.045 / Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: Сборник научных статей. Отв. редактор Л. И. Миссонова. – Якутск, 2020. – С. 240-245.
8. Николаев Е. Р. О семантических параллелях в лексике традиционной пищи в тюркских языках (на материале якутских, хакасских, алтайских народных сказок) / Е. Р. Николаев – DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-71-79 // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2020. – № 3 (29). – С. 71-79. (дата обращения: 26.06.2022).
9. Николаев Е. Р. Пища как фрагмент языковой картины мира (на примере диалектных номинаций пищи в якутском и тувинском языках) / Е. Р. Николаев – DOI: 10.25587/SVFU.2020.76.61510 // Вестник СВФУ. – 2020. 2 (76). – С. 60-71.
10. Николаев Е. Р. Семантические схождения названий молочных блюд (продуктов) в алтайском и якутском языках / Е. Р. Николаев / Алтайское языкознание: проблемы и исследования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 150-летию первой «Грамматики алтайского языка». – Горно-Алтайск: БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2019. – С. 168-174.
11. Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Тазранова А. Р., Трофимова С. М., Широбокова Н. Н. Гастрономическая лексика (молочные продукты) в тюркских языках Сибири в сопоставительном аспекте / Ф. Н. Дьячковский, Н. И. Попова, А. Р. Тазранова, С. М. Трофимова, Н. Н. Широбокова – DOI: 10.23951/2307-6119-2021-1-9-20 // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. – № 1(31). – С.9-20. https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2021&issue=1&article_id=8138 (дата обращения: 26.06.2022).
12. Абдина Р. П. Лексико-семантическое описание молочных продуктов и блюд в хакасском языке / Р. П. Абдина // Материалы III научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. – Кызыл: Типография Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение Кызылский центр образования «Аныяк», 2019. – С. 104-108.
13. Хайрутдинова Т. Названия пищи в татарском языке / Т. Хайрутдинова. – Казань, 1993. – 142 с.
14. Аминева Ф. С. Названия традиционной пищи в башкирском языке: дисс. ... к. филол. н.: 10.02.02. – М., 2005. – 177 с.
15. Рассадин В. И. Трофимова С. М. Названия молочных продуктов в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках / В. И. Рассадин, С. М. Трофимова – DOI: 10.23951/2307-6119-2019-4-28-38 // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. – № 4(26). – С. 28-38. https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2019&issue=4&article_id=7678 (дата обращения: 27.06.2022)
16. Очирова Н. Ч., Мукабенова Ж. А., Шарапова Н. Н. Лексика, отражающая традиционную пищу калмыков (этнолингвистический аспект) / Н. Ч. Очирова, Ж. А. Мукабенова, Н. Н. Шарапова // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – № 4 (44). – С. 93-98. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41745662> (дата обращения: 26.06.2022).
17. Большой толковый словарь якутского языка: Т. XII: (Буквы У, Ү) / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2015. – 598 с.
18. Большой толковый словарь якутского языка: Т. IX: (Буква С – сөллөй – сээн, буква Ъ) / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2012. – 630 с.
19. Попов В. В. Этимологический словарь якутского языка: рукопись / В. В. Попов; Буквы С-Э. Часть IV. – Якутск, 2020. – 424 с.
20. Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев; АН СССР, Якут. филиал Сиб. отд-ния, Ин-т яз., литературы и истории. – Москва: Наука, 1976. – 392 с.
21. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И).
22. Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка / Г. В. Попов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. 1: А-Дь).
23. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. – Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. III. – 3858 стлб.

24. Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / Сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.
25. Большой толковый словарь якутского языка: Т. XIV (Буквы Ч-Ы) / Акад. Наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – 589 с.
26. Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Институт востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2018. – Том III. – Q-Z. – 2018. – 240 с.
27. Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.
28. Большой толковый словарь якутского языка: Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с.
29. Сабирьянова С. Г. Наименования пищевых продуктов в башкирских говорах. – Уфа: Китап, 2009. – 112 с.
30. Оконешиников Е. И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминологии (сб. науч. ст.) / Е. И. Оконешиников; сост.: к. филол. н. А. С. Акимова, лаб. Р. Н. Протодяконова; отв. ред.: д. филол. н. Н. И. Данилова, к. филол. н. Ф. Н. Дьячковский, к. филол. н. А. М. Николаева; Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2015. – 210 с.
31. Багдарыын Сүлбэ. Оройтон саҕалаан... / Багдарыын Сүлбэ. – Дьокуускай, 2008. – 200 с.
32. Васильев В. Дүгүр үөскээһинэ / В. Васильев // Саха сирэ. – 1999. – № 238 (2033). – Ахсынны 18 күнэ. – С. 13.
33. Васильев В. К генезису культа кузнецов, шаманов и воинов: триада сакральной власти / В. Васильев – DOI: 10.25693/SVG.V.2019.01.26.02 // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 1(26). – С. 17-24.
34. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. – Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. I. – 1278 стлб.
35. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. – Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. II. – 2010 стлб.
36. Бутанаев В. Я. Русско-хакасский словарь (около 15 тыс. слов). – Петропавловск: «Полиграфия», 2011. – 940 с.
37. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстүк: (ок. 22 тыс. слов) / М-во образования и науки Республики Хакасия, Хакасский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории; под общ. ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1111 с.
38. Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 648 с.
39. Рассадин В. И. Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков / В. И. Рассадин. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – 218 с.
40. Алтайско-русский словарь; редколлегия: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н. В. Екеев, канд. филол. наук А. Н. Майзина, К. К. Пиянтинова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е. В. Тюттешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
41. Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда. Т. IV: (Й-К хәрәфтәре) / Ф. Ф. Хисамитдинова редакцияһында. – Өфө: Китап, 2012. – 944 б.
42. Татарско-русский словарь: в 2-х т. Т. 1 (А – Л). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
43. Бектаев К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь / К. Бектаев. – Алматы, 1995. – 703 с.
44. Большой русско-турецкий словарь. 250 000 слов и словосочетаний. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. – 608 с.
45. Русско-каракалпакский словарь: Около 47 000 слов / Под ред. Н. А. Баскакова; Каракалп. филиал АН УзССР. Ин-т истории, языка и литературы. – Москва: Сов. энциклопедия, 1967. – 1124 с.
46. Русско-кыргызский словарь: 51 000 слов / Под ред. К. К. Юдахина. – Бишкек: «Шам», 2000. – 992 с.
47. Русско-узбекский словарь: в двух томах. Т. II (П – Я) / Акад. наук Узбекской ССР, Ин-т языка и лит. им. А. С. Пушкина; Редкол.: М. К. Кошчанов (пред.), С. Ф. Ақобиров. – Ташкент: Гл. ред. Узбекской Советской Энциклопедии, 1984. – 798 с.

48. Azərbaycanca-rusca lüğət. Dörd cildə. II cild. – Baki, «Şərq-Qərb», 2006. – 848 səh.
49. Калмыцко-русский словарь. 26000 слов. Под ред. Б. Д. Муниева. – М., «Русский язык», 1977. – 768 с.
50. Бурят-монгольско-русский словарь: Около 25000 слов: С прил. краткого грамMAT. справочника по бурят-монгол. яз. / Сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева; Бурят-монгол. гос. на-уч.-исслед. ин-т культуры. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. – 852 с.
51. Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. – Улан-Удэ, 1992. – 145 с.
52. Баскаков Н. А. Ойротско-русский словарь: Около 10.000 слов: С прил. грамMAT. очерка ойрот. яз. / Сост. Н. А. Баскаков и Т. М. Тоцакова; Под общ. ред. Н. А. Баскакова. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1947. – 312 с.
53. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы ... на буквы “К”, “Қ” / АН СССР. Ин-т языкознания / отв. ред. Г. Ф. Благова. – Москва: Наука, 1997. – 363 с.
54. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка / Н. К. Антонов; отв. ред. проф. И. М. Романов; авт. предисл. А. П. Окладников; Якут. гос. ун-т. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. – 172 с.
55. В Таттинском районе Якутии проводится первый фестиваль «Иис-уус, ас фест». <https://ysia.ru/v-tattinskom-rajone-yakutii-provoditsya-pervyj-festival-iis-uus-as-fest/> (дата обращения: 27.06.2022).

References

1. Savvin A.A. Pishha jakutov do razvitija zemledelija (opyt istoriko-jetnograficheskoy monografii) / podgot. teksta, vvod. st., poslesl., komment. i primech. d. i. n. E.N. Romanovoj (otv. red.); liter. red. N.I. Degtareva. – Jakutsk: IGI AN RS (Ja), 2005. – 376 s.
2. Nikolaev S.I. Pishha jakutov (v svete sosednih kul'tur). – Jakutsk: Jakutskij kraj, 2010. – 165 s.
3. Ionova O.V. Rastitel'naja pishha jakutov / Sbornik statej i materialov po jetnografii narodov Jakutii. Vyp. 2. – Jakutsk, 1961. – S. 26-40.
4. Gabysheva L.L. Pishhevoj kod v jakutskoj kul'ture: semantika i funkcii // Jetnografija, fol'kloristika i religiovedenie Sibiri i sopredel'nyh regionov: Materialy I Alekseevskih chtenij (g. Jakutsk, 26 aprelja 2012 g.). – Jakutsk: Izd-vo IGIIPMNS SO RAN, 2013. – S. 97-106.
5. Nikolaeva T.N. Tradicionnaja pishha jakutov kak istochnik zhiznennoj jenerгии (na materiale geroicheskogo jeposa – olonho) / T.N. Nikolaeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 8(50). – Ch. 2. – С. 136-140.
6. Nikolaeva T.N. Lingvokul'turnaja interpretacija «beloj» pishhi jakutov / T.N. Nikolaeva – <https://doi.org/10.25587/SVFU.2020.76.61513> // Vestnik SVFU. – 2020. – № 2(76). – S. 92-101.
7. Nikolaev E.R. O tunguso-man'chzhurskih zaimstvovanijah v leksiko-tematicheskoy gruppe «pishha» v jakutskom jazyke (po leksikograficheskim materialam) / E.R. Nikolaev – DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.045 / Narody i kul'tury Severnoj Azii v kontekste nauchnogo nasledija G.M. Vasilevich: Sbornik nauchnyh statej. Otv. redaktor L.I. Missonova. – Jakutsk, 2020. – S. 240-245.
8. Nikolaev E.R. O semanticheskix paralleljah v leksike tradicionnoj pishhi v tjurkskix jazykah (na materiale jakutskix, hakasskix, altajskix narodnyh skazok) / E.R. Nikolaev – DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-71-79 // Tomskij zhurnal lingvisticheskix i antropologicheskix issledovanij. – 2020. – № 3 (29). – S. 71-79. (data obrashhenija: 26.06.2022).
9. Nikolaev E.R. Pishha kak fragment jazykovoj kartiny mira (na primere dialektnyh nominacij pishhi v jakutskom i tuvinskom jazykah) / E.R. Nikolaev – DOI: 10.25587/SVFU.2020.76.61510 // Vestnik SVFU. – 2020. 2 (76). – S. 60-71.
10. Nikolaev E.R. Semanticheskie shozhdenija nazvanij molochnyh bljud (produktov) v altajskom i jakutskom jazykah / E.R. Nikolaev / Altajskoe jazykoznanie: problemy i issledovanija: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 150-letiju pervoj «Grammatiki altajskogo jazyka». – Gorno-Altajsk: BNU Respubliki Altaj «Nauchno-issledovatel'skij institut altaistiki im. S.S. Surazakova», 2019. – S. 168-174.
11. D'jachkovskij F.N., Popova N.I., Tazranova A.R., Trofimova S.M., Shirobokova N.N. Gastronomicheskaja leksika (molochnye produkty) v tjurkskix jazykah Sibiri v sopostavitel'nom aspekte / F.N. D'jachkovskij, N.I. Popova, A.R. Tazranova, S.M. Trofimova, N.N. Shirobokova – DOI: 10.23951/2307-6119-2021-1-9-20 // Tomskij zhurnal lingvisticheskix i antropologicheskix issledovanij. – 2021. – № 1(31).

- S. 9-20. https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2021&issue=1&article_id=8138 (data obrashhenija: 26.06.2022).
12. Abdina R.P. Leksiko-semanticeskoe opisanie molochnyh produktov i bljud v hakasskom jazyke / R.P. Abdina // *Materialy III nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 90-letiju so dnja osnovanija Nacional'nogo muzeja im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva*. – Kyzyl: Tipografija Municipal'noe bjudzhetnoe obshheobrazovatel'noe uchrezhdenie Kyzylskij centr obrazovanija «Anyjak», 2019. – S. 104-108.
13. Hajrutdinova T. Nazvanija pishhi v tatarskom jazyke / T. Hajrutdinova. – Kazan', 1993. – 142 s.
14. Amineva F.S. Nazvanija tradicionnoj pishhi v bashkirskom jazyke: diss. ... k. filol. n.: 10.02.02. – M., 2005. – 177 c.
15. Rassadin V.I. Trofimova S.M. Nazvanija molochnyh produktov v halha-mongol'skom, burjatskom i kalmyckom jazykah / V.I. Rassadin, S.M. Trofimova – DOI: 10.23951/2307-6119-2019-4-28-38 // *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*. – 2019. – № 4(26). – S. 28-38. https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2019&issue=4&article_id=7678 (data obrashhenija: 27.06.2022)
16. Ochirova N.Ch., Mukabenova Zh.A, Sharapova N.N. Leksika, otrazhajushhaja tradicionnuju pishhu kalmykov (jetnolingvisticheskij aspekt) / N.Ch. Ochirova, Zh.A. Mukabenova, N.N. Sharapova // *Vestnik Kalmyckogo universiteta*. – 2019. – № 4(44). – S. 93-98. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41745662> (data obrashhenija: 26.06.2022).
17. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: T. III: (Bukvy U, Y) / Pod red. P.A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2015. – 598 s.
18. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: T. IX: (Bukva S – söllej – sjejen, bukva h) / Pod red. P.A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2012. – 630 s.
19. Popov V.V. *Jetimologičeskij slovar' jakutskogo jazyka: rukopis'* / Popov V.V.; Bukvy S-Je. Chast' IV. – Jakutsk, 2020. – 424 s.
20. *Dialektologičeskij slovar' jakutskogo jazyka: Soderzhit svyshe 8500 slov* / Sost. P.S. Afanas'ev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev; AN SSSR, Jakut. filial Sib. otd-nija, In-t jaz., literatury i istorii. – Moskva: Nauka, 1976. – 392 s.
21. *Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* / Pod red. P.A. Slepčova. Novosibirsk: Nauka, 2006. – 844 s. (Bukvy G, D, D', I).
22. Popov G.V. *Jetimologičeskij slovar' jakutskogo jazyka* / G.V. Popov. – Novosibirsk: Nauka, 2003. – 180 s. (Ch. I: A-D').
23. Pekarskij Je.K. *Slovar' jakutskogo jazyka. 2-e izd-e.* – Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. T. III. – 3858 stlb.
24. *Dialektologičeskij slovar' jazyka saha: Dopolnitel'nyj tom* / Sost. M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Ju.I. Vasil'ev. – Novosibirsk: Nauka, 1995. – 296 s.
25. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: T. XIV (Bukvy Ch-Y) / Akad. Nauk Resp. Saha (Jakutija), In-t gumanitar. issled.; pod obshh. red. P.A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2017. – 589 s.
26. Sanzheev G.D., Orlovskaja M.N., Shevernina Z.V. *Jetimologičeskij slovar' mongol'skikh jazykov: v 3 t.* / Otv. red. G.D. Sanzheev, red.-sost. L.R. Koncevich, V.I. Rassadin, Ja.D. Leman. Institut vostokovedenija RAN. — M.: IV RAN, 2018. – Tom III. – Q-Z. – 2018. – 240 s.
27. *Drevnetjurkskij slovar'* / Red. V.M. Nadeljaev i dr.; AN SSSR, In-t jazykoznanija. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1969. – 676 s.
28. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: T. V: (Bukva K: kyel'jehis gyn – kjejechjerje) / Pod red. P.A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 616 s.
29. Sabir'janova S.G. *Naimenovanija pishhevyh produktov v bashkirskikh govorah.* – Ufa: Kitap, 2009. – 112 s.
30. Okoneshnikov E.I. *Jazyk saha: problemy leksikografii i terminografii (sb. nauch. st.)* / E.I. Okoneshnikov; sost.: k. filol. n. A.S. Akimova, lab. R.N. Protod'jakonova; otv. red.: d. filol. n. N.I. Danilova, k. filol. n. F.N. D'jachkovskij, k. filol. n. A.M. Nikolaeva; In-t gumanit. issled. i problem malochisl. narodov Severa SO RAN. – Jakutsk: IGIiPMNS SO RAN, 2015. – 210 s.
31. Bagdaryyn Sylbje Orojton sajalaa... / Bagdaryyn Sylbje. – D'okuuskaj, 2008. – 200 s.
32. Vasil'ev V. Дүһүр ыскэјехинје / V. Vasil'ev // *Saha sirje*. – 1999. – № 238 (2033). – Ahsynn'y 18 kynje. – S. 13.
33. Vasil'ev V. K genezisu kul'ta kuznecov, shamanov i voinov: triada sakral'noj vlasti / V. Vasil'ev – DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.02 // *Severo-vostochnyj gumanitarnyj vestnik*. – 2019. – № 1(26). – S. 17-24.

34. Pekarskij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. 2-e izd-e. – Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. T. I. – 1278 stlb.
35. Pekarskij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. 2-e izd-e. – Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. T. II. – 2010 stlb.
36. Butanaev V.Ja. Russko-hakasskij slovar' (okolo 15 tys. slov). – Petropavlovsk: «Poligrafija», 2011. – 940 s.
37. Hakassko-russkij slovar' = Hakas-orys söstik: (ok. 22 tys. slov) / M-vo obrazovaniya i nauki Respubliki Hakasija, Hakasskij nauch.-issled. in-t jazyka, literatury i istorii; pod obshh. red. O.V. Subrakovoj. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1111 s.
38. Tuvinsko-russkij slovar': 22 000 slov / red. Je.R. Tenishev. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1968. – 648 s.
39. Rassadin V.I. Sovremennyy tofalarskij jazyk i ego mesto v sisteme tjurkskih jazykov / V.I. Rassadin. – Jelista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2014. – 218 s.
40. Altajsko-russkij slovar'; redkollegija: kand. filol. nauk A. Je. Chumakaev (otv. red.), kand. ist. nauk N.V. Ekeev, kand. filol. nauk A.N. Majzina, K.K. Pijantinova, N.N. Tydykova, kand. filol. nauk E.V. Tjuntешеva; BNU RA «NII altaistiki im. S. S. Surazakova». – Gorno-Altajsk, 2018. – 936 s.
41. Bashkort teleneñ akademik hyžlege: 10 tomda. T. IV: (J-K häreftäre) / F.F. Hisamitdinova redakcijahynda. – Öfö: Kitap, 2012. – 944 b.
42. Tatarsko-russkij slovar': v 2-h t. T. I (A – L). – Kazan': Magarif, 2007. – 726 s.
43. Bektaev K. Bol'shoj kazahsko-russkij, russko-kazahskij slovar' / K. Bektaev. – Almaty, 1995. – 703 s.
44. Bol'shoj russko-tureckij slovar'. 250 000 slov i slovosochetaniy. – M.: OOO «Dom Slavjanskoj knigi», 2009. – 608 s.
45. Russko-karakalpakskij slovar': Okolo 47 000 slov / Pod red. N.A. Baskakova; Karakalp. filial AN UzSSR. In-t istorii, jazyka i literatury. – Moskva: Sov. jenciklopedija, 1967. – 1124 s.
46. Russko-kyrgyzskij slovar': 51 000 slov / Pod red. K.K. Judahina. – Bishkek: «Sham», 2000. – 992.
47. Russko-uzbekskij slovar': v dvuh tomah. T. II (P – Ja) / Akad. nauk Uzbekskoj SSR, In-t jazyka i lit. im. A.S. Pushkina; Redkol.: Koshchanov M.K. (pred.), Akobirov S.F. – Tashkent: Gl. red. Uzbekskoj Sovetskoy Jenciklopedii, 1984. – 798 s.
48. Azərbaycanca-rusca lüğət. Dörd cildə. II cild. – Bakı, «Şərq-Qərb», 2006. – 848 səh.
49. Kalmycko-russkij slovar'. 26000 slov. Pod red. B.D. Munieva. – M., «Russkij jazyk», 1977. – 768 s.
50. Burjat-mongol'sko-russkij slovar': Okolo 25000 slov: S pril. kratkogo grammat. spravochnika po burjat-mongol. jaz. / Sost. K.M. Cheremisov; Pod red. C.B. Cydendambaeva; Burjat-mongol. gos. nauch.-issled. in-t kul'tury. – M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1951. – 852 s.
51. Cydenzhapov Sh.R. Burjatsko-russkij frazeologicheskij slovar'. – Ulan-Udje, 1992. – 145 s.
52. Baskakov N.A. Ojrotsko-russkij slovar': Okolo 10.000 slov: S pril. grammat. ocherka ojrot. jaz. / Sost. N.A. Baskakov i T.M. Toshhakova; Pod obshh. red. N.A. Baskakova. – Moskva: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1947. – 312 s.
53. Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov: obshhetjurkskie i mezhtjurkskie leksicheskie osnovy ... na bukvy "K", "K" / AN SSSR. In-t jazykoznanija / otv. red. G.F. Blagova. – Moskva: Nauka, 1997. – 363 s.
54. Antonov N.K. Materialy po istoricheskoy leksike jakutskogo jazyka / N.K. Antonov; otv. red. prof. I.M. Romanov; avt. predisl. A.P. Okladnikov; Jakut. gos un-t. – Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izd-vo, 1971. – 172 s.
55. V Tattinskom rajone Jakutii provoditsja pervyj festival' «Iis-uus, as fest». <https://ysia.ru/v-tattinskom-rajone-yakutii-provoditsya-pervyj-festival-iis-uus-as-fest/> (data obrashhenija: 27.06.2022).

М. Т. Гоголева

Архаические антропонимы и топонимы в языке средневилюйских якутов

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены необычные имена жителей отдельных наслегов бывшего Средневилюйского улуса Республики Саха (Якутия) в аспекте их смыслового содержания. Поскольку антропонимы, топонимы являются своеобразными маркерами этнического самосознания, внимание к архаической ономастике представляется актуальным звеном в лингвокультурологических исследованиях. После принятия православного христианства в XVII в., население Якутии в целом перешло на русские имена, но повсеместно сохранились и народные традиции наречения, в частности детей называли исконно якутскими именами, прежде всего, в целях увековечения памяти предков или в честь других примечательных событий. Как оказалось, при этом родители своим малышам нередко давали имена, значения которых иногда сами толком не могли объяснить. Предстояло выяснить, каким образом и когда эти слова могли попасть в лексику якутского языка. Цель исследования: определить этимологию архаических антропонимов и топонимов, обнаруженных в Борогонском наслеге Вилюйского улуса Республики Саха (Якутия). Для решения поставленной цели решались следующие задачи: собрать из разных источников архаические имена и названия местностей с утраченной семантикой, имеющие параллели в других тюркских языках; обосновать целесообразность применяемой методики сравнительного изучения по данной проблеме; выявить параллели из родственных языков, рассмотреть в контексте их функционального и семантического соответствий; изучить дальнейшую перспективу темы исследования. Используя методологию сравнительно-исторического изучения языковых фактов, мы попытались уяснить некоторые моменты, обращаясь к лексике тех алтайских народов, с которыми предки якутов, предположительно, имели ареальные контакты. По мере накопления материала, архаический пласт антропонимов пополнился именами, которые еще недавно были в обиходе среди местного населения. Наиболее интересные результаты получены при сопоставлении якутских имен с материалами из ойротских и тувинских языков. Указанные языки выбраны с учетом того, что в лексике этих языков нами обнаружены больше сходств и аналогий, чем в других родственниках. В итоге сформировалось представление о возможном перемещении на север какой-то группы предков якутов, родственной с алтайскими народами, которые сохранили для потомков архаические имена и названия. Дальнейшие исследования в этом плане могли бы подвести к более определенным выводам о характере миграционных процессов, имевших место столетия назад.

Ключевые слова: лексика, архаический, вилюйские якуты, ономастика, антропонимы, топонимы, ойротский, тувинский, параллели, контакты.

ГОГОЛЕВА Марина Трофимовна – к. пед. н, доцент, Институт языков и культуры Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: mtgogoleva@mail.ru

GOGOLEVA Marina Trofimovna – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

M. T. Gogoleva

Archaic anthroponyms and toponyms in the language of the Sredneviluyisky Yakuts

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article considers the unusual names of the inhabitants of some settlements of the former Sredneviluyisky District of the Sakha Republic (Yakutia) in their semantic aspects. Seeing anthroponyms, toponyms as a kind of markers of ethnic self-consciousness, an attention to archaic onomastics seems to be a topical issue in linguistic and cultural studies. Under the influence of Orthodox Christianity in the 17th century, the population of Yakutia, as a whole, adopted Russian names; however, folk traditions of naming were also preserved everywhere. In particular, children were called traditional Yakut names, primarily in order to perpetuate the memory of their ancestors and in honor of remarkable events. As it turned out, at the same time, parents often gave their babies names, the meanings of which they themselves could not really explain. It was necessary to find out how and when these words could get into the vocabulary of the Yakut language. *The main aim* of the research is to determine the etymology of archaic anthroponyms and toponyms which found in the Borogonsky nasleg of Vilyuisk District of Sakha Republic (Yakutia). *Research objectives:* to collect from different sources archaic anthroponyms and toponyms with lost semantics having parallels in other Turkic languages; to substantiate the expediency of the applied methodology of comparative study on this issue; to find out parallels from related languages, consider in the context of their functional and semantic conformities; to study perspective ways of the research. Using the methodology of comparative historical study of linguistic facts, we tried to clarify some points, referring to the vocabulary of those Altai peoples with whom the ancestors of the Yakuts, presumably, had areal contacts. With the accumulation of material, the archaic layer of anthroponyms was replenished with names that until recently were in use among the local population. As a result, an idea was formed about the possible movement to the north of some group of ancestors of the Yakuts, related to the Altai peoples, who preserved archaic names and titles for their descendants. Further research in this regard could lead to more definite conclusions about the nature of migration processes that took place centuries ago.

Keywords: vocabulary, archaic, Vilyui Yakuts, onomastics, anthroponyms, toponyms, Oirot, Tuva, parallels, contacts.

Введение

Вилуйский регион расположен на западе республики и включает в себя четыре муниципальных района (улуса): Вилуйский, Верхневилуйский, Нюрбинский и Сунтарский. В первой трети XVII в., к моменту прихода русских служивых людей, построивших на севере первые поселения-остроги для сбора средств в государственную казну, основными плательщиками ясака считались тунгусы [1]. Но, безусловно, среди них были и предки якутов. Последние археологические открытия на Вилуе свидетельствуют о том, каким сложным был процесс переселения, поскольку здесь обнаружены артефакты культуры «малых домов» (X–XIV вв. н. э.), ранее известной только в центральной Якутии [2]. Этот факт косвенно подтверждает версию о том, что оседлое скотоводческое население здесь появилось задолго до обложения населения ясаком, что за продолжительный период освоения бассейна реки Вилуи древними якутами, разнородные этнические группы интегрировались и образовали смешанный состав местного населения. В частности, Г. В. Ксенофонов, отстаивая свою точку зрения о появлении на берегах Вилуи предков современных якутов, написал: «... первый толчок к переселениям на север могли дать совсем не скотоводческие части народа, а промышленники, охотники и рыболовы, или те его отделы, которые искони веков занимались оленеводством» [3, с. 226]. Современные исследования подтверждают раннюю хронологию проникновения скотоводов на северные территории: «Изучение археологических памятников раннего этапа кулун-атахской культуры показывает, что в X–

XIV вв. в бассейне Средней Лены существовала сложившаяся, адаптированная к местным условиям культура номадов, успешно разводивших крупный рогатый скот и лошадей» [4, с. 224]

Своеобразный состав населения не мог не отразиться на языке и культурных реалиях западных якутов, и этот факт еще в 30-х гг. XX века был в центре внимания специалистов, когда были опубликованы хорошо известные труды по языку, фольклору и культуре оленных якутов, а также долган, ближайших родственников по языку, но объединивших в своем составе эвенкийско-русско-якутские корни (А. А. Попов, Е. И. Убрятова, Б. О. Долгих, И. С. Гурвич, П. Е. Ефремов, М. С. Иванов, С. А. Иванов, А. А. Петров, А. А. Саввинов и др.).

Вилуйская земля издавна славится своими олонхосутами-сказителями эпоса и исполнителями других жанров устного народного творчества, что может считаться немаловажным фактором сохранения самобытности народного языка. Рассматриваемый ареал граничит с Верхневилуйским, Горным, Кобяйским, а на севере – Жиганским улусами, где сегодня подавляющее большинство населения составляют якуты (саха).

Как известно, архаический пласт лексики считается наиболее информативным в установлении родственных истоков между разными этническими группами. Особенный интерес вызывают имена, семантика которых утрачена в современном якутском языке, и в попытках объяснить их исходное значение, мы сочли уместным обратиться к родственным алтайским языкам. Автор данной статьи ряд лет занималась проблемой сравнительного изучения олонхо и алтайского героического эпоса, отдельные результаты работы получили отражение в публикациях [5–8]. Были рассмотрены малые алтайские сказания, тувинский и хакасский героический эпосы, где значительная степень соответствий в эпических традициях проявлялась на ключевых моментах: сюжетно-композиционной структуре, стихотворной основе, художественных средствах, языковом материале и особенностях сказительского искусства. Дальнейший интерес привел к теленгитам, исследованию лексико-семантических параллелей в якутской и теленгитской фольклорной прозе [9]. Так определился круг изучаемого вопроса.

Собранный материал рассмотрен в сопоставительном ракурсе с аналогичными фактами из других языков, при этом опирались на точку зрения французского лингвиста А. Мейе: «Тюркские наречия, известные с XII в., до сих пор сохраняют свои существенные черты и незначительно изменились, хотя с тех пор, как они впервые были засвидетельствованы, прошло почти тысячелетие» [10, с. 36].

Материалом послужили «Ойротско-русский словарь», составители Н. А. Баскаков, Т. М. Тощакова (1957) [11] и «Этимологический словарь тувинского языка» Б. И. Татаринцева (2000) [12]. Использованы зафиксированные в письменных источниках отдельные сведения со слов коренных жителей Борогонского наслега Вилуйского улуса: сказителя Т. П. Гоголева-Олонхосут Доропууна, фольклориста П. С. Колтовского и других [13].

Тема статьи близка и тем, что автор сама родом из этих мест и застала времена доминирования своеобразной лексики старожилов в разговорном языке местного населения.

Ойротско-якутские параллели

Алтайцы – народ, проживающий в Южной Сибири Российской Федерации, коренное население Республики Алтай. С 1922 до 1948 гг. они также назывались ойротами. Южные алтайцы именовались в русских источниках калмыками белыми, алтайскими, горными, бийскими. На сегодня они включают группы теленгитов, телеутов, алтай-кижи др. [14].

Самые крупные народности – это телеуты, тубалары, урянхайцы, шорцы, теленгиты. Выделяются две этнографические группы: южные алтайцы (алтай-кижи), говорящие на южно-алтайском языке (до 1948 года назывался ойротским) и северные алтайцы, говорящие на северно-алтайском языке [15].

Рассмотрим выявленные параллели.

Адъык Боотур – антропоним. Как известно, эпические сказания в большинстве случаев называются именами главных героев. В репертуаре сказителя Т. П. Гоголева есть олонхо «Алдъархайдаах ааттаах ала хотой аттаах

Адъык Боотур» (*Адъык Боотур* с пегим орлом-конем, имеющий устрашающее имя). Второй компонент имени – боотур, баатыр в тюрко-монгольском эпосе означает *силач, богатырь*, а значение первого компонента современному носителю языка не известно, также отсутствует в толковых словарях якутского языка [16, с. 16]. В ойротском языке находим однокоренные слова: *Адъыкта* – *наблюдать, всматриваться*; *Адъыкту II* – *серьезный, вдумчивый, наблюдательный* [16, с. 13], и тогда антропоним *Адъык Боотур* приобретает подходящее значение для имени богатыря: *Наблюдательный Воин-Силач*.

Асам – антропоним. В якутском языке самостоятельно не употребляется. Андреев Асам Андреевич – уроженец Лючинского наслега бывшего Средне-Вилуйского улуса (ныне Кобяйского) [17, с. 80]. В словаре Татаринцева находим созвучное слово, прилагательное ажам – голодный, ощущающий голод [12, с. 64]. Поскольку значение слова в современном якутском языке не выявлено, можно предположить, что антропоним сохранил архаичную семантику.

Тэйгэлэн – антропоним. Имя шамана, который жил недалеко от местности *Дьулан*. У него не было, видимо, русского имени, так как в легендах упоминается только якутское имя [18]. В якутском языке есть образный глагол *тэйгэй* – провисеть (о чем-то массивном), но значение шаманского имени, полагаем, скорее соответствует архаичному *тейлеген* на ойротском языке – коршун [11, с. 146]. Отметим, что метатеза в словах: *л-г* (*тейлеген*) и *г-л* (*тэйгэлэн*) – не исключительное явление в лингвистике.

Тэкэй – антропоним. Имя уроженки Борогонского наслега Константиновой Анны Ивановны (1931-1975 гг.). Семантика слова не выявлена. Подводим параллель между антропонимом и ойротским *теке* – каменный козел [11, с. 146]. В якутской ономастике нередко встречаются названия животных, которые не водятся на севере. Например, первый компонент имени главного героя эпоса-олонхо известного якутского писателя С. С. Яковлева-Эрилик Эристиина «Буура Дохсун» означает верблюд [12, с. 306]. По свидетельству известного краеведа Е. Д. Андросова, в Таттинском улусе в первой половине XIX в. жил Попов Николай Никифорович, по прозвищу *Төө* [19, с. 22]. Семантику этого антропонима можно определить с помощью ойротской лексики, где есть слово *төө* – верблюд [11, с. 156].

Также в антропонимах сохранились и архаичные названия местной фауны. Быра в тувинском языке – степная куропатка [12, с. 331]. *Быыра Уола* (Сын Быыра) – Кириллин Николай Дмитриевич, уроженец II Кулятского наслега Вилуйского улуса, живший во второй половине XX века. В связи с этим можно вспомнить якутскую поговорку в речи старожилов Вилуйского региона «Быыра барбыт (ушел как быыра)», когда говорят о ком-либо «действует без оглядки».

Тыбыкка – антропоним. Якутское имя жителя с. Борогон Вилуйского улуса Скрябина Афанасия Афанасьевича (1923-2013 гг.), участника Второй мировой войны. Значение слова не установлено. Между антропонимом *Тыбыкка* и именем теленгитского шамана *Тыбыкы* можно провести параллель, о чем мы ранее написали в статье [9].

Чараас – антропоним. Каратаев Иван Степанович-Чараас жил в первой половине XX века [13, с. 346]. Его именем назван остров – Чараас Арыта (Остров Чарааса), расположенный на правом берегу реки Вилуй, примерно в 35 километрах от села Борогон [13, с. 68]. В якутском языке есть слово *чараас* – тонкий (когда речь идет о плоском предмете), что вряд ли подходит для имени человека. А не могло ли это имя происходить от ойротского прилагательного *Чараш* – красивый, привлекательный, стройный [11, с. 336].

Ооной – антропоним. Домашнее прозвище Каратаева Дмитрия Афанасьевича (1923-2005 гг.), внук Каратаева Ивана Степановича – Чарааса [13, с. 86]. Семантика имени не определена. В ойротском языке *Ооной* – мелкий, маленький (имя) [11, с. 209].

Сыллыкка и *Сынныкка* – антропонимы.

Сыллыкка – якутское имя Скрябина Афанасия Ивановича (1899 г.р.), уроженца Модутского наслега, проживавшего в местности Кэрэх Арыыта – Остров Кэрэх (с жертвенным деревом) [13, с. 339]. Интересно, что в семье Скрябина А. И. – *Сыллыкка* два сына и две дочери имели одинаковые имена: Афанасии и Марии, и во избежание путаницы их называли еще и якутскими именами. Старший Афанасий – вышеупомянутый *Тыбыкка*, а младший Афанасий – *Бахсылла* (1938-1980-е гг.). Не исключено, что и этот антропоним тоже, может быть, алтайских корней, поскольку *Бахсырга* – приземистый, как будто придавленный человек с короткой шеей [20, с. 148]. Существуют архивные данные, что некоторые борогонские роды прибыли через Теинский наслег Кобяйского улуса из Усть-Алданского наслега, где упоминается имя некоего Павла Иванова-Чираса (1759 г. р.) [13, с. 18]. Тогда родовое имя Чараас, встречающееся в последующих поколениях Скрябиных, свидетельствует об устойчивости традиций наречения в якутских семьях. Можно сказать, что такие примеры не единичны и строго не локализованы.

Сынныкка – второе имя вышеупомянутого Кириллина Николая Дмитриевича – *Быыра Уола*, уроженца II Кулятского наслега Вилуйского улуса. Это наслег находится в 300-х километрах от Борогонского наслега. Схожий антропоним еще упоминается, например, в легенде о Манчаары, где рассказывается, что в начале XIX века в Мегино-Кангаласском улусе жил Сыаныкы Бүөтүр – Петр Сыаныкы, которого очень уважал легендарный бунтарь [21, с. 72]. Семантика имен *Сынныкка* и *Сыаныкы* не определена, можем только указать на созвучие с ойротским прилагательным сыныкай – ломкий, хрупкий [11, с. 134].

Чачах – антропоним. *Чачах* – якутское имя уроженки Борогонского наслега Каратаевой Матрены Степановны (год рождения не установлен), жительницы Борогонского наслега [13, с. 321]. Значение имени считается неизвестным. В ойротском языке *чачак* – кисть, кисточка, оторочка в костюме шамана [11, с. 176].

Хаарпа – антропоним. Имя якутского шамана Хаарпа, уроженца бывшего Средневилюйского улуса, никак не объясняется по-якутски, но тем удивительнее полное совпадение значения имени с родом занятия человека [17, с. 171]. Это слово включено в словарь В. В. Радлова: Харпа – (осм.) колдовство, колдование, заклинание [22, стлб. 1673].

Топонимы, имеющие алтайские параллели

Аай – микропоним в Борогонском наслеге, указывающий на *аартык* – начало пути при выезде от большого алааса Булгунньахтаах. В якутском языке значение утеряно, в этимологическом словаре тувинского языка показательно одно из значений *аай* – направление, путь движения [12, с. 32].

Борофон – топоним. Название наслегов в Вилуйском, Булунском, Оймяконском и Усть-Алданском улусах республики. *Борофон* в якутском языке представлен как топоним и антропоним (в Усть-Алданском улусе до недавнего времени жил народный целитель Гурий Иванович Турантаев-Борофон (вероятно, прозванный по названию одноименного наслега). В ойротском языке борогон – метель, вьюга [11, с. 33]; теленгитском языке – борогон (бороон) – метель, буран, вьюга; киргизском – бороон – буран [20, с. 162]. Крупный исследователь топонимики Якутии М. С. Иванов-Багдарыин Сүлбэ происхождение топонима объясняет так: «Предания позволяют заключить, что Борогон – антропоним. Известный нам И. С. Говоров в 1887 г. писал, что родоначальником Борогонского улуса (Усть-Алданского. – прим. мое. – Г. М.) был внук Эллэй Боотура, сын Дэли Дархана – Борогон Джуорту». При

этом ученый показал, как образовалось слово: *боро* – (*серый*) древнемонгольский корень + монгольский аффикс – *гон* [23, с. 170-171]. Багдарыын Сүлбэ не раз указывал на монгольские корни населения Усть-Алданского улуса. Вилуйские борогонцы, как потомки переселенцев из этого улуса, сохранили название рода в топонимике – это так, но отметим только, что есть и другие значения слова.

Дьабыдах – топоним. Название речки, по низине впадающей в реку Тюнг-левый приток Вилуя. Значение слова в якутском языке не удалось определить. Ойротско-русский словарь восполняет этот пробел, так как здесь обнаружено слово со схожим значением – *дьябызак* – низкий [11, с. 304].

Дьулан – топоним в Борогонском наслеге. Местность представляет собой низменную поляну, судя по кочкам, некогда орошаемую водой. В якутском языке значение лексемы, как и само слово, утрачено. Почему предки якутов называли местность именно этим словом, сейчас трудно объяснить, но при обращении к алтайской топонимике можно пролить свет на этот вопрос. «Значение апеллятива *Јул* мало знакомо алтайскому населению области (оно известно теленгитам в значении «ложок с водой, урочище» [20, с. 40]. Малопродуктивный аффикс *-ан* образует прилагательное: үөскүлэн – о человеке: крупный, в теле (от үскэл), кубалан – бледный, оккуран – хилый, содьорон – хромой. *Дьул+ан* в этом случае трактуется как *поляна с водой*.

Маарымчы – топоним. Участок в II Лючинском наслеге (бывший Средневилуйский улус) [17, с. 102]. Семантика архаизма не определена. В ойротском языке – *маарачы* – блеющий, кой (овца) [11, с. 107].

Чай – топоним. Официальное название поселения в Борогонском наслеге Вилуйского улуса. Расположено между двумя озерами, которые в период весеннего половодья сообщаются через переполняемый водой лог. Поляна на окраине озера, куда идет вода, называется *Чай*, что по-якутски – мелководье с галькой. Было непонятно, почему травянистую поляну, где нет гальки, называли так. Разгадка, видимо, в архаическом значении, по свидетельству топонимиста Э. М. Мурзаева, туркменское *чай* – русло, временная река [24, с. 111], отметим, что на Алтае тоже есть топоним р., лог – Чай-Бүре [20, с. 34].

Другие лексические реликты

Можно предположить, что архаический алтайский субстрат мог сохраниться не только в ономастике, но и в других пластах лексики. Из общего количества рассмотренных лексем 86 имеют якутско-ойротские параллели, а 34 – якутско-тувинские аналоги, причем архаическая ономастика представлена только в вышеприведенных примерах, тем интереснее архаизмы, обнаруженные в текстах местного фольклора.

Кекей – глагол: гордиться, важничать [11, с. 78]. В якутской народной поэзии образ кукушки связан с наступлением лета, архаичный глагол *кэкэй* в качестве постоянного эпитета к существительному *кэбэ* (кукушка) употребляется при описании внешнего признака, что означает – *важничать, держаться прямо*. В олонхо часто встречается эпическая формула:

Кэкэллибит быһыылаах,

Кэрээбэт кэпсээннээх

Кэбэ кыылым

Кэрискэ тыатын

Кэрийэн бүтэрбэтэх

Киэн дьэллик сыһылаах эбит [16, стлб. 130].

Края равнины широкой

Окаймляют бескрайние леса,

Где кукушка-гордячка

С несмолкающим говором своим

Все не сможет облететь [Пер. наш. – Г.М.]

Табыс – имя прилагательное, производное от существительного. Табыс – архаичная форма слова – *тыас*-звук. Исходное значение тувинского слова табыш – то же самое, что и якутское *тыас* [12, с. 138]. В современном якутском языке словоформа *табыс* почти не встречается. В записи легенды «Дьуос Мордьохос» от Т. П. Гоголева о воине-метком стрелке из лука говорится: *Ок-сиэ, табыс илии, доҕор! (Ух-ты, какой звук от меткой руки!)* [16, с. 25]. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского *табыс* приводится как сокращенная форма отглагольного прилагательного *табыгас* – меткий – *тап+ыс* – *табыс* [25, стлб. 2512]. Но значение *меткий* не совсем соответствует общему смыслу данного текста, поскольку архаичный вариант *табыс* употребляется здесь в качестве прилагательного со значением: рука, производящая *особый* звук от стрельбы. Это становится ясно от содержания легенды, когда умирающий противник говорит: «Нет, это была не твоя стрела, я услышал *звук* от знакомой руки» [16, с. 26]. Отметим, что нигде больше не удалось обнаружить употребление этого архаического реликта ни в значении *меткий*, ни в значении *звук*.

Заключение

Рассмотренные примеры относятся только к определенному локальному ареалу, Средневилюйской зоне Вилюйского региона Якутии. Выявленные имена давно перешли в разряд архаизмов, но в качестве антропонимов и топонимов они продолжают бытовать в активной лексике жителей отдаленных поселений. Заслуживает уважения тот факт, что местные краеведы увековечили имена своих земляков на основе архивных данных, и мы благодарны авторам за уточнение дат рождения некоторых людей [26].

Приведенные здесь малоупотребительные слова с неясной семантикой свидетельствуют о том, что антропонимы и топонимы отличаются относительной устойчивостью в обиходной речи, а их этимология – это достоверный информативный материал для изучения этнической истории, исследования характера миграционных процессов в далеком прошлом.

Если исходить из того, что язык – это отражение духовного мира любого этноса, история и залог его будущего существования, то это богатство нам следует собрать по крупицам, бережно сохранить и передавать новому поколению.

В дальнейшем перед исследователями стоят задачи изучения архаической ономастики в других регионах обширной территории Якутии с привлечением данных из других языков.

Литература

1. Парникова, А. С. Расселение якутов в XVII–в начале XX вв. / А. С. Парникова. – Якутск : Якутскнигоиздат, 1971. – 152 с.
2. Бравина, Р. И. Археологтарбыт булумньулар (находки археологов) / Р. И. Бравина // «Кыым» газ. №17 от 05. 05. 2022 г. – на якут. яз.
3. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. Том 1, 1-я книга / Художник М. Г. Старостин. – Якутск : Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – 416 с.
4. Алексеев, А. Н. Формирование якутского народа // История Якутии в 3 т. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. – Новосибирск : Наука, 2020. – 536 с.
5. Гоголева, М. Т. К проблеме генетической связи якутского олонхо и малых алтайских сказаний / М. Т. Гоголева // Материалы международной научной конференции «Якутский героический эпос олонхо – Шедевр Устного Нематериального Наследия Человечества в контексте эпосов народов мира» (Якутск, 18 – 20 июня 2013 г.). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. – 520 с. – С. 125-130.
6. Гоголева, М. Т. Язык алтайского эпоса как материал для сравнительного изучения якутского языка / М. Т. Гоголева // «Хабаршы – Известия КазУМО и МЯ (Казахского университета междуна-

родных отношений и мировых языков) имени Абылай хана». – № 3-4 (13-14). – Казахстан. – Алматы, 2013. – С. 90-96.

7. Гоголева, М. Т. Олонхо и тувинские героические сказания / М. Т. Гоголева // Вестник СВФУ, 2014. – Т. 11, № 4. – С. 61-69.

8. Гоголева, М. Т. Сакральный мир якутского сказителя / М. Т. Гоголева // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 402. – С. 44-50.

9. Гоголева М. Т. Лексическо-семантические параллели якутской и теленгитской фольклорной прозы / М. Т. Гоголева, Л. С. Тутукарова // Этническая культура. – Уфа : Среда, 2021. Т. 3. – № 3. – С. 20-23.

10. Мейе Антуам. Сравнительный метод в историческом языкознании : Пер. с фр. / Под ред. Б. В. Горнунга и М. Н. Петерсона. Закл. ст. А. А. Гудкова и М. Г. Боровской. [Изд. 3-е.] – Москва : Едиториал УРСС, 2010. – 104 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

11. Ойротско-русский словарь // Сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тоцакова. – Москва : ОГИЗ, гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1947. – 264 с.

12. Татаринцев Б. И. . Этимологический словарь тувинского языка // Отв. ред. Д. А. Монгуш. – Новосибирск : Наука, 2000. – 341 с. (Т. I: А – Б).

13. Родина наша – Борогон : архивные материалы, тексты, воспоминания / сост. И. Н. Иванов. – Якутск : Якутия, 2009. – 456 с. – на якут. яз.

14. [<http://www.krskstate.ru>> narod> eid Этноатлас : народы и народности, населяющие Красноярский край. День обращения: 15.11.2021].

15. [<http://nazacnt.ru>> content> 249... Наталья Стребнева. В связке дров тепла больше. – 31.07. 2017).

16. Сказитель Доропуун : тексты, воспоминания / сост. М. Т. Гоголева, Б. Т. Гоголев. – Якутск, 2007. – 79 с. – на якут. яз.

17. Лючинцы через века и столетия / сост. М. П. Григорьев, С. С. Ионов. – Якутск : Бичик, 2003. – 352 с. – на якут. яз.

18. Полевой материал автора статьи. Записи топонимических преданий от Т. П. Гоголева. – 1985 г. (Борогонский наслег Вилюйского улуса).

19. Андросов Е. Д. Таатта отоһуттара (Таттинские целители). – Дьокуускай : Бичик, 1993. – 160 с. – на якут. яз.

20. Топонимический словарь Горного Алтая. Под редакцией А.Т. Тыбыковой. – Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. – 399 с.

21. Манчары в преданиях народа / сост. И. Г. Березкин. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1972. – 384 с. – на якут. яз.

22. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1899. – объем не указ. (Т. II, ч. II).

23. Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии : Краткий научно-популярный очерк / Багдарыын Сүлбэ ; Академия наук Республика Саха (Якутия) ; Институт гуманитарных исследований. – [Изд. 2-е. испр. и доп.]. – Якутск : Бичик, 2004. – 192 с.

24. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – Москва : Мысль, 1974. – 382 с.

25. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка. III Т. / Э. К. Пекарский. – Ленинград, 1959. – 705 с.

26. Петрова, Е. А. Пусть вспомнят их имена, светлый образ сохранится на века / Е. А. Петрова. – Якутск : СМИК, 2019. – 274 с. – на якут. яз.

References

1. Parnikova, A. S. Rasselenie yakutov v XVII–v nachale XX vv. / A. S. Parnikova. – YAkutsk : YAkutsknigoizdat, 1971. – 152 s.

2. Bravina, R. I. Arheologtarbyyt bulumn'ulara (nahodki arheologov) / R. I. Bravina // «Kyym» gaz. №17 ot 05. 05. 2022 g. – na yakut. yaz.

3. Ksenofontov, G. V. Uraanghaj sahalар. Oчерki po drevnej istorii yakutov. Tom 1, 1-ya kniga / Hudozhnik M. G. Starostin. – YAkutsk : Nac. izd-vo Respubliki Saha (YAkutiya), 1992. – 416 s.

4. Alekseev, A. N. Formirovanie yakutskogo naroda // Istoriya YAkutii v 3 t. T. I / Pod obshch. red. A. N. Alekseeva; otv. red. R. I. Bravina, E. N. Romanova. – Novosibirsk : Nauka, 2020. – 536 s.

5. Gogoleva, M. T. K probleme geneticheskoy svyazi yakutskogo olonho i malyh altajskih skazaniy / M. T. Gogoleva // *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Yakutskij geroicheskiy epos olonho – SHedevr Ustnogo Nematerial'nogo Naslediya CHelovechestva v kontekste eposov narodov mira» (Yakutsk, 18 – 20 iyunya 2013 g.)*. – Yakutsk: Izdatel'skiy dom SVFU, 2014. – 520 s. – S. 125-130.
6. Gogoleva, M. T. YAzyk altajskogo eposa kak material dlya sravnitel'nogo izucheniya yakutskogo yazyka / M. T. Gogoleva // «Habarshy – Izvestiya KazUMO i MYA (Kazahskogo universiteta mezhdunarodnyh otnoshenij i mirovyh yazykov) imeni Abylay hana». – № 3-4 (13-14). – Kazahstan. – Almaty, 2013. – S. 90-96.
7. Gogoleva, M. T. Olonho i tuvinskie geroicheskie skazaniya / M. T. Gogoleva // *Vestnik SVFU*, 2014. – T. 11, № 4. – S. 61-69.
8. Gogoleva, M. T. Sakral'nyy mir yakutskogo skazitelya / M. T. Gogoleva // *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta*. – 2016. – № 402. – S. 44-50.
9. Gogoleva M. T. Leksicheskoe-semanticheskie paralleli yakutskoj i telengitskoj fol'klornoj prozy / M. T. Gogoleva, L. S. Tutukarova // *Etnicheskaya kul'tura*. – Ufa : Sreda, 2021. T. 3. – № 3. – S. 20-23.
10. Meie Antuam. Sravnitel'nyy metod v istoricheskom yazykoznanii : Per. s fr. / Pod red. B. V. Gornunga i M. N. Petersona. Zakl. st. A. A. Gudkova i M. G. Borovskoi. [Izd. 3-e.] – Moskva : Editorial URSS, 2010. – 104 s. (Lingvisticheskoe nasledie XX veka.)
11. Ojrotsko-russkiy slovar' // Sost. N. A. Baskakov, T. M. Toshchakova. – Moskva : OGIZ, gos. izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1947. – 264 s.
12. Tatarincev B. I. . Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka // Otv. red. D. A. Mongush. – Novosibirsk : Nauka, 2000. – 341 s. (T. I: A – B).
13. Rodina nasha – Borogon : arhivnye materialy, teksty, vospominaniya / sost. I. N. Ivanov. – Yakutsk : YAkutiya, 2009. – 456 s. – na yakut. yaz.
14. [<http://www.krskstate.ru>> narod> eid Etnoatlas : narody i narodnosti, naselyayushchie Krasnoyarskiy kraj. Den' obrashcheniya: 15.11.2021].
15. [<http://nazacent.ru>> content> 249... Natal'ya Strebneva. V svyazke drov tepla bol'she. – 31.07. 2017).
16. Skazitel' Doropuun : teksty, vospominaniya / sost. M. T. Gogoleva, B. T. Gogolev. – Yakutsk, 2007. – 79 s. – na yakut. yaz.
17. Lyuchincy cherez veka i stoletiya / sost. M. P. Grigor'ev, S. S. Ionov. – Yakutsk : Bichik, 2003. – 352 s. – na yakut. yaz.
18. Polevoj material avtora stat'i. Zapisi toponimicheskikh predanij ot T. P. Gogoleva. – 1985 g. (Borogonskiy nasleg Vilyujskogo ulusa).
19. Androssov E. D. Taatta otohuttara (Tattinskie celiteli). – D'okuuskaj : Bichik, 1993. – 160 s. – na yakut. yaz.
20. Toponimicheskij slovar' Gornogo Altaya. Pod redakciej A.T. Tybykovoij. – Gorno-Altajskoe otdelenie Altajskogo knizhnogo izdatel'stva, 1979. – 399 s.
21. Manchary v predaniyah naroda / sost. I. G. Berezkin. – Yakutsk : YAkutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. – 384 s. – na yakut. yaz.
22. Radlov V. V. Opyt slovary tyurkskih narechij. – Sankt-Peterburg : Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk, 1899. – ob»em ne ukaz. (T. II, ch. II).
23. Bagdaryyn Syulbe. Toponimika YAkutii : Kratkij nauchno-populyarnyj ocherk / Bagdaryyn Syulbe ; Akademiya nauk Respublika Saha (YAkutiya) ; Institut gumanitarnyh issledovanij. – [Izd. 2-e. ispr. i dop.]. – Yakutsk : Bichik, 2004. – 192 s.
24. Murzaev, E. M. Ocherki toponimiki / E. M. Murzaev. – Moskva : Mysl', 1974. – 382 s.
25. Pekarskiy, E. K. Slovar' yakutskogo yazyka. III T. / E. K. Pekarskiy. – Leningrad, 1959. – 705 s.
26. Petrova, E. A. Pust' vspomnyat ih imena, svetlyj obraz sohranitsya na veka / E. A. Petrova. – Yakutsk : SMIK, 2019. – 274 s. – na yakut. yaz.

Г. Г. Филиппов

Бётлингк О. Н. о дифтонгах и долгих гласных в якутском языке

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. К 170-летию выхода уникального труда О. Н. Бётлингка «О языке якутов» мы обращаем свое внимание к частному вопросу, который исследовал О. Н. Бётлингк – это дифтонги и долгие гласные якутского языка. До него в тюркологии не признавали наличие долгих гласных в тюркских и монгольских языках. Факты якутского языка, показывающие развитую систему долгих гласных, подвели О. Н. Бётлингка к анализу природы данного явления в якутском языке и сравнительному изучению его в родственных тюркских и монгольских языках. Бётлингк первым делом сопоставил чередование кратких и долгих гласных, а также чередование дифтонгов и долгих гласных в самом якутском языке; установил соответствие долгих гласных и дифтонгов сочетанию интервокальных *й* и гуттуральных согласных в соответствующих слогах слов в самом якутском и в монгольских и родственных тюркских языках. Тем самым показал происхождение долгих гласных от кратких гласных и слияния двух гласных от выпадения согласного между ними, а также превращения дифтонга в долгое в конце глагольной основы. Цель статьи – изучение и анализирование исследования О. Н. Бётлингка о долгих гласных и дифтонгах якутского языка. С помощью контекстного анализа работы О. Н. Бётлингка, описательного метода и интерпретации языкового материала проводится анализ фонетического материала, использованного в труде «О языке якутов». В результате анализа работы О. Н. Бётлингка «О языке якутов» можно установить следующие основания появления дифтонгов и долгих гласных в якутском языке и в других тюркских языках: в позиционных сочетаниях гласного и согласных; при сложении слов; в заимствованиях из других языков; в случаях семантического, грамматического, эмоционально-экспрессивного проявления долгих и кратких гласных; при уходе от омонимии слов. Вместе с тем все эти способы, формы и виды удлинения гласных фонем, вместе взятые, не могут обеспечить образования всеобщей системы парной гармонии гласных по долготе и краткости.

Ключевые слова: О. Н. Бётлингк, якутский язык, фонетика, долгие гласные, дифтонги, тюркские языки, монгольские языки.

G. G. Filippov

Otto Böhlingk on diphthongs and long vowels in the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Now, on the 170th anniversary of the publication of Otto Böhlingk's unique work "On the Yakut language", we turn our attention to a particular issue that Böhlingk investigated: diphthongs and long vowels of the Yakut language. Before him, Turkology did not recognize the presence of long vowels in the Turkic and Mongolian languages. The fact that the Yakut language showed a developed system of long vowels led Böhlingk to analyze the nature of this phenomenon in the Yakut language and a comparative study

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – д. филол. н., профессор, почетный директор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru

FILIPPOV Gavril Gavril'evich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Honorary Director, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of Russia, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

of it in related Turkic and Mongolian languages. Böhntlingk first compared the alternation of short and long vowels, as well as the alternation of diphthongs and long vowels in the Yakut language itself; established the correspondence of long vowels and diphthongs to the combination of intervocalic and guttural consonants in the corresponding syllables of words in the Yakut language itself and in Mongolian and related Turkic languages. Thus, he showed the difference of long vowels from short vowels and the fusion of two vowels from the loss of a consonant between them, as well as the transformation of a diphthong into a long one at the end of the verb base. The purpose of the article is to study and analyze Böhntlingk's research on long vowels and diphthongs of the Yakut language. With the help of contextual analysis of Böhntlingk's work, descriptive method and interpretation of linguistic material, the phonetic material used in the work "On the Yakut language" is analyzed. As a result of the analysis of Böhntlingk's work "On the Yakut language", the following reasons for the appearance of diphthongs and long vowels in the Yakut language and in other Turkic languages can be established: a variation of a monophthong and a long vowel appears in positional combinations of vowels and consonants; long vowels and diphthongs appear when adding words; long vowels and diphthongs appear in borrowings from other languages; in the Yakut language there are cases of semantic, grammatical, emotionally expressive manifestation of long and short vowels; the opposition of a long and short vowel and a diphthong can and to some extent contribute to the departure from the homonymy of words. At the same time, all these methods, forms and types of vowel phoneme lengthening taken together cannot ensure the formation of a universal system of paired vowel harmony in longitude and brevity.

Keywords: Otto Böhntlingk, Yakut language, phonetics, long vowels, diphthongs, Turkic languages, Mongolian languages.

Введение

Е. И. Убрятова утверждала, что с того времени как вышло исследование О. Н. Бётлингк «О языке якутов» прошло 120 лет, но интерес ученых к нему не ослабевает [1]. Так как скрупулезность и точность описания, богатство привлеченного живого лексико-грамматического материала и глубина анализа звукового состава и широта и достоверность сравнительных фактов языка снискают пиетет этому уникальному труду.

О. Н. Бётлингк в своей работе определенно высказался о том, что долгие гласные и дифтонги в якутском языке появились сравнительно поздно и в доступной форме показал, как они происходили в языке. Впоследствии в тюркологии появилась идея о существовании первичных и вторичных долгих гласных [2]. Тем самым в тюркских языках наряду с сингармонизмом одновременно были (развились) и долгие гласные, которые со временем в большинстве тюркских языках утеряны. Особую проблему составляет выделение О. Н. Бётлингком в якутском языке й-дифтонгов и трифтонгов, которые не являются фонемами, а просто модификаторами некоторых слогов. Нами ставится под сомнение правомерность выделения в якутском языке этих ди- и трифтонгов.

Уникальность якутского языка состоит в том, что долгие и краткие гласные составляют четкие пары, которые сочетаются законом гармонии. Если в флективных языках в одном слове удлиняется только одно ударное гласное, то в якутском языке в одном слове могут существовать несколько долгих гласных: в начале, в середине и в конце слова. Так в тюркологии проблема происхождения долгих гласных стала одной из насущных задач сравнительно-исторического исследования. О долгих гласных и дифтонгах в якутском языке писали В. В. Радлов [3], Л. Н. Харитонов [4], Н. К. Антонов [5], Е. И. Убрятова [1], Н. К. Дмитриев [6], П. П. Барашков [7], Н. Д. Дьячковский [8] и другие.

В якутском языке существуют 20 гласных фонем: 8 кратких, 8 долгих и 4 дифтонга. О. Н. Бётлингк в якутском языке кроме 4-х истинных дифтонгов, образованных соединением легких (узких) и тяжелых (широких) гласных: *ya, yo, iz, yø*, выделяет 4 "й" трифтонга: *yai, yoi, izi и yøi* и 16 "й"-дифтонгов: *ый, ий, уй, үй, ай, эй, ой, өй, ыый, иий, ууй, үүй, аай, ээй, оой, өөй*.

О. Н. Бётлингк установил, что фонетическая система якутского языка сформировала сингармонизм гласных по следующим трем признакам: по твердости и мягкости гласных, по широте и узости гласных, по краткости и длине гласных. По данным признакам гласные звуки образуют парные ряды: 1) а, аа, э, ээ, о, оо, ө, өө – широкие, ы, ыы, и, ии, у, уу, ү, үү – узкие; 2) э, ээ, и, ии, ө, өө, ү, үү – передние, а, аа, ы, ыы, о, оо, у, уу – задние; 3) а, э, о, ө, ы, и, ө, ү – краткие, аа, ээ, оо, өө, ыы, ии, уу, үү – длинные. Также существует в якутском языке и четвертый признак сингармонической ситемы: о, оо, у, уу, ө, өө, ү, үү – губные, а, аа, ы, ыы, э, ээ, и, ии – ротовые (лабиальные).

Таким образом, якутский язык в своей фонетической системе в исторически неопределимом прошлом развитии уже выработал стройную систему противопоставления гласных по краткости и длительности. Мы не можем в данное время установить, по какому признаку это противопоставление образовалось. О. Н. Бётлингк хотел выявить соответствие длинных (долгих) гласных якутского языка в сравнительном анализе с соответствующими гласными родственных тюркских и монгольских, русских языков.

Если три признака сингармонической системы гласных якутского языка сформировались по акустической системе участия органов речи: во-первых, по месту образования (передние – задние), по способу образования (узкие – широкие), по участию губы и рта (губные – лабиальные), то четвертый – по количественному признаку, который семантически, видимо, зависел от волеизъявления говорящего: почему одно слово говорилось с длинным гласным, другое – с кратким гласным? Если понимать по-простому: одно слово отличается от другого по краткости и длительности гласного звука – они разные и всем понятно. Например, *аат* – имя, *ат* – конь, *ат* – открой (рот). Но любое семантическое противопоставление должно было иметь первопричину или основание удлинения гласного слова.

Например, в русском языке гласный звук удлиняется по причине ударения слова, который от соответствующего безударного гласного на 1,5-2 раза длиннее. Так якутский язык в отличие от других родственных тюркских и монгольских языков имеет сформировавшуюся систему гласных по длительности и краткости, что говорит о том, что он имел в древности длительный контакт с тем языком, который имел предрасположенность к семантическому различению слов по длительности и краткости гласных звуков, что, по-видимому, способствовало впоследствии эволюционированию системы гласных звуков якутского языка по длительности и краткости в полной мере из числа тюркских языков.

Все гласные якутского языка противопоставлены по длительности (долготе) и краткости. В то же время не все слова имеют обязательное долгое гласное, тогда как языки, имеющие словесное ударение в гласных, обязательно отмечены “долгим” гласным посредством ударения гласного. Таким образом, происхождение и функционирование долгих гласных в якутском языке имеет своеобразное явление, которое объяснить не просто. В статье ставится цель исследовать объяснение О. Н. Бётлингка происхождения и функционирования долгих гласных и дифтонгов якутского языка.

Долгие гласные

О. Н. Бётлингк особое внимание уделил проблеме долгих гласных в якутском языке. До него природу долгих гласных в тюркских языках особо не исследовали. Считалось, что в алтайских языках не существуют долгие гласные. О. Н. Бётлингк заметил, что долгие гласные в якутском языке функционируют везде: в начале слова: *аатыр*, *ыылаах*, *иитилин*, *уурабын*, *үүрэбин*; в середине слова: *санаатым*, *элбээтим*, *оҕолоотум*, *мөбөлчөхтөөтүм*, *саныыбын*, *элбибин*, *оҕолубун*, *мөбөлчөхтүүбүн*; и конце слова: *санаа*, *элбээ*, *саныы*, *элби*, *оҕолуу* но имеют при этом свои особенности [2, с. 157].

В якутском языке в долгий гласный или дифтонг в слове не обязателен, но он в некоторых словах может быть дважды и трижды: *оонньуур* “игрушка”, *оонньуурдаах* “имеет игрушку”; *уот* “огонь” – *уоттаа* “сожги огонь”; *дьиэ* “дом” – *дьиэлээх* “хозяин дома” – *дьиэлэхтээбэр* “по сравнению с хозяином дома” и т. д. Таким образом, долгота отличается от ударения слова, не зависит от него.

По наблюдениям О. Н. Бётлингга в односложных основах существительных и прилагательных с вокальным ауслаутом нет ни одной основы, которая бы оканчивалась на краткий гласный. И он приводит 11 именных основ, которые оканчиваются на долгий гласный: *хаа* “карман”, *баа* “принуждение”, *саа* “огнестрельное оружие”, *ыы* “мускус”, *тыы* “лодка, челн”, *кии* “сухой коровий навоз”, *бии* “более старший по годам”, *бии* “лезвие, острие ножа”, *уу* “вода”, *уу* “сон”, *түү* “шерсть, волос животного” [2, с. 158].

В ауслауте глагольных основ в якутском языке совсем не встречаются краткие гласные, только широкие долгие, дифтонги и трифтонги, если исключить обе недостаточные основы *э* и *и*. У односложных глагольных основ, за исключением *э* и *и* вообще не появляются простые гласные – все ди- и трифтонги. В родственных и монгольских языках якутской долготы соответствует краткий широкий гласный. Но нередко этому краткому турецко-татарскому и монгольскому противостоит в якутском языке дифтонг с широким гласным ауслаутом или *й*-дифтонг с широким анлаутом. Перед аффиксами с консонантным анлаутом, которые образуют новые именные и глагольные основы, широкий долгий гласный сокращается [2, с. 147].

Якутской долготы нередко соответствует долгота в нижегородском татарском языке, но также часто встречается и краткость. Нередки эти обратные случаи, когда якутскому краткому соответствует нижегородский долгий. Примеры к первому случаю: *аат* “имя” – *аат*, *хаал* “отставать” – *kaal*, *хаас* “бровь” – *кааш*, *кулгаах* “ухо” – *көлаак*, аффикс имен действия – *ыы*, – *и*, – *уу*, – *үү*. Примеры ко второму случаю: *баар* “имеющийся” – *бар*, *кыыс* “девушка” – *кэз*, *иш* “привесить” – *el*, *киир* “входить внутрь” – *ker*. Примеры к третьему случаю: *бас* “голова” – *бааш*, *куйаас* “дневно зной” – *көјааш* “солнце”, *эт* “мясо” – *ишт*, *бисик* “колыбель” – *биишик*, мин “я” – *миин*, *сир* “земля” – *jeer*. Так презенс в нижегородском татарском языке оканчивается на –*эзмин* и –*аамын*, в якутском –*абын* (–*обун*, –*эбин*, –*өбүн*) [2, с. 159-160 с.].

Таблица 1

**Соответствие долгих гласных сочетаниям звуков родственных языков
по материалам О. Н. Бётлингга**

Долгие гласные	Соответствующее сочетание	Примеры
Аа а	aa аа аҕа, iya	Хаас – хааш, ыраха – jэраах, хаал – kaal, саан – jaанэ Бас – бааш, Дабан – дабаҕан, салаа – salaҕа, унаар – uniуар
ээ	eg	Эмээхсин – emegcin
оо	oḡo	чороон – cogoḡon
өө		
ыы	-aju, aḡu, iḡu, uḡ	-ыым, хатыыр – qadaḡur, арыы – saryḡ, чакыыр – cakiḡur
ии	-Iju, iji, Idi, ik Igi, ig	-иим, Тиин – tijin иик – sidik, сэрии – sirig, sirik силии – silik сиик – sigig, кэсии – kesig
уу	aiu, uḡ, uq	-уум, уруу – uruq, uruḡ
үү	Egu, igu, egi, i Iju, uj, ii	Сөрүүн – seregun үүм – ijum, түү – tuj. Сүүрбэ – jiirmi

О. Н. Бётлингк пишет о том, что в монгольском языке долгий гласный на письме часто вовсе не обозначается, поэтому неизвестно, как произносятся следующие соответствия: *jam* – дьяам, *etegcin* – эмээхсин, *kundu* – күндүү, *sal* – аал, с долгим или с кратким гласным.

В якутском языке без видимых причин чередуются краткие с долгим в *сүк* “взвалить на спину” – *сүүкэй* “ноша на спине”, *эмэх* “дряблый, гнилой” – эмээхсин “старуха”, *уу* “сон” – *утуй* “заснуть”, *утуктаа* “быть в полусне” и т. д.

Иногда долгота, кажется, имеет семантическое значение: *ыт* “стрелять” *ыыт* “отправить, отпускать”, *ибир* “мелкий дождь” – *ибиир* “опрыскивать (ртом)”, *баай* “богатый” – *бай* “богатеть”, *сандар* “сияние” – *сандаар* “сиять” [2; 160 с.].

О. Н. Бётлингк установил что широкая долгота развивается в якутском языке из широкого краткого в конечном слоге слова как выражение вопроса, изумления, сомнения. Примеры: *быспатаах* – “Оо, он не отрезал” от *быспатах* “не отрезал, не отрезавший”; *кэлбэ-тээх* – от *кэлбэтэх*, *онгорботоох* – от *онгорботох* [2, с. 160]. О. Н. Бётлингк считает, что “долгий гласный здесь возник из слияния двух одинаковых кратких”. Это утверждение, видимо, ошибка, по-нашему мнению, здесь происходит эмоциональное удлинение гласного.

Долгий гласный нередко соответствует двум гласным, разделенным консонантом. Тут, где более полная форма в якутском языке еще сохранилась, видно, что после выпадения консонанта два одинаковых кратких приобретают долготу. Если, напротив, более полная форма имеется только в родственных языках, то мы обнаруживаем долготу чаще всего уже в этой более полной форме. При неодинаковости гласных последующая поглощает предыдущую. Примеры: *чороон* – *чоробон*; *ыыр*д – *ыгырт*; *быыкаан* – *бычыкан*, *biciqary*; *тиин* – *tijin*; *сүүрбэ* – осм. *Jiirmi*, *Yirmi* – нижегор. *Jiirerme*; аффикс 1-го лица повелит. накл. ед числа -*ыым*, -*иим*, -*уум*, -*үүм* оренб. -*ajum* или -*ijum* – нижегор. узкий долгий, как и в якутском; *дабаан* – *daba5an*, *таарый* – *ta5ariqu*, *салаа* – *sala5a*, *унаар* – *uniyar*, *хансаар* – *qangsiyar*. Имени действия (номен акционис) на -*ыы*, -*иу*, *уу*, -*үү* от глагольных основ, которые оканчиваются на широкий долгий или на дифтонг с широким ауслутом (*саныы* от *санаа* и т.п.), соответствует в османском окончание -*ajy* или *ejj* в большинстве же татарских диалектов – *-au* (*ab*) или -*au* (*эв*), которые можно возвести к -*a5u* или -*э5у*. Узкому долготу в *сатыы* “пешеход”, *тумуу* “насморк” и *таныы* “ноздры” в татарском точно так же соответствует -*au*: *zajaw*, *totaw* (ср. *totu5un*), нижегор. *tanaw* [2, с. 161]. Между тем, гораздо чаще в якутском языке находят на месте татарских дифтонгов *au* и *эу* дифтонг с широким ауслутом. Случай, когда два гласных образуют один краткий, показано в работе «О языке якутов» на странице 156 (параграф 86). По утверждению О. Н. Бётлинга в турецко-татарских языках также имеются аналогичные случаи, но реже [2, с.161-165].

Узкие долгие часто появляются в ауслате именных основ. При сравнении родственных языков подчас оказывается, что конечный гуттуральный здесь выпал. Примеры: *арыы* “масло” – *sary5* – *sary* “желтый”, *сэриу* – *cirik* – *ciru* – *cirig*, *силиу* – *silik*, *кэсиу* – *kesig*, *уруу* – *uruq* – *uru5* – *uru* – *uru5*, *түү* – *tuj*. Долгота в *саары*, сравнительно с осм. *ja5ry*, стоит в связи с выпадением гуттурального. И наоборот, нижегор. *иики* “два” и *siikir* “прыгай” с долгим гласным в первом слоге соответствуют якутским формам с кратким гласным и двойным *к*: *икки* и *экириэ*. О. Н. Бётлингк пишет, что при тех же самых отношениях может развиваться дифтонг с широким ауслутом. При сравнении нижегор. *Jiide* с якут. *Сэттэ* мы видим, что долгий с простым консонантом противостоит краткому с удвоенным согласным. Монгольское же *udter* произносится здесь и в якутском *отөр* и пишется в калмыцком *отөр* с кратким гласным и простым *т*; имеет также нижегор. *енэ*, соответствующее якутскому *иннэ*, краткий гласный. В монгольском языке обращает внимание на *нуулху* – *пуглаху* “собираться”.

Узкие долгие возникают в якутском подчас из сплавления широкий долгой или дифтонга с широким окончанием в ауслауте вербальной основы с широкой краткой аффикса. В отдельных диалектах прежде всего родственных языков мы наблюдаем в таком случае тот же самый долгий, в других случаях слоги *aja* или *эйэ* либо дифтонги *ай* и *эй* [2; параграф 71].

Так как тон в якутском языке покоится на конечном слоге, то ударный гласный в русском слове, появляющийся в другом месте, передается иногда долготой; *хаампа* – канфа, *хаасы* – каша, *дорообо* – здорово. Как раз то же в калмыцком языке: *импира* (*impira*) *тириуса* (*tiriiica*) – императрица, *baabuska*, *boozika* – бочка.

О. Н. Бётлингк в якутском языке выявил следующие соответствия гласных звуков по длительности и краткости в самом якутском языке. Ход эволюции широкого гласного в дифтонг затем в долгий гласный точно не доказан, но имеются факты чередования дифтонга с широким гласным.

Изменение гласных основы в закрытых слогах

О. Н. Бётлингк отмечает необъяснимые ослабления при добавлении аффиксов начальным гласным дифтонгов в широкие гласные в закрытых слогах односложных слов. Например: *биэс-ис бэһис* “пять – пятый”; *киэн-эс кэнэс* широкое – широкий; *уон-ус онус* десять – десятый; *туол-ор толор* наполнять; *түөрт-үс төрдүс* четыре – четвертый, *күөл-үйэ көлүйэ* озеро – озерцо.

О. Н. Бётлингк здесь под необъяснимым “ослаблением дифтонгов в широкие гласные” подразумевает превращение дифтонгов основы слова при добавлении к слову аффикса с начальным гласным. Видимо, в данном случае мы имеем тот случай обратного превращения раньше расширившегося в дифтонг широкого гласного. То есть ранее в позиции одного слога широкий гласный превращался в дифтонг. Например: *бэр* – биэр, *көх* – күөх, *тох* – туох, *көс* – күөс, *сөм* – сүөм, *көл* – күөл, *төрт* – түөрт, *бэс* – биэс, *он* – уон, *тол* – туол, *бэр* – биэр, *кэн* – киэн.

Нет полной уверенности о том, что краткий гласный мог превратиться в дифтонг или долгий гласный. Факты якутского языка показывают, наоборот, что сочетания согласного и гласного создают дифтонг. Например: *уол* – *оһул*, *ыал* – *аһул*. Но частичные соответствия краткого монофтонга к дифтонгу или долгому гласному якутского языка и других родственных языков дают пищу для предположения о том, что некоторые дифтонги и долгие гласные могли соответствовать и произойти от этих кратких гласных, например, *он* – *уон* “десять”, *от* – *уот* “огонь” *отун* “сожги костер” *терт* – *түөрт* “четыре” *беш* – *биэс* “пять”.

Причинами сокращения дифтонга и длинного гласного в краткий гласный являются стяжение слога (фузия) – характерное явление агглютинативного языка. Стяжение дифтонга или долгого гласного впередиостоящего слога при присоединении к слову аффикса, видимо, является акустическим явлением удобного выговаривания слова. Например: *күөх-өр* – *көбөр*, *киэн-ээ* – *кэнээ*, *киэн-эс* – *кэнэс*, *туол-ор* – *толор*, *суол-оо* – *солоо*, *биэр-ин* – *бэрин*, и т. д. Иногда стяжения дифтонга и долгого гласного не происходит, например, *буос-аа* – *буоһаа*, *баай-н* – *баан*, *хаай-ын* – *хаан*, *тийи-ин* – *тиин*, *тиэй-ин* *тиэн* и т. д.

Это фонетическое изменение иной раз становится грамматическим фактором языка. Например: *тохтоо* – *тохтот*, *көрдөө* – *көрдөн*, *ыллаа* – *ыллас*, *оһолоо* – *оһолон*, *суохтаа* – *суохтат*. В данном случае при присоединении залоговых аффиксов долгие гласные основы глагола суживаются и превращаются в широкий гласный. Мы не можем утверждать о том, что глагольная основа восстанавливает первоначальную форму с кратким широким гласным. Хотя во всех родственных тюркских языках глагольная основа имеет краткую широкую гласную.

О. Н. Бётлингк показывает двойную картину образования дифтонгового окончания из стечения гласного и согласного звуков и долгого гласного из дифтонгового окончания в конце глагольных основ якутского языка. Например: *эккириэ – эккирээ, тохтоо – тохтоо, үктүө – үктээ, төрүө – төрөө, сүрэхтиэ – сүрэхтээ, төлүө – төлөө, холоу – холоо, көмөлүө – көмөлөө*

Изменение гласных основы в открытых слогах перед аффиксами с согласным в начале

О. Н. Бётлингк отметил ослабление долгих и дифтонгов двух- и более сложных основах в широкие краткие перед глаголо- и имяобразующими аффиксами с консонантным начальным. Например: *анаа – анат, элбээ – элбэт, соролоо – соролот, үктүө – үктэт, холоу – холос, көмөлүө – көмөлөс*. Именные основы: *куттал, кэтэл* от *куттаа, кэтиэ*; *барылас* от *барылаа*; *талабыр, холобур* и *төлөбүр* от *талаа, холоу* и *төлүө*. Такое же ослабление имеется у наречий на *-чы*: *кинкинэччи* и *күлүбүрэччи* от *кинкиниэ* и *күлүбүрүө*. Напротив, в *бигиэ-с, ыйаа-сын, салжаа-сын, холоу-сун* и других словах ослабления не последовало.

В родственных тюрко-татарских и монгольских языках не может быть речи о подобных ослаблениях, так как соответствующие глагольные основы имеют краткий гласный в конце. Что показывает то, что долгие и дифтонги в якутском языке появились позже разными путями и способами.

О гармонии гласных в сложных словах

О. Н. Бётлингк отмечает, что в якутском языке очень мало сложных слов, слившиеся в смысловом и в звуковом отношении. Им перечислены следующие сложные слова: 1) *бийыл – бы-йыл-дьыл* “в этом году, нынче”; 2) *бүгүн – бу-гүн* “сегодня”; 3) *эһишл – э-сил* “в будущем году”; 4) *өйүүн – ө-йүн* “послезавтра”; 5) *бэбэһээ – бэ киэсэ* “вчера”; 6) *бөлүүн – бө-лүүн* “в прошлую ночь”. Бётлингк объясняет, что при образовании сложного слова происходит ассимиляция последующего гласного гласным предыдущего слова. Не всегда гласные сложных слов срощаются в качестве единого слова, что, видимо, мешает образованию сложных слов. Примером такого слияния является слово *суоччыгыһынах* “совсем голый”, “в котором несовместимые гласные (уо – ы) не являются компонентами одного и того же слова и притом отделены друг от друга двойным консонантом, который мешает гармонии гласных” [2, с. 136]. Бётлингк говорил о том, что он не может объяснить дальше первое слово [2, с. 139]. О. Н. Бётлингк утверждает, что в сложных словах чередование гласных не выходит за пределы своего класса: повсеместно чередуются только легкие с легким (узкие с узким), тяжелые с тяжелым (широкие с широким) [2, с. 139].

Как показывают примеры, приведенные О. Н. Бётлингком в сложных словах уподобление гласных проходит сложную ситуацию в зависимости от слогов и качества гласных срощаемых частей. При открытом первом слоге первого слова уподобление происходит по гласному второго слова: *бийыл, бүгүн, эһишл, өйүүн, бэбэһээ, бөлүүн*. При закрытом первом слоге первого слова уподобление происходит по гласному первого слова. Обычно конечный гласный сложного слова удлиняется, если ударение сложного слова не переходит в первом или втором слоге.

Уподобление гласных сложного слова показывает характерную картину сохранения и развития морфемной структуры сингармонизма и его функционирования в агглютинативных языках. В данном случае нас интересуют слова: *эһишл – э-сил* “в будущем году”; *өйүүн – ө-йүн* “послезавтра”; *бэбэһээ – бэ киэсэ* “вчера”; *бөлүүн – бө-лүүн* “в прошлую ночь”; *кэтэҕэриин – кэтэх орун* “задняя кровать”. Из всех долгих гласных, образованных при слиянии двух слов, долгота происходит только в одном *өйүүн – ой кун* слиянием согласного и гласного: *кү – үү*. В остальных случаях долгота создается тонально, как в русских

заимствованиях. Например: *тунель* – *түнүөл*, *доцент* – *дассыан*. О. Н. Бётлингк пишет: “В сравнении с монгольскими заимствованиями в русских заимствованиях вариативность не происходит от вариативности в источнике заимствования. Вариативность в русских заимствованиях происходит в большей части от общего восприятия общего тона состава гласных русского слова. Преобладают ли твердые гласные или мягкие. Если уж этот основной тон найден, то другие изменения происходят сами собой. Например, слово *губернатор* в якутском стал *кубарнаатар*, а у монголов – *гүбирнатур*” [2, с. 145].

О. Н. Бётлингк показывает образование долгих гласных и дифтонгов в конце глагольных и именных основ путем сочетания широкого гласного с согласными *й*, *к*, *х* и *в*.

В родственных языках О. Н. Бётлингком найдены следующие соответствия: *уу* – *суу* в нижегородском диалекте, *сув* в тобольском диалекте. *Саа* – в османском *jaj*, в нижегор. *Jaja*. *Киш* в тоболь. *Кыи*. *Түү* осм. *Tuj* – *tuk*.

О. Н. Бётлингк заметил семантическую обусловленность кратких и долгих гласных в якутском языке, хотя они не являются повсеместными, но могут быть фактом их противопоставления, например, *саар* – *сараа* – “выпадения перьев у пернатых птиц” *сара* – “птица, у которого выпали перья” *бай* – “богатеть”, *баай* – “богач, богатый”, к ним можно примкнуть слова. Например *ас* – “открой, открывать”, *аас* – “проходи, заходи”, *ас* – “пища, еда” *аас* – “голодать, голодный”; *киэһэ* – вечер, *киэһэ аһылык* – вечерняя пища.

В приведенных О. Н. Бётлингком примерах имеется слово *хаа* “обертка, футляр, оболочка”, которому соответствует слово *хах* “оболочка, футляр”, от них образуются глаголы *хаалаа*, *хактаа*, *хабылаа*, *суу* “оболочка, обертка”, от которого образуются *суулаа* “завернуть, обернуть”, *суйдаа* – освободить от обертки, оголить”, возможно, *суу* образовалось от *суй*, а *хаа* от *хах*, *сук-сүүкэй-сүгэхэр*.

О. Н. Бётлингк подметил в нижегородском диалекте татарского языка соответствие долгого гласного *ии*: *иики* “два” и *сиikir* “прыгай” якутским формам с кратким гласным и двойным *к*: *икки* и *экириэ*. При сравнении нижегор. *Jiide* с якутским *сэттэ* долгий с простым консонантом противостоит краткому гласному с удвоенным согласным. В самом якутском языке слово *итиннэ* может модифицировать как *ииннэ*, т. е. с долгим *ии*.

Дифтонги с широким ауслаутом

Дифтонги с широким конечным, как и простые гласные, встречаются в начале, середине и конце, в открытых и закрытых слогах: *иа*, *иал*, *иадас*, *иас*, *уодай*, *уот*, *үөрэн*, *үөх*; *барыаба*, *барыахтара*, *кэлиэбэ*, *кэлиэхтэрэ*, *оноруоба*, *оноруохтара*, *көрүүбэ*, *көрүүхтэрэ*, *барыллыа*, *бэйдие*, *боруллуо*, *үсүө*.

Все четыре дифтонга появляются иногда как ослабление трифтонга [см. параграф 66, 67, с. 148-149]. В том же самом случае, когда из короткого широкого гласного в конечном слоге слова развивается широкий долгий [см. параграф 94, с. 160], краткий узкий гласный усиливается до дифтонга с широким ауслаутом: *көр эрэ быспыат* “взгляни-ка, отрезал ли он?”, *кэлбиэт* “пришел ли он?”, *онорбуот*, “сделал ли он?”, *көрбүөт* “увидел ли он?” от *быспыт*, *кэлбит*, *онорбут*, *көрбүт*.

Все четыре дифтонга чередуются в аффиксах с широкими краткими, с *иэ*, *уо* и *үө*, а также с широкими долгими [ср. параграфы 44, 45; 2; 138].

Иэ, *уо*, *үө* в односложных основах с консонантным окончанием и в ауслауте глагольных основ перед определенными аффиксами ослабляются в широкие и лишь в виде исключения в узкие краткие [ср. параграфы 61 и 64; 2; 147]. В *бэбэсэ*, образовавшемся из сложения *ба* и *киэсэ* [ср. параграф 48; 2; 139], и в *тобусун*, образовавшемся из сложения *туох* и *усун* или *тобус* и *уон*, произошло ослабление в сложное слово; а в *бэбэсэ*, кроме того, в открытый слог двухсложного слова.

О. Н. Бётлингк пишет, что в османском и монгольском языках на месте дифтонга используется простой широкий гласный. Такое соответствие гласных наблюдается, главным образом, в закрытых слогах и в ауслауте глагольных основ, которые в якутском языке оканчиваются либо на согласный, широкий долгий и дифтонг, либо наконец, на трифтонг, и всегда, таким образом, предлагают полновесный конечный слог. В нижегородском диалекте здесь в закрытом слоге долгие *aa*, *ui*, *өө*, *oo*, *уу*. Примеры: *биэс* “пять” – осм. *ves* – нижегор. *viu*; *биэр* “давать” – осм. *vermek* – нижегор. *beer*; *юм* “огонь” – осм. *od (o)* – нижегор. *oot*; *суох* “неимеющийся” – осм. *joq (o)* – нижегор. *jook*; *үөс* “сердцевина дерева” – осм. *oz (ə)* – нижегор. *үүзак*; *түөрд* “четыре” – осм. *dort (ə)* – нижегор. *дөөрт*. О. Н. Бётлингк отмечает, что русский широкий (с якутской точки зрения) гласный в в закрытом слоге точно так же переходит в дифтонг с широким ауслаутом: *винтовка* – *бинтиэппэ*, *мох* – *муох*, *стол* – *остуол*, *ром* – *уруом* (могло бы быть *ором*), *узор* – *усуор* (где, впрочем, не могло бы быть *о* после *у*). В *миэркэ* – мерка *И* связано, пожалуй, с палатизованным *м*. Так же в открытом слоге и в ауслауте именной основы в якутском языке *иэ* иногда соответствует э в османском и монгольском языках: *киэсэ* – осм. *кэзэ* – нижегор. *кииц*, *кэбиэрэх* – *keberég*, *бэлиэ* – *belge* – *belgi* – *bilgi* – *belgii*. В *холуода* – *колода* на место ударного гласного *о* [ср. параграф 98; с. 166] появляется *ю*, но и последующее *а*, которое в якутском не может следовать за *о*, могло способствовать появлению дифтонга [ср. параграф 59]. Соответствующее слову *диэ* “сказать” *dimek*, нижегор. *дии*, имеет и османском узкий гласный, а конечным гласным в *burku* – *буруу* является, пожалуй, *ү*, а не *ө*. О. Н. Бётлингк не может указать о том, что произносятся ли с *ү* или *ө* тобольск. и казанск. соответствующие якутскому *үөм* “подкрадываться” и *түөс* “грудь”. В нижегородском верхняя часть груди называется *түвиши*.

О. Н. Бётлингк приводит соответствие в финском языке на дифтонгов *уо* и *үө* в эстонском языке, как правило, на долгое *o(oo)* и *ö(öö)*. Например: фин. *huolin* “я надеюсь” – эст. *Huolin*, фин. *huoli* “забота” – эст. *hool*, фин. *Juoksui* “бег” – эст. *Jooks*, фин. *Juoni* “ряд, линия” – эст. *Hool* и т.п. [2, с. 168].

Иэ, *уо* и *үө* иногда можно возводить к узким и широким гласным, которые, разделяясь консонантом (гуттуральным или *j*), принадлежат к двум различным слогам. Так возникло *тиэр* “доводить до чего-л.” из *тијэр*, каузатива от *тий*; *ордуо* восходит к *ордуга*. Сравнивают еще *биэ* с *bija*, нижегор. *biija*; *элиэ* с *eliy-e*, *кэриэс* с *qeriyes*, *сиэн* “внук” с *jigen*, осм. *jeken*.

О. Н. Бётлингк отмечает, что гораздо чаще четверем якутским дифтонгам с широким с ауслаутом в турецко-татарских и монгольских языках соответствует широкий гласный с последующим гуттуральным, который то закрывает слог, то сопровождается узким гласным. Вместо гуттурального иногда встречается *j*. Гуттуральный переходит, как уже отмечено другими в произношении, а подчас даже и в письме в *в (w)* или *у*, в *j* или *i*, либо же полностью выпадает. Только изредка якутскому дифтонгу соответствует такое *ау (ав)* или *эү (эв)*, чье, *и* невозможно возвести к гуттуральному. Примеры: *тыа* – *ta5* – *tau* – нижегор. *taay* – *ta5*; *кырыа* – *qyra5u* – *qyra5y* – *qyrau* – нижегор. – *кэрау* – *kira5u*; *сэниэ* – *zanaq* – нижегор. *јанак*; *уол* – осм. – *o5ul (o-y)* – нижегор. *уул*; *куорсун* – нижегор. *кэбырцын* – *qairsun* – *5oursun*; *юр* – *a5ur*; *үөрэт* – осм. *ogretmek (ə)* – оренб. – *ojretmek* – нижегор. *өрэт*; *көрсүө* – *kerseguu* – *kersegu* – *kerseu*. Так, О. Н. Бётлингк без сомнения также сопоставляет образованные от количественных числительных формы *иккиэн* “оба”, *үсүөн* “втроем, трое”, *төрдүөн* “четверо, четвером” и т. п. с татарскими собирательными именами *ikaui*, *ucaui*, *durtau* и т. п.

Уо и *үө* стоят иногда на месте удвоенного гласного в монгольском языке: *чуобур* – *couquir* (*oo*) – *cuwar* – *cubar* – нижегор. *цебар* – русск. *чубарый*; *буор* – *bour* – *bur (y)*, *хуолу* – *qouli*

– *qauli* (пожалуй, более первоначальная форма); *үөл* – *oul* (*y*) – өл. В *килбиэн* – *kilba5an* и в *удьуор* – *u5sa5ar* противостоят дифтонгу два *a*, разделенных гуттуральным.

Таблица 2

Соответствия дифтонгов сочетаниям звуков родственных языков
по материалам О. Н. Бётлингк

Долгие гласные	Соответствующее сочетание	Примеры
ыа	<i>Aw, уу, а5, ау, аау, аи, а5у, ави, аавы, ауі, а5и, аq, ak, о5и, ө, аавы, иа, эбы,</i>	<i>кыа</i> – <i>qaw</i> – нижегор. <i>куу</i> , <i>ыа</i> – <i>sa5maq</i> – нижегор. <i>caу</i> (ср. <i>sa5aqui</i> и <i>saaxи</i>), <i>тыа</i> – <i>ta5</i> – <i>tai</i> – нижегор. <i>taay</i> – <i>ta5</i> , <i>сыа</i> – <i>ja5</i> , <i>ыарый</i> – <i>a5rymaq</i> – <i>aigrimaq</i> – нижегор. <i>аура</i> , <i>ыас</i> – <i>sa5yz</i> , <i>тыал</i> – <i>tavul</i> – нижегор. <i>даавыл</i> , <i>быар</i> – <i>baur</i> – нижегор. <i>баавыр</i> , <i>ыал</i> – <i>ayl</i> – нижегор. <i>аавыл</i> , – <i>ayil</i> , <i>кырыа</i> – <i>qyра5и</i> – <i>qyра5у</i> – <i>qyrai</i> – нижегор. – <i>кэрау</i> – <i>kira5и</i> ; <i>сэниэ</i> – <i>zapaq</i> – нижегор. <i>janak</i> ; <i>уол</i> – осм. – <i>o5ul</i> (<i>о-у</i>) – нижегор. <i>уул</i> , <i>суорат</i> – осм. <i>jo5urt</i> (<i>о-у</i>), <i>уолан</i> – осм. <i>o5lan</i> (<i>о</i>) – нижегор. <i>өлаан</i> , <i>уос</i> – <i>o5yz</i> – <i>aiz</i> – нижегор. <i>аавыз</i> , <i>суон</i> – осм. <i>jo5un</i> (<i>о-у</i>) – <i>juan</i> , <i>куорсун</i> – нижегор. <i>кэбырцын</i> – <i>qaursun</i> – <i>5oursun</i> , <i>уор</i> – <i>a5ur</i> , <i>куорчах</i> – <i>qa5urca5</i> , <i>куолай</i> – <i>qo5ulai</i> (<i>о</i>)
изэ	<i>Аҕа, ијэ, ija, iye, iге, eke, uge</i>	<i>килбиэн</i> – <i>kilba5an</i> , <i>тиэр</i> “доводить до чего-л.” из <i>тијэр</i> , каузатива от <i>туй</i> ; <i>биэ</i> с <i>bija</i> , нижегор. <i>biija</i> ; <i>эриэн</i> <i>eriyeu</i> , <i>элиэ</i> с <i>eliy-e</i> , <i>кэриэс</i> с <i>qeriyes</i> , <i>сиэн</i> “внук” с <i>jigen</i> , осм. <i>jeken</i> ; <i>сиэгэн</i> с <i>jigegen</i> , <i>кириэтэ</i> с <i>kirugedeku</i>
уо	<i>Ои, и, аи, а5а, оји, о5и, о5, о5у, аавы, јиа, јиа, а5и</i>	<i>Чуоҕур</i> – <i>couqur</i> (<i>оо</i>) – <i>siwar</i> – <i>cubar</i> , , <i>бур</i> – <i>bour</i> – <i>bur</i> (<i>y</i>) <i>хуолу</i> – <i>qouli</i> – <i>qauli</i> , <i>удьуор</i> – <i>u5sa5ar</i> , <i>мыос</i> – <i>moјuz</i> , <i>уол</i> – осм. – <i>o5ul</i> (<i>о-у</i>) – нижегор. <i>уул</i> , <i>суорат</i> – осм. <i>jo5urt</i> (<i>о-у</i>), <i>уолан</i> – осм. <i>o5lan</i> (<i>о</i>) – нижегор. <i>өлаан</i> , <i>уос</i> – <i>o5yz</i> – <i>aiz</i> – нижегор. <i>аавыз</i> , <i>суон</i> – осм. <i>jo5un</i> (<i>о-у</i>) – <i>juan</i> , <i>куорсун</i> – нижегор. <i>кјуарцын</i> – <i>qaursun</i> – <i>5oursun</i> , <i>уор</i> – <i>a5ur</i> , <i>куорчах</i> – <i>qa5urca5</i> , <i>куолай</i> – <i>qo5ulai</i> (<i>о</i>)
үө	<i>Ои, ө, og, eg, egiu, egi, eu, o, үү, өө, oги</i>	<i>үөл</i> – <i>oul</i> (<i>y</i>) – өл. <i>үөрэт</i> – осм. <i>ogretmek</i> (<i>ө</i>), <i>үөн</i> – <i>egui</i> , <i>көрсүө</i> – <i>kersegiu</i> – <i>kersegu</i> – <i>kerseu</i> , <i>сүөм</i> – <i>sogut</i> , , <i>үөс</i> “сердцевина дерева” – осм. <i>oz</i> (<i>ө</i>) – нижегор. <i>үүзак</i> , <i>түөрд</i> “четыре” – осм. <i>dort</i> (<i>ө</i>) – нижегор. <i>дөөрт</i> , <i>күөх</i> “синий” – осм. <i>kok</i> (<i>ө</i>) нижегор. <i>күүк</i> , <i>күөл</i> “озеро” – осм. <i>kol</i> (<i>ө</i>) – нижегор. <i>күүл</i> , <i>үөх</i> “бранить” – осм. <i>sokmek</i> (<i>ө</i>) – нижегор. <i>сүүк</i> ;

То, что все четыре дифтонга, имеющие широкий ауслаут слились с широким кратким определенного аффикса в один узкий долгий, уже изучено в параграфе 71; в параграфе 72 выявлены случаи, когда эти дифтонги поглощают широкие краткие или долгие гласные другого аффикса; в параграфе 73 случаи, когда они выпадают в ауслауте основы и в анлауте *й*.

Й-дифтонги с кратким анлаутом

О. Н. Бётлингк отмечает, что в родственных языках *й*-дифтонгам с кратким анлаутом соответствует часто те же самые звуки, однако с чередованием первого компонента. В нижегородском диалекте встречается иногда *й*-дифтонг с широким анлаутом. Примеры: *сай* “лето” – *jaj* – нижегор. *jэj*; *хантай* – *qabtaуiqи*; *кэлтэй* – *kelteyiku*; *ой* “лесок” и *өй* память – *0j* – *oi* (мысль называется в нижегор. *oi*); *өндөй* – *onduyiku*; *ый* – *aj* – нижегор. *aaи*; *тый* – *taj* – нижегор. *taaи*; *эдый* – *ejii* и т. д.

Чередование *й*-дифтонгов и простых гласных в одном и том же слове почти совсем не имеют места в якутском языке. Например, *саараа* – *саарай* [ср. параграф 90]. *Туорай* “по-

перечина” может быть дериватом от *туора* “поперечное направление”, равным образом и *чэй* от *чэ*.

О. Н. Бётлингк отмечает в нижегородском *анга* “мать” наряду с *анай*, *ата* “отец” наряду с *атай*, *тэтэ* “старшая сестра” наряду с *тэтэй* и т. п. В этом диалекте часто исчезает *й* у *й*-дифтонга, находящегося в инлауте, смягчив прежде всего последующий консонант. В первоначально закрытом слоге остающийся гласный оказывается долгим, в открытом – кратким. Примеры: *эм* “сказать” – *эйт* – *ajtmak* – *ajitmak* – *ajytmak*; *каан* – “тесть” – *qajun*; *боон* “шея” – *boju*; *коон* “пазуха” – *qojun*; *кан*’а или *кайн*’а “варить, кипятить” – *qajnamaq*; *ун*’а “играть” – *ojnamaq*; *бат*’ал “кобыла” – *bajtal*; *сал*’а или *сайл*’а “выбирать, избирать” – *sajlamaq*; *ал*’андыр “вертеть, крутить, поворачивать” – *ajlandurmaq*; *ар*’ан или *айр*’ан “опьяняющий напиток из кобыльего молока”, – *ajran*; *көр*’үк “хвост” – *qijruq*. От *ојл*’а “думать” – *ojlamaq* не образовалось еще никакой более слабой формы.

Напротив, *й*-дифтонг в ауслауте якутских глагольных основ, которые, как уже отмечал О. Н. Бётлингк, в параграфе 104, предпочитают более широкие окончания, очень часто соответствуют в монгольском и иногда также в турецко-татарских языках простому гласному. Примеры: *харај* – *qaramaq* – *qaraq*; *махтай* – *maqnamaq* – *ma5taqu*; *килбэй* – *kulbeku*; *бүтэй* – *buteku*; *болзой* – *bol5u5uqu*; *халтарый* – *qaltariqu*, *хамый* – *qamiqu*; *кэлгий* – *kelgiku*; *дэлбэрий* – *delbireku*; *монсуй* – *tongsiqu*; *молуй* – *joluumaq* – *joliqu*; *бутуй* – *bujamaq* – нижегор. *боја* – *buduqu*; *төгүрүй* – *tegiremek* – нижегор. *тэгэрэ* – *togeriku*; *бүдүрүй* – *buduriku*; *бүрүй* – *burkemek* – *bureku*. Из приведенных примеров видно, что простой гласный, противостоящий дифтонгу, не всегда, как можно было ожидать, соответствует первому компоненту дифтонга. Так как в монгольском языке на конце глагольных основ часто имеет место чередование гласных одного класса с другим *burduriku* – *burdureku*, можно предположить, что в народных диалектах представлены варианты упомянутых выше различающихся глагольных основ, больше соответствующие якутским. Если допустить сравнение *чыпчырай* с *cibcir5a*, то мы имели бы случай, когда *й*-дифтонг в ауслауте якутской именной основы соответствовал бы простому гласному в монгольском языке.

Значительно реже обратный случай, когда главным образом простой якутский гласный соответствует *й*-дифтонгу в родственных языках. Несколько примеров: *эм* – *ajtmak* – *ajitma*; *тула* – *dolaj*; *ханха* – *qang5ai*; *үлэ* – *uile*. Сравните также параграф 71, где О. Н. Бётлингк указывал, что в герундии глагольных основ на *э*, *ээ*, *ө*, *өө*, *иэ* и т. п. узкие долгие соответствуют в тобольском диалекте –*aj*: в *уллук* – *ujluq*, в *том* – *tojmaq* – нижегор. *той* и в *атыр* – *aj5yr* (ср. *ajir5a* л и *т*, пожалуй, более первичны, чем *ј*).

В *чабылый* – *sakiliqu*, *кубулуй* – *qubilqu*, *субулуй* – *suburqu* (ср. *suburiqu*) и т.д. более полные якутские формы можно объяснить как усиление [ср. параграф 84]. В монгольском языке также чередуются глагольные основы, оканчивающиеся на консонант, с оканчивающимися на гласный: *kolku* – *koleku* – *көлүй*. В *Дьокуускай* – *Якутск* и в *Уркуускай* – *Иркутск* присоединенный дифтонг облегчает произношение стечения согласных в ауслауте.

Й-дифтонг с узким анлаутом образует производные глаголы от именных основ с консонантным ауслаутом; именные основы, оканчивающиеся на гласный, усиливают в таком случае свой гласный до дифтонга. Это образование О. Н. Бётлингк сравнивал выше, в параграфе 55, с турецко-татарскими деноминативами на *aj*; но может быть они могли бы быть возведены с тем же самым правом и к татарским деноминативам, образованным аффиксом –*иқ*, –*уқ*, –*ик*, –*ик*, –*қ*, –*к*. Сравнивают, например, *аатый* “прославиться” от *аат* “имя” с *атуқтақ* или *атуқтақ*. Отпадение конечного гуттурального представляет собой вполне обычное явление в якутском и турецко-татарском языках: *ури5* – *ehe5* – *ури* – нижегор.

руу – якут. *уруу*; *sary5* – *saru* – нижегор. *саарэ* – якут. *арыы*; *tirik* – *tiri* – нижегор. *төрө*, *cirik* – *cirig* – якут. *сэрии*. Уже выше, в параграфе 96, мы видели, что после такого отпадения предыдущий узкий гласный становится долгим; переход узкого гласного в *й*-дифтонг в оговоренных деноминативах объясняется тем, что в якутском языке глагольные основы никогда не оканчиваются на узкий гласный. Если согласиться с таким сравнением, то *кыры* “кроить, раскраивать” может быть объяснено из *qyrqmaq*. Дифтонг в *mii* – *tikmek* – *timek* нижегор. *мии* можно точно так же возвести к *ik*.

В турецко-татарских языках заключающее слог *к* нередко переходит в *l* объединяется затем с предшествующим гласным в дифтонг. Только осм. *ogretmak* и *ogrenmak*, которые произносятся *oiratmak* и *oiranmak* и пишутся в оренбургском диалекте также – *ojretmek* и *ojrenmek*.

Соответствия долгих гласных и дифтонгов якутского языка сочетаниям гласных с согласными в родственных языках

Yө – Og, oj: *ogretmak* и *ogrenmak*, которые произносятся *oiratmak* и *oiranmak* и пишутся в оренбургском диалекте также – *ojretmek* и *ojrenmek*;

уу – U5, u: *uru5* – *ehe5* – *uru* – нижегор. *руу* – якут. *уруу*, *sary5* – *saru* – нижегор. *саарэ* – якут. *арыы*, *tirik* – *tiri* – нижегор. *төрө*;

ии – Ig: *cirik* – *cirig* – якут. *Сэрии*;

ии – Ik: *mii* – *tikmek* – *timek* нижегор. *мии* можно точно так же возвести к *ik*;

ый – Ik: *bik* – *bi*, оренбург. *kubuk* или *kubi* – нижегор. *көбик* – осм. *gibi*.

Выводы. О. Н. Бётлингк нашел соответствие дифтонга *yө* с сочетанием *og*, *oj* и простому гласному *u*, а также долгого гласного *ии* в конце слова сочетаниям *ik*, *ig* и *ый* сочетанию в *ik*, *uk*, гласному *i* конце слова.

Соответствия й-дифтонгов с кратким анлаутом в якутском языке сочетаниям гласных и согласных в родственных и (монгольских) языков

Ай – aj, эj, ауj, ayi, a, u, aa: *сай* “лето” – *jaj* – нижегор. *jəj*, *хантай* – *qabtayiqi* *харай* – *qaramaq* – *qaraq*, *махтай* – *maqtaq* – *ma5taq*, *тантай* – *dabtaq*, *хантай* – *qanduqi*, *дьасай* – *jasaqi*;

Ой – oj, oi: *ой* “лесок” в нижегор. *oi*, *больой* – *bol5u5uqi*;

Эй – эuj, э, e: *кэлтэй* – *kelteyiki*, *килбэй* – *kulbeku*, *бүтэй* – *buteku*;

Өй – uy: *өй* память – *0j* – *oi* (мысль называется в нижегор. *oi*), *өндөй* – *onduyiku*;

Бй – aj, aj, aai, jii, i, u: *ый* – *aj* – нижегор. *aai*, *тый* – *taj* – нижегор. *taai*, *халый* – *qaliqu*, *таарый* – *ta5ariqu*, *халтарый* – *qaltariqu*, *хамый* – *qamiqu*; *халый* – *qaliqu*, *таарый* – *ta5ariqu*, *халтарый* – *qaltariqu*, *кыры* – *кырый*;

Уй – i, ui, u, uj: *чокуй* – *sokiqu*, *тонгсуй* – *tongsiqu*, *толуй* – *joluumaq* – *joliqu*, *бутуй* – *bujamaq* – нижегор. *боја* – *buduqi*, *холборуи* – *qolburaqi*, *буруй* – *buruqi*, *суруй* – *jiruqi*, *улуй* – *ulamaq* – *ulujmaq* – нижегор. *уула* – *uliqu*, *утуй* – *ujumaq*;

Ий – ik, i: *эдий* – *ejii* и т. д. *кэлгий* – *kelgiku*, *сиксий* – *sigsiku*, *дэлбэрий* – *delbireku*,

Үй – iku, e, i: *төгүрүй* – *tegiremek* – нижегор. *тэгэрэ* – *togeriku*, *бүдүрүй* – *buduriku*, *бүрүй* – *burkemek* – *bureku*.

Выводы. Диапазон соответствия й-дифтонгов с кратким узким и широким гласными в якутском языке с родственными и монгольскими языками очень широк: 1) й-дифтонгам (*oj*, *oi*, *uj*, *эuj*, *уй*, *aai*); 2) обратному й-дифтонгу (*jii*); 3) простым гласным (*э*, *e*, *i*, *u*); 4) Долгим гласным (*aa*, *ui*); 5) сочетанию гласного и согласного *к* (*ik*, *iku*). Это говорит о том, что звук *й* кроме широкой фонематической функции имеет также выполняет разную функциональную и акустическую роль.

Обратные соответствия простых гласных в якутском языке, отмеченные О. Н. Бётлингком, которые в родственных и монгольских языках имеют слова с й-дифтонгами

Э – *aj*, *aji*: *эм – ajtmak – ajitmak*;

А – *aj*, *ai*, *5aj*: *тула – dolaj*, *тал – (?) sajlamaq*, *аҥа – aṅ5ai*, *ханҥа – qanṅ5ai*;

У – *ui*: *үлэ – uile*;

О – *oj*: *том – tojmaq*;

У – *uj*: *улук – ujluq*.

Выводы: й-дифтонги родственных языков соответствуют простым гласным в начале, в середине и в конце слов якутского языка. Что показывает то, что звук **й** в сочетании с гласным в якутском языке не выполнял фонематическую функцию, а играл функциональную роль ослабления рядом стоящего звука. Поэтому он мог опускаться и появляться при необходимости. Заметив это свойство **й** звука О. Н. Бётлингк в якутском и тюркских и монгольских языках выделяет **й**-дифтонги.

Й-дифтонг с долгим анлаутом

О. Н. Бётлингк из восьми й-дифтонгов с долгими гласными в якутском языке нашел слова только с тремя из них: *аай*, *ый* и *ууй*. В словах *саай*, *тый* и *оргууй* не нашел соответствия. Из имеющихся слов только двум якутским й-дифтонгам нашлись соответствующие сочетания гласных и согласных в родственных тюркских и (монгольских) языках:

Аай – *aaḡ*, *aaḡu*, *i*, *a5a*, *ajan*, *aj*: *daaḡu* или *daaḡ*, *baai*- *baaḡ* нижегор. *baai* – *baḡan*;

Ууй – *u*, *ui*, *u5*: *сууй – jumaq*- нижегор. *juu*. Можно сделать следующий **вывод:** й-дифтонги с широким долгим гласным в конце слова в якутском языке образуются двумя путями: во-первых, от й-дифтонгов с широким гласным; во-вторых, от сочетаний звуков: *i*, *a5a*, *ajan*, *aj* с добавлением **й** в конце слова.

й-дифтонги с узким долгим гласным в конце слова в якутском языке образуются следующими путем: от сочетаний *u*, *ui*, *u5* звуков с **й** звука в конце слова. Факультативное добавление **й** в конце слова, видимо, связано с какой-то морфолого-акустической особенностью слов с й-дифтонгами якутского языка.

Трифтонги

В якутском языке О. Н. Бётлингк нашел следующие глагольные основы с трифтонгами: *изй*, *уой*, *кыай*, *туой*, *туой*, *тиэй*, *буой*, *куой*, *хотуой*. В родственных языках из них нашлись соответствия у *туой* – *toi*, *туой* – *duu*, *тиэй* – *tijamak* – нижегор. *тийэй* и *буой* – *bo5uqi*.

Анализ соответствия трифтонгов якутского языка в родственных языках показывает то, что якутскому трифтонгу в конце слова соответствуют сочетаниям *oi*, *ija*, *iji*, *ija*, *j5u*, *uu*, *uii5* в других языках, а в якутском языке – трем сочетаниям *уой*, *изй*, *ый*.

Нам кажется объяснение *i* из к. О. Н. Бётлингк на основе семантического соответствия двух равнозначных именных основ *хатыай* – *хатыак* и *хотуой* и *хотуок*, а также сказанного в параграфе 118 о конечном гуттурале, выводящего именные основы *uri5* – *уруу*, *sary5* – *ары* не соответствует действительности.

Сингармонизм дифтонгов

О. Н. Бётлингк о сингармонизме дифтонгов, ди-дифтонгов и трифтонгов в якутском языке пишет: “Примечательно к гармонии гласных у ди- или трифтонгов принимается во внимание всегда только первый гласный”.

В 34 параграфе О. Н. Бётлингк говорил, что в дифтонгах *из*, *уо* и *үө* превалирует последний гласный; но несмотря на это мы видим, что после *уо* и *үө* следуют не *о* и *ө*, как следовало бы ожидать, а *а* и *э*: *уота*, *уола*, *үөрэн*, *үөрэх* и т. д. Если высказанное выше наше предположение, что каждое *о* и *ө*, выступающее в не первом слоге слова, могло бы быть объяснено из ассимиляции *а* и *э*, оказалось бы верным, тогда непоследовательность

гласных *yo* – *a* и *yø* – *э* представило бы в отношении гармонии гласных более древнее состояние языка, где ассимиляция последующих гласных еще не произошла”. [2, с. 136].

Экспериментальное изучение дифтонгов якутского языка, проведенное Н. Д. Дьячковским показало, что их вторые компоненты дифтонгов состоят из нескольких элементов и преобладающими в дифтонгах *yo* и *ya* являются “*a*”, а в дифтонгах *ie* и *yø* – “*э*”. Таким образом в словах *yoла* и *yøрэх* не происходит ассимиляция гласных *a* и *э* в *o* и *ø* по закону гармонии гласных. Таким образом, предположение о том, что сингармонизм развивался постепенно с развитием ассимиляции последующих гласных звуков слова предыдущими гласными может быть ошибочным. Так как сингармонизм предполагает в словах вариативность гласных звуков в словах изначально, т. е. если первый мягкий, то второй должен быть мягким (если первый твердый, то второй должен быть твердым). Или если первый широкий, то второй должен быть либо широким, или узким. Или первый губной, то второй должен быть губным или негубным. Таким образом для всех дифтонгов, находящихся первым гласным слога, главным звуком является второй широкий компонент (элемент) дифтонга: для дифтонгов на *ya* – *a*, для дифтонгов на *yo* – *a*. О. Н. Бётлингк неверно составил орфографию дифтонга как *yo*, в действительности орфография в конце дифтонга *yo* должен иметь звук *a*. Таким образом, после *yo* всегда должен следовать *a* или *y*. Примеры: *yoлуй*, *yosкуй*, *yopуйах*, *yoлук*, *yomул*; *yopабай*, *yopчарат*, *yohaх*, *yoлба*, *yoxта*. Орфография дифтонга *yø* также должна была выглядеть как *y+э*. Примеры: *yøрэ*, *yøрэх*, *yøмэх*, *yøһэ*, *yøрбэ*, *yøлэй*; *yøрүйэх*, *yøрүү*, *yøлүн*, *yøттүрэх*, *yøһүр*, *yøмүү*.

Природа сингармонизма основана на вариативности парных гласных звуков языка по ряду образования. Якутский язык в этом отношении очень уникальный и своеобразный. Например, в словах *сырай* и *сирэй*, *хотуур* – *хатыыр*, *хотун* – *хатын*, *солуур* – *салыыр*, *сөрүүн* – *сэриин*, *борук* – *барык*, *баатыр* – *боотур* и др. Гласные *a-o*, *a-э*, *ø-э*, *ы-и*, *ь-у*, *уу-ыы*, *үү-ии*, *aa-oo* вариативные гласные: *силии* – *сэлии*

Сингармонизм гласных происходит по впереди стоящему гласному независимо от вариативности по а-канию или о-канию слова. Главный закон сингармонизм гласных – гармония гласных по ряду их образования, а вариативность по а-канию и о-канию частный закон по отношению к нему.

Закключение

Изучив и анализируя исследование О. Н. Бётлингка о долгих гласных и дифтонгов якутского языка можно сделать следующие выводы:

1. Дифтонги и долгие гласные представляют системную особенность противопоставления гласных фонем по долготе и краткости и качеству долготы. Так им выявлено 8 долгих, 8 кратких и 4 дифтонга и установлено то, что в родственных и монгольских языках данной системы нет.

2. О. Н. Бётлингк выявил факт наличия долгих гласных в финно-угорских языках и других тюркских языках. Установил: соответствие некоторых долгих гласных в якутском и других тюркских языках; соответствие долгого гласного якутского к монофтонгу в других тюркских языках; соответствие монофтонга якутского к долгому гласному в других тюркских языках.

3. О. Н. Бётлингк выявил появление дифтонгов и долгих гласных в самом якутском языке в следующих акустических случаях:

- Интонационным удлинением конечного гласного слова: *барбатаа?* *Бардаа?*
- При выпадении гуттурального согласного: *барыаба* – *барыа*, *көстүөбэ* – *көстүө*

4. О. Н. Бётлингк установил вариацию долгих и кратких гласных в следующих позициях:

– в начальном слоге стяжение дифтонгов и долгих гласных при прибавлении аффиксов с начальными гласными: *уон* – *онус*, *түөрт* – *төрдүс*, *биэс* – *бэһис*; *күөх* – *көбөр*, *суон* – *соноо*, *туол* – *тодор*, *бизэр* – *бэрдэр*;

– в конце глагольных основ появление дифтонга и долгого гласного, которые стягиваются при добавлении залогового аффикса: *тохтоо* – *тохтот*, *төлөө* – *төлөс*, *кэпсиэ* – *кэпсэн*, *талаа* – *талат*, *сөрүө* *сөрөн*.

5. О. Н. Бётлингк установил соответствие долгих гласных якутского языка сочетаниям гласных и согласных родственных и монгольских языков.

6. О. Н. Бётлингк установил соответствие дифтонгов якутского языка сочетаниям гласных и согласных родственных и монгольских языков.

7. О. Н. Бётлингк полагает появление долгих гласных и дифтонгов в якутском языке фонетическим процессом выпадения согласного, стоящего между гласными в родственных и монгольских языках. Тем самым полагает, что процесс развития долгих гласных и дифтонгов, с одной стороны, особым развитием самого якутского языка, с другой стороны, историческим ходом всех тюркских, монгольских, в конечном итоге, алтайских и уральских языков.

8. По материалам и фактам, приведенным О. Н. Бётлингком можно установить следующие основания появления дифтонгов и долгих гласных в якутском языке и в других тюркских языках:

– позиционных сочетаниях гласного и согласных появляется вариация монофтонга и долгого гласного: в нижегородском диалекте татарского языка соответствие долгого гласного *ии*: *иики* “два” и *siikir* “прыгай” якутским формам с кратким гласным и двойным *к*: *икки* и *экириэ*. При сравнении нижегор. *Jiide* с якутским *сэттэ* долгий с простым консонантом противостоит краткому гласному с удвоенным согласным. В самом якутском языке слово *итиннэ* может модифицировать как *ииннэ*, т. е. с долгим *ии*;

– долгие и дифтонги появляются при сложении слов: *эһиш* – *э-сил* “в будущем году”; *өйүүн* – *ө-йүн* “послезавтра”; *бэбэһэ* – *бэ киэсэ* “вчера”; *бөлүүн* – *бө-лүүн* “в прошлую ночь”; *кэтэгэриин* – *кэтэх орун* “задняя кровать”. Из всех долгих гласных, образованных при слиянии двух слов долгота происходит только в одном *өйүүн* – *ой күн* слиянием согласного и гласного: *кү* – *үү*;

– долгие и дифтонги появляются в заимствованиях из других языков: Например: *тунель* – *түнүөл*, *доцент* – *дассыан*, *губернатор* – *кубарнаатар*, а у монголов – *гүбирнатур*” [145].

– О. Н. Бётлингк показал семантическое, грамматическое, эмоционально-экспрессивное проявление долгих и кратких гласных в якутском языке: *уу* “сон” – *утуй* “заснуть”, *утуктаа* “быть в полусне”, *саар* “терять перья” – *сара* “птица, у которого выпали перья”, *аахсы* “расчет, рассчитаться” – *ахсыгар* “каждому”, *оол* “тот” – *ол*, *ону* “того”, *онуоха* “тому” и т. д. Иногда долгота, кажется, семантическое значение: *ыт* “стрелять” *ыыт* “отправлять, отпускать”, *ибир* “мелкий дождь” – *ибиир* “опрыскивать (ртом)”, *баай* “богатый” – *бай* “богатеть”, *сандар* “сияние” – *сандаар* “сиять”.

– О. Н. Бётлингк особо не подмечал, но противопоставлению долгого и краткого гласного и дифтонга может и способствовать в какой-то мере уход от омонимии слов: *көх* “интерес” – *көх* – *күөх* “зеленый”, *көс* “десять верст” – *көс* – *күөс* “варево”, от “трава” – *от* – *уот* “огонь” *отун* “сожги костер”, *ат* “лошадь” – *ат* – *аат* “имя” и т. д.

Вместе с тем все эти способы, формы и виды удлинения гласных фонем, вместе взятые, не могут обеспечить образования всеобщей системы парной гармонии гласных по долготе и краткости. Для того чтобы появилась в языке система выделения гласных по долготе и

краткости, все гласные лексического состава должны тотально образовать систему долгих и кратких гласных. Это явление могло появиться только в том условии, когда язык сингармонической системы мог под влиянием языка флективной (языком слов с ударными гласными) системы слиться в субстратные отношения. Тем самым можно полагать, что предки якутов в древности под влиянием какого-то индоиранского народа, слившись в субстратные отношения, образовали язык, имеющий систему долгих и кратких гласных, который образовал вначале язык с вариативным долгим и кратким гласным (например: *от* – *уот* – *отун*, *көх* – *күөх* – *кобор*, *төрт* – *түөрт* – *төрдүс*, *бэр* – *биэр* – *бэрин* и т. д.), а потом гармоничную систему гласных, различающуюся по долготе и краткости.

Сокращения

Вместо графики О. Н. Бётлингк использована современная якутская графика. В тюркских словах вместо гласных с двумя черточками наверху а – э, о – ө, и – ү, і – и, і – ы; вместо согласных: Ү – Ү.

Литература

1. Убрятова, Е. И. Долгие гласные якутского языка и их происхождение / Е. И. Убрятова // Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 46-54.
2. Бётлингк, О. Н. О языке якутов / Перевод с немецкого Рассадина В. И. – Новосибирск: Наука, 1989. – 640 с.
3. Radloff W. Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen / SPb., 1908. С. 51.
4. Харитонов, Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке / Л. Н. Харитонов. – Москва; Ленинград. 1954. – 312 с.
5. Антонов, Н. К. О якутских односложных именных основах с долгими гласными и дифтонгами Н. К. Антонов // Труды института языка, литературы и истории. Вып. 3 (8). – Якутск, 1961. – 128 с.
6. Дмитриев, Н. К. Долгие гласные в якутском языке / Н. К. Дмитриев // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Вып. 1. Фонетика. – Москва: Изд. АН СССР, 1955. – С. 194.
7. Барашков, П. П. О происхождении якутских долгих гласных и дифтонгов / П. П. Барашков // О. Н. Бётлингк и его труд о языке якутов. – Якутск, 1973. – С. 102-125.
8. Дьячковский, Н. Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. 1. Вокализм / Н. Д. Дьячковский. – Якутск, 1971 – 192 с.

References

1. Ubryatova, E. I. Dolgie glasnye yakutskogo yazyka i ih proiskhozhdenie / E. I. Ubryatova // Izbrannyye trudy. Issledovaniya po tyurkskim yazykam. – Novosibirsk: Nauka, 2011. – S. 46-54.
2. Byotlingk, O. N. O yazyke yakutov / Perevod s nemeckogo Rassadina V.I. – Novosibirsk: Nauka, 1989. – 640 s.
3. Radloff W. Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen/ SPb., 1908. С. 51.
4. Haritonov, L. N. Tipy glagol'noj osnovy v yakutskom yazyke / L. N. Haritonov. – Moskva; Leningrad. 1954. – 312 s.
5. Antonov, N. K. O yakutskih odnoslozhnyh imennyh osnovah s dolgimi glasnymi i diftongami N. K. Antonov // Trudy instituta yazyka, literatury i istorii. Vyp. 3 (8). – YAkutsk, 1961. – 128 s.
6. Dmitriev, N. K. Dolgie glasnye v yakutskom yazyke / N. K. Dmitriev // Issledovaniya po sravnitel'noj grammatike tyurkskih yazykov. Vyp. 1. Fonetika. – Moskva: Izd. AN SSSR, 1955. – S. 194.
7. Barashkov, P. P. O proiskhozhdenii yakutskih dolgih glasnyh i diftongov / P. P. Barashkov // O. N. Byotlingk i ego trud o yazyke yakutov. – YAkutsk, 1973. – S. 102-125.
8. D'yachkovskij, N. D. Zvukovoj stroj yakutskogo yazyka. CH. 1. Vokalizm / N. D. D'yachkovskij. – Yakutsk, 1971 – 192 s.

И. Н. Сорова, К. В. Захарова

Фонетическая характеристика речи первого президента РС (Я) М. Е. Николаева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Политическая лингвистика, изучающая специфику речи политического дискурса, применение речевых и языковых средств в политических процессах, носит направление междисциплинарного характера, которое активно развивается в России на современном этапе развития. И на современном этапе функционирования политической лингвистики одной из важных задач является изучение специфики и системности функционирования средств политической речи, формирующей речевой портрет политика. Речевой портрет политика представляет собой определенную систему содержательных и коммуникативных особенностей, формирующих общественное мнение о политике. Одним из которых являются фонетические особенности, в том числе интонационно-ритмические и артикуляционные, в настоящее время изучение роли фонетической характеристики речи при составлении речевого портрета политика является актуальным. Цель работы заключается в исследовании фонетической характеристики речи первого президента Республики Саха (Якутия) М. Е. Николаева. Материалом исследования послужили выступления и обращения на якутском языке М. Е. Николаева в виде видеоматериалов, извлечённых из официального YouTube канала первого президента Республики Саха (Якутия). Для достижения поставленной цели используются описательный, контекстный, статистический методы, также комплекс экспериментально-лингвистических методов: аудитивный анализ экспериментального материала, анализ интонографического материала с лингвистической интерпретацией результатов исследования. Научная новизна работы заключается в том, что экспериментально-лингвистическим методом анализируются фонетические параметры речи политика, такие как пауза, тональность и интенсивность, составляющие его коммуникативный портрет.

Ключевые слова: речевой портрет, фонетическая характеристика, фонетические параметры, интонация, пауза, длительность, частота основного тона, интенсивность, темпоральность, политическая лингвистика.

I. N. Sorova, K. V. Zakharova

Speech phonetic characteristics of Mikhail Nikolaev's, the first President of the Sakha Republic (Yakutia)

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Political linguistics, which studies the specifics of the political discourse speech, the use of speech and language tools in political processes, has an interdisciplinary direction, which is actively

СОРОВА Ирина Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: isorova@mail.ru

SOROVA Irina Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ЗАХАРОВА Кюннэй Викторовна – магистрант кафедры якутской литературы, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: argkyun@mail.ru

ZAKHAROVA Kyunnej Viktorovna – Master's student, Yakut Literature Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

developing in Russia at the current stage. One of the important tasks at the present stage of the political linguistics functioning is to study the specifics and systematic functioning of the means of political speech that forms the speech portrait of a politician. The speech portrait of a politician is a certain system of content and communicative features that form public opinion about politics. One of which is phonetic features, including intonation-rhythmic and articulation. At present, the study of the role of speech phonetic characteristics in the compilation of a speech portrait of a politician is relevant. The purpose of the work is to study the phonetic characteristics of speaking of Mikhail Nikolaev, the first President of the Sakha Republic (Yakutia). The research material was the speeches and addresses in the Yakut language by Nikolaev in the form of video materials extracted from the official YouTube channel of the first President of the Sakha Republic (Yakutia). In order to achieve this purpose, descriptive, contextual, statistical methods are used, as well as a set of experimental linguistic methods: auditory analysis of experimental material, analysis of intonographic material with linguistic interpretation of research results. The scholarly novelty of the work lies in the fact that the experimental-linguistic method analyzes phonetic parameters of speech policy, such as pause, tone and intensity, which make up its communicative portrait.

Keywords: speech portrait, phonetic characteristics, phonetic parameters, intonation, pause, duration, pitch frequency, intensity, temporality, political linguistics.

Введение

Основы речевого портретирования заложил представитель Московской социалингувистической школы М. В. Панов, создав ряд фонетических портретов деятелей русской культуры XVIII–XX вв. Ученый описал произношение ряда политических деятелей, ученых и писателей. В своей модели фонетического портрета М. В. Панов опирался также на социальные характеристики людей, такие, как принадлежность к определенному социальному слою, наличие в речи диалектных особенностей, возраст, профессию и др. Несмотря на то, что каждый из портретов представлял манеру произношения конкретного человека, он объединял в себе индивидуальные и коллективные свойства, поскольку был отражением речи своей социальной среды (театральной, поэтической, бытовой и т. п.) [1].

Более широкое осмысление портретирования как прием лингвистических исследований получило в работах Т. Г. Винокура, Т. И. Ерофеевой, Е. А. Земской, Т. М. Николаевой, Н. Н. Розановой, М. В. Китайгородской, Л. П. Крысина и др.

Т. П. Тарасенко определяет понятие речевого портрета как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования» [2, с. 8]. Г. Г. Матвеева рассматривает речевой портрет как комплекс намерений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего [3]. И. А. Зюбина определяет речевой портрет как автоматизированное, неосознаваемое речевое поведение индивида, которое связано с реализацией его потребностей здесь и сейчас [3].

Видно, что само понятие понимается лингвистами по-разному, тем не менее, создание речевых портретов как метод описания языковой личности становится все более востребованным и перспективным в современной лингвистике. Так как современные политические лидеры, стремясь добиться успеха у избирателей, нередко используют в своем имидже «речевые маски». Речевое поведение зависит от должности политика, от его социального статуса, от используемых тактик.

При анализе литературы по дисциплинарному феномену «языковая личность» заметно, что схема или моделирование описания речевого портрета разнообразна. Так, в структуре описания речевого портрета Ю. Н. Караулова, например, находится самая известная модель «трехуровневая модель языковой личности»: 1) вербально-семантический уровень; 2) когнитивный уровень; 3) прагматический уровень [4, с. 38-39].

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова выделяют подобные параметры, по которым производится анализ речевого портрета: 1) лексикон языковой личности – уровень, на ко-

тором анализируется запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность; 2) тезаурус – уровень, который репрезентирует языковую картину мира и совершает анализ по использующимся в речи личности разговорным формулам, речевым оборотам, особой лексике; 3) прагматикон – уровень, включающий в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации [5].

Л. В. Постникова на материале речей американских президентов исследует просодию и политический имидж оратора. Как указывает исследователь, впервые в изучении просодии политической речи учитывается целый ряд факторов: тип политического лидера, который рассматривается с точки зрения выражаемого им политического имиджа, степень торжественности ситуации, тип аудитории и канал связи с ней [6]. Л. В. Постникова выдвинула следующую гипотезу: просодия речи является чутким и тонким индикатором риторических приемов воздействия на аудиторию, соответствующих определенной степени официальности и торжественности ситуации общения и образу политического лидера. В частности, это проявляется в усредненных показателях уровней и диапазона частот и интенсивности, конфигурации терминальных тонов, частотности пауз определенной протяженности, средней длительности слога как показателя темпа, соотношения фонации и паузации [6].

Исследование Ю. С. Алышевой посвящено анализу фонетического аспекта речевого портрета В. В. Путина. На материале расшифровок магнитофонных записей публичных выступлений и пресс конференций В. В. Путина в период с 2000 по 2008 гг. (общее время звучания 10 часов) анализируются интонационные параметры речи политика [7]. Исследователь рассматривает просодические характеристики речи политика с учетом их взаимодействия с синтаксической конструкцией, лексическим составом и контекстом.

Фонетический речевой портрет формируется с помощью таких параметров, как пауза, тональность, длительность и интенсивность. Данные показатели позволяют измерить особенности речевых действий человека в той или иной ситуации, смысловую и эмоциональную заданность речи, настроенность на адресата, возможность раскрытия своего психического состояния, а также связь между словами и группами слов. Современная инструментальная фонетика позволяет осветить более тонко и глубоко статус данных параметров фонетического портрета, позволяя проводить эксперименты с более точными данными и результатами.

Речевой портрет политика, с одной стороны, представляет определенную систему содержательных и коммуникативных составляющих, а с другой стороны, настоящий речевой портрет личности нельзя понимать без учета такого речевого портрета, воспринимаемой в общественных мнениях, прессе и у оппозиции. Следовательно, исследование фонетического речевого портрета политика по таким параметрам как интенсивность, тональность, длительность и пауза играет немаловажную роль, так как одновременно является и коммуникативным составляющим, и формирующим общественный портрет политика.

С целью выявить фонетический портрет первого президента РС (Я) М. Е. Николаева проведен комплексный анализ его выступлений и обращений на якутском языке в виде видеоматериалов, извлечённых из официального YouTube канала первого президента Республики Саха (Якутия) за период его управления Республикой Саха (Якутия). Общая длительность используемых видеоматериалов 42,84 мин.

В ходе эксперимента рассмотрены следующие фонетические признаки речи: длительность паузы, показатели частоты основного тона и интенсивности. Первый этап эксперимента – аудитивное исследование речевого материала. На втором этапе над экспери-

ментальным материалом проведен акустический анализ с применением компьютерной программы Speech Analyzer. Следующий этап эксперимента – сопоставление результатов перцептивно-слухового и акустического анализа, где были сделаны выводы об основных особенностях проведенных исследований.

Видеоматериалы проанализированы по видам выступлений: обращение к населению, общение с жителями и интервью для выявления специфики фонетических характеристик речи М. Е. Николаева.

Особенности паузы в речи М. Е. Николаева

Пауза – важный фактор восприятия и понимания речи. В экспериментальной фонетике под паузой понимают перерыв в речи, которому акустически соответствует отсутствие звука, а физиологически – остановка в работе речевых органов [8]. Пауза в речи используется с целью привлечения внимания реципиента. Играет одну из основных ролей на эмоциональность и убедительность речи.

Аудитивный анализ видеоматериалов обращений к населению М. Е. Николаева отражает зависимость паузы от вида выступления. При устной речи паузы чаще встречаются внутри предложений с целью привлечения внимания аудитории при перечислении фактов и подчеркивании важных моментов в речи. А речь с опорным текстом в основном акцентируется на синтаксических паузах. Например, в инаугурационной речи от 21 декабря 1991 года наблюдаются 9 коротких, 6 средних и 4 длинные паузы для выделения слов, несущих основной смысл и поставленных в конце предложений:

<...> || *Саха | Советскай Социалистическай республикатын | Президентин эбээһинэһин | үтүө суобастаахтык толорум* || *Саха АССР конституциятын | уонна сокуоннарын | РСФСР конституциятын | уонна сокуоннарын тутуһум* || *Саха АССР суверинитетын көмүскүүм* || *Киһи | уонна гражданин бырааптарын ытыктыам | уонна арангаччылыам* || *Саха АССР | элбэх национальнаастаах норуотун бырааптарын, интэриэстэрин көмүскүүм | диэн | бэйэм чиеһинэн* || *уонна | үтүө ааппынан андабайабын* || <...>.

Так как данная речь в виде монолога требует от оратора умение устанавливать связь с аудиторией, умеренную эмоциональность, оратор активно использует паузу для влияния на внимательность слушателей.

При встрече с жителями Хангаласского улуса в речи М. Е. Николаева наблюдается 32 коротких, 5 средних и 3 длинных пауз:

<...> *Мин Байбалтан көрдөһүөхпүн баҕарабын. / Улуус / кизэн туттар, / баар-суох дьоннорун мунньар кыахтааххын дуо диэн? / Кэлэр өттүгэр / үлэ-хамнас / улууска / хайдах барыаҕай диэн? / Баһыбыа. / Иккиһинэн туран ити табаарыстарга бэйэбит санаабытын аһаҕастык этэргитигэр эмиз улаханлык ыгырабын. /// Мин аҕыйах боппуруостарга тохтоон, / икки ыйытыгы боппуруостардаахпын. / Бастагынынан, Хансык диэн сир баар, баара. Оннук батта? // Онно ханнык үрэх түһэрий? // Куллаты төрдүгэр / тобурууйан ааһар сир. Уруһуйдаабыт хартыынаатыгар өйдүүргүт буолуо. // 1917 сыллаахха бу сиргэ / 724 хаһаайыстыба баар этэ. / Ол сылга Покровскайга эмиз оччо хаһаайыстыба баара. Түмүгэр Покровскайга 10-ча тыһыынча киһи олорор тобурууйан. Онтон бу нэһилиэк сир буоруттан сүппүтэ. Бу туюх биричинэлээбий? /// Ким этиэй, / ким суруйуой / тобо манньк буолбутун? / Иккис боппуруоһум. 17 сыллаахха / Хангалас улууһа 17 тыһыынча нэһилиэнньэлээх этэ. / Онтон баһыйар үгүстэрэ 99% сахалар этилэр / 17 тыһыынча. Бүгүн 2015 сылга / Хангалас улууһугар 17 тыһыынча саха олорор. Сүүс сүл устата тобо эбиллибэтий? / Туюх мэхэйдиирий? / Ол ким буолуой? / Итини чэ / билигин этэр кыахыт суох буоллабына толкуйдаан. / Тобо манньк быһыы-майгы баарый? Бэрт өр кэмгэ саха тобурууйан олорбут сиригэр / кыайан элбээбэтибитий. / Эһиги улуустан эппит*

дьонгнут ааспыт үйэбэ олорон ааспыт дьоннор. /// Бүгүнгү, / бээһээнги / ити курдук ааттары ааттаабатыгыт. / Бааллар дуу, / суохтар дуу? Ити ааттаабыт дьонгнутугар тэҥнэхэр. // Ити курдук дьонго тэҥнэхэр дьоннор бааллар дуо? / Суох буоллабына, туюх мэхэйдиирий? <...>.

При перцептивно-слуховом анализе видеоматериала общения с жителями наблюдается частое выделение основных тезисов короткими и средними паузами с целью донести суть встречи, вопросов к жителям. М. Е. Николаев как искусный оратор мастерски пользуется инструментом паузы для того, чтобы управлять вниманием слушателей и одновременно слышать их.

В интервью на региональном телевидении с общей длительностью звучания образца с длительностью 57,8 с. отмечены 10 коротких, 22 средних и 2 длинных пауз:

<...> Бу күннэргэ / мин элбэх // сиргэ сылдьан /// куораттарынан, // улуустарынан // дьоммун-сэргэбин кытта көрсөн баран, // дьөссө биирдэ // итэбэйэбин // биһиги норуот-пут // ханнык бабарар ыарахаттары // эйэлээхтик олордобуна // кини бэйэтин // мындыр өйүнэн, // холкутунан, // кизг көхсүнэн // туюх баар ыарахаттары / чакчы тулуйан туоруур кыахтаабын. /// Итини туоһулуур / биһиги экономикабыт сайдыыта // биһиги промыш-леннос-пыт // сылтан сыл аайы // улахан // элбэх объёмнаах / табаары онгортон / граница тас өттүгэр тиийэ / атыылаан / элбэх дохуоту киллэрэн, // нолуогу төлөөн // биһиги бюд-жетнай / тэрилтэлэрбит // хамнастарын / бириэмэтигэр ылар буолууларын / хааччыйы / кэрэтик туоһулуур. // <...>.

Несмотря на то, что интервью взято в неофициальной обстановке – на улице и у гово-рящего нет письменной опоры у М. Е. Николаева, наблюдаются точно выверенные паузы, что свидетельствует об его мастерстве речи.

Электронно-акустическое исследование материалов речи политика по видам выступле-ний устанавливает длительность типов пауз:

- В обращениях к населению отмечаются в основном следующие виды пауз:

Таблица 1

Длительность пауз в обращениях к населению М. Е. Николаева

Тип паузы	Длительность (мс)
Краткая (I)	0,3-0,5
Средняя (II)	0,6-0,8
Длительная (III)	1-1,1

Короткие паузы с длительностью 0,3-0,5 мс для выделения слов, несущих основной смысл, средние по длительности паузы – 0,6-0,8 мс в предложениях для перечислений и подчеркивании особо важных слов, а также длинные паузы, равные 1 мс., поставленные преимущественно между предложениями в середине речи, показывают выверенность, тем-поральность и стабильность речи политика.

- В общении с жителями наблюдаются в основном следующие виды пауз:

Таблица 2

Длительность пауз в общении с жителями М. Е. Николаева

Тип паузы	Длительность (мс)
Краткая (I)	0,3-0,5
Средняя (II)	0,8-1,5
Длительная (III)	1,8-3,5

Как отмечалось на первом этапе исследования пауз в речи М. Е. Николаева, общение с жителями отличается эмоциональностью. Данный факт подтверждается и на втором этапе эксперимента. Так, длительность средних и длительных пауз больше на 0,2-0,8 мс, чем при обращении к населению.

- В интервью выделяются в основном следующие виды пауз:

Таблица 3

Длительность пауз в интервью М. Е. Николаева

Тип паузы	Длительность (мс)
Краткая (I)	0,2-0,4
Средняя (II)	0,5-0,8
Длительная (III)	0,9-1

В интервью в основном доминируют средние паузы. Данные паузы вместе с короткими чаще встречаются между однородными членами предложений и словами, объединенными обстоятельственной связью. А длинные паузы употребляются между предложениями.

Таким образом, при аудитивном анализе материалов выделяются стабильность и сравнительно однообразный темп речи оратора в обращениях к населению и интервью. При общении с населением наблюдается эмоциональность за счет частых пауз и выделения основных слов. При этом также крайне важен формат выступления (с опорным текстом или устно). Данный факт играет большую роль на паузацию – связь со слушателями. На втором этапе эксперимента упорядоченный ритмический интонационный рисунок речи дополнил и подтвердил данные аудитивного анализа. Так, более эмоционально-экспрессивные, длинные паузы встречаются во время общения с населением.

Типичные средние значения частоты основного тона в речи М. Е. Николаева

Слушающий воспринимает повышение частоты основного тона (ЧОТ) как повышение тона. Тонем выступающий может выделить слова, несущие основную мысль, чтобы привлечь внимание слушающего. Так, данный инструмент позволяет управлять заинтересованностью и вниманием реципиента. Единица измерения частоты основного тона – герц (Гц). Интервалы движения частоты основного тона устанавливаются по указателю интервалов, составленному И. Е. Алексеевым [9].

При детальном рассмотрении интонационных графиков, позволяющих наблюдать за изменениями движений тона в инаугурационной речи, реализуется смысловое выделение слов. Данная особенность позволяет М. Е. Николаеву подчеркнуть наиболее важные слова, несущие основную смысловую нагрузку. Так, по видам выступлений прослеживаются следующие особенности:

- Обращение к населению. Например, в интонограмме инаугурационной речи М. Е. Николаева (рис. 1) максимальная и минимальная показатели тональности в рассмотренной речи соответствуют 223 Гц и 43 Гц, и интервал движения частоты основного тона равен ч. 12:

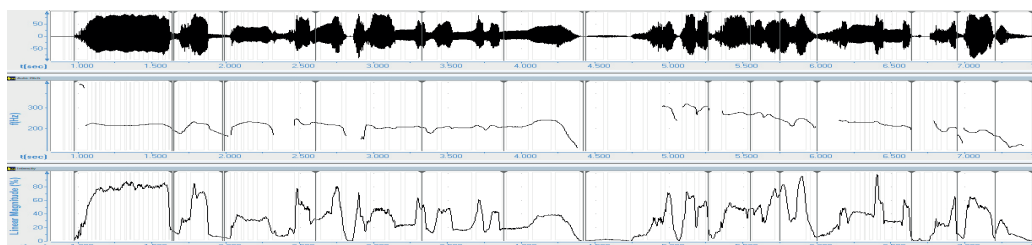

Рис. 1. Интонограмма инаугурационной речи М. Е. Николаева

Максимальный показатель частоты основного тона прослеживается в словах с важным значением в данном контексте (табл. 4). Так, слово *саха* в инаугурационной речи произнесено четыре раза и каждый раз выделено особо высокой частотой основного тона – 151 Гц, 140 Гц, 140 Гц и 134 Гц. Данной спецификой политик выделяет уважение и почтение к родной республике, избравшей его своим первым президентом.

Таблица 4

Слова с максимальным показателем частоты основного тона в интонограмме инаугурационной речи М. Е. Николаева

Слово	Показатель частоты основного тона (Гц)
<i>саха</i>	151 Гц, 140 Гц, 140 Гц и 134 Гц
<i>киһи</i> ‘человек’	223 Гц
<i>бырааптарың</i> ‘права’	143 Гц
<i>утуө</i> ‘добрый (совесть)’	150 Гц

Также максимальный показатель характеристики тона зафиксирован в словах *киһи* ‘человек’ – 223 Гц, *бырааптарың* ‘права’ – 143 Гц, *утуө* ‘добрый (совесть)’ – 150 Гц, характеризующих основную смысловую нагрузку инаугурационной речи. Так, в свойственной для речи М. Е. Николаева картине изменения частоты основного тона отмечаются умеренная экспрессивность мелодики речи и средний мелодический диапазон при интонировании.

Так как инаугурация представляет собой более сжатое в формах и требованиях выступление, речь более однообразная (Гц), с акцентом на важные слова. В менее регламентированных выступлениях перед публикой у М. Е. Николаева прослеживаются более эмоциональные выступления. Так, в интонограмме фрагмента с выступления первого президента на встрече якутской интеллигенции максимальная и минимальная показатели тональности соответствуют 459 Гц и 41 Гц (рис. 2), что равно ув.13. Речь в данном случае представляет собой сильное выступление с целью донести до своего народа суть, о чем и свидетельствуют колебания в речи.

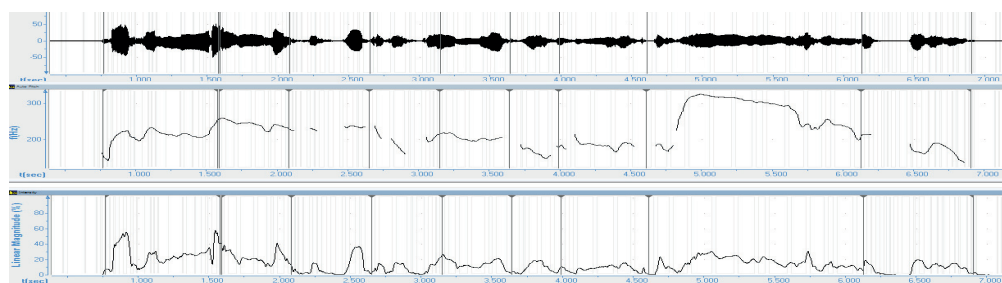

Рис. 2. Интонограмма выступления М. Е. Николаева на встрече якутской интеллигенции

Максимальный показатель частоты основного тона прослеживается в словах с важным значением в данном контексте (табл. 5). Так, максимальный показатель характеристики тона зафиксирован в глаголах *киирэр* ‘входит’ – 459 Гц, *көрө иликпин* ‘еще не видел’ – 374 Гц, союза *итиэннэ* ‘также’ – 250 Гц, местоимении *бу* ‘широкий’ – 255 Гц, числительного *сүүрбэхис* (үйэ) ‘двадцатый (век)’ – 286 Гц и прилагательного *киэн* ‘широкий’ – 244 Гц, характеризующих основную смысловую нагрузку выступления. А также М. Е. Николаев выделяет слово, представляющее тему его речи – *сомоболоһуу* ‘сплочение’ (370 Гц).

Таблица 5

Слова с максимальным показателем частоты основного тона в интонограмме выступления М. Е. Николаева на встрече якутской интеллигенции

Слово	Показатель частоты основного тона (Гц)
киирэр 'входит'	459 Гц
сомоболоһуу 'сплочение'	370 Гц
көрө иликтин 'еще не видел'	374 Гц
сүүрбэһис (үйэ) 'двадцатый (век)'	286 Гц
киэн 'широкий'	244 Гц
итиэннэ 'также'	250 Гц
бу 'широкий'	255 Гц

Так, в свойственной для выступлений перед публикой М. Е. Николаева картине изменения частоты основного тона отмечаются умеренная экспрессивность мелодики речи и средний мелодический диапазон при интонировании. Максимальный показатель характеристик тона зафиксирован в словах с важным значением.

• Общение с жителями. Например, в фрагменте встречи М. Е. Николаева с жителями Хангаласского улуса максимальная и минимальная показатели тональности равны 136 Гц и 44 Гц (рис. 3), что соответствует интервалу движения частоты основного тона б.9.

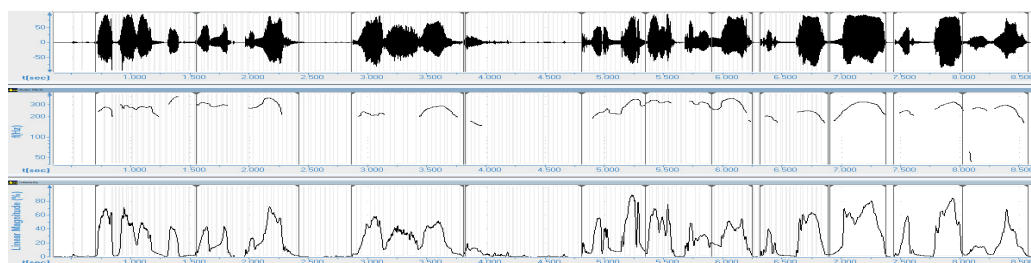

Рис. 3. Интонограмма речи М.Е. Николаева на встрече с жителями Хангаласского улуса

Показатели частоты основного тона преимущественно однообразны. Данный факт обусловлен тем, что речь подобна обычному разговору – спонтанная и в свободной форме без какой-либо цели привлечь внимание реципиента.

В других фрагментах общения с населением прослеживается зависимость от формы выступления. Например, во время общения с жителями Чинке Вилуйского улуса М. Е. Николаев стоит на сцене, и чтобы привлечь внимание аудитории, говорит выразительно и громко, не торопясь. В данном фрагменте максимальная и минимальная показатели тональности равны 423 Гц и 47 Гц (рис. 4), что соответственно показывает больший интервал движения частоты основного тона – ув.13.

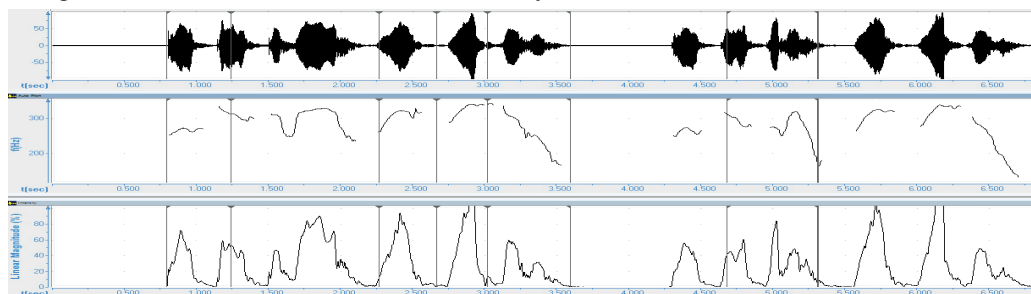

Рис. 4. Интонограмма речи М.Е. Николаева на встрече с жителями с. Чинке Вилуйского улуса

Максимальный показатель частоты основного тона прослеживается в словах с важным значением в данном контексте (табл. 6). Так, максимальный показатель характеристики тона зафиксирован в глаголах *ылбыппыт* ‘взяли’ – 420 Гц, *этэбин* ‘говорю’ – 381 Гц, *сайыннардыбыт* ‘развили’ – 374 Гц, наречиях *таһыччы* ‘совершенно’ – 420 Гц, *дьөссө* ‘еще’ – 407 Гц, играющих основную роль в характеристике основной смысловой нагрузки выступления.

Таблица 6

Слова с максимальным показателем частоты основного тона в интонограмме встречи с жителями с. Чинеке Вилуйского улуса

Слово	Показатель частоты основного тона (Гц)
<i>таһыччы</i> ‘совершенно’	420 Гц
<i>дьөссө</i> ‘еще’	407 Гц
<i>ылбыппыт</i> ‘взяли’	423 Гц
<i>этэбин</i> ‘говорю’	381 Гц
<i>сайыннардыбыт</i> ‘развили’	374 Гц

• Интервью. Прослеживаются стабильность и сравнительно однообразный темп речи говорящего. Например, в одном из интервью М. Е. Николаева максимальная и минимальная показатели тональности соответствуют 143 Гц и 95 Гц (рис. 5), что равно ч.5. Данные показатели дают нам информацию о устойчивом и относительно монотонном темпе речи говорящего.

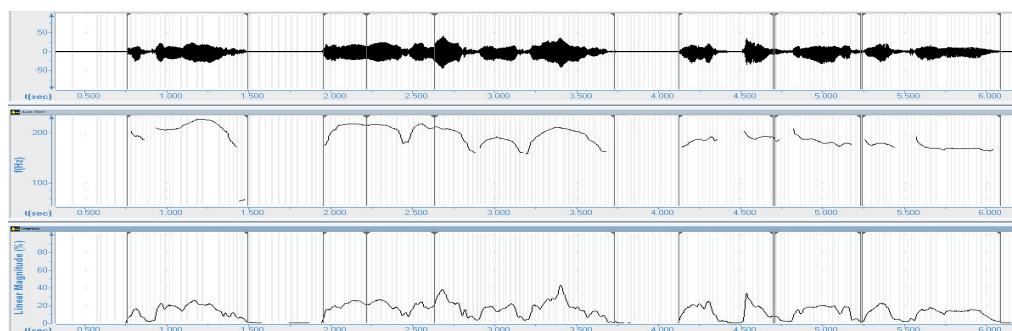

Рис. 5. Интонограмма интервью М.Е. Николаева

Максимальные показатели часто основного тона одновременно прослеживаются в словах с важным значением в контексте интервью. Например, максимальное значение частоты основного тона отмечено в словосочетании *хамнастарын биризмэтигэр ылар* ‘вовремя получили зарплату’ – 136-143 Гц. В интервью президент дает о решении острых проблем Республики Саха (Якутия). Выделение М. Е. Николаевым проблемы зарплаты сравнительно высоким тоном в данном интервью привлекает внимание слушателей и дает им нужную информацию. Таким образом, фонетическая особенность выступления М. Е. Николаева показывает его как оратора со спокойной, уравновешенной, владеющей аудиторией речью. Подчеркивание при озвучивании главных проблем жителей республики выделяет уважение и почтение политика к жителям родной республики, избравшим его своим первым президентом.

Данная особенность также наблюдается и на других интервью М. Е. Николаева. Например, в интервью от 20 июня 2020 года НВК «САХА» [64] максимальная и минимальная показатели тональности равны 157 Гц и 82 Гц (рис. 6), и интервал движения частоты основного тона – 6.7.

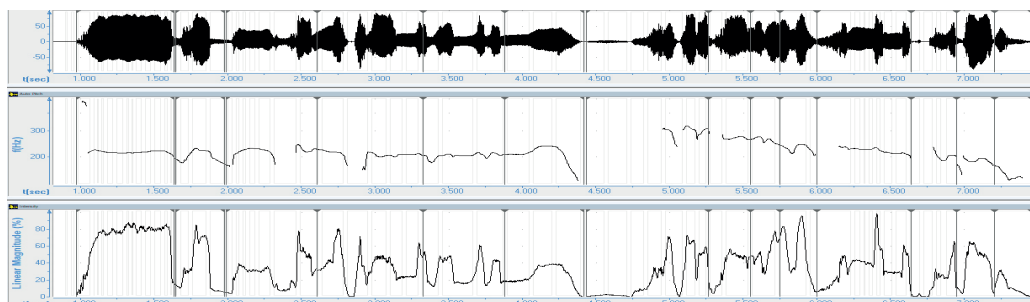

Рис. 6. Интонограмма интервью М.Е. Николаева НВК «Саха»

В целом по интонограмме можно заметить стабильность и монотонность в речи интервьюируемого. Максимальные показатели частоты основного тона одновременно прослеживаются в словах с важным значением в контексте интервью. Например, максимальное значение частоты основного тона отмечено в словосочетании *утарыыта суох* ‘без возражений’ – 157 Гц. В интервью первый Президент рассказывает о поправках в Конституцию страны. Его взгляд на данный вопрос полностью отражается в фонетических характеристиках фрагмента. Максимальный показатель частоты основного тона показывает собственный взгляд оратора.

Так, особенность частоты основного тона в интервью М. Е. Николаева показывает его как оратора со спокойной, уравновешенной, владеющей аудиторией речью. Подчеркивание главных проблем жителей республики выделяет уважение и почтение политика к жителям.

Интенсивность в речи М. Е. Николаева

Интенсивность характеризует силу голоса оратора. Сила голоса помогает выразить говорящему свое эмоциональное состояние (радость, волнение, горе и т.д.). Измеряется в %.

С целью выявления особенностей интенсивности в речи М. Е. Николаева проделан анализ данного показателя в интонограммах:

- Обращение к населению. Например, в обращении к жителям Таттинского улуса в ходе деловой поездки диапазон интенсивности варьируется от 0% до 140%. Средний диапазон интенсивности около 10% – 70% (рис. 7).

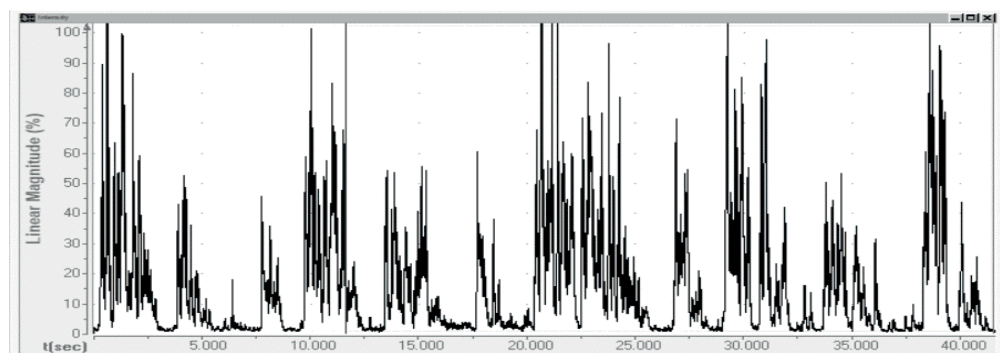

Рис. 7. Акустический вид интенсивности в обращении М.Е. Николаева к жителям Таттинского улуса

В интонограмме прослеживается одновременное увеличение уровня интенсивности с изменением частоты основного тона (рис. 8). Так максимальный показатель интенсивности, как и значение частоты основного тона, наблюдается в словах с основополагающим

значением: *хойукка* (*дылы*) ‘до поздна’ – 106%, 150 Гц; *бэйэбитин* ‘себя’ – 94%, 150 Гц; *онтуйбут* ‘это’ – 140%, 138 Гц; *инерциятынан* ‘по инерции’ – 123%, 163 Гц; *нэһишлэ* ‘едва’ – 93%, 178 Гц; *бэйэтэ* (*оҕо*) ‘сам (ребенок)’ – 100%, 174 Гц; *эрэйдэнэр* ‘мучается’ – 89%, 164 Гц.

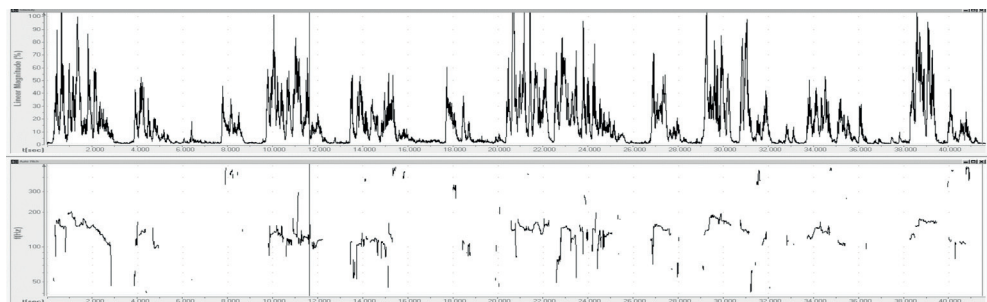

Рис. 8. Показатели интенсивности и частоты основного тона в обращении М. Е. Николаева к жителям Таттинского улуса

В более регламентированных официальных выступлениях наблюдаются стабильность и удержание силы голоса на одном уровне без резких скачков голоса. Например, в инаугурационной речи М. Е. Николаева от 21 декабря 1991 г. прослеживается диапазон интенсивности от 0% до 24%. Средний диапазон интенсивности около 3%–20% (рис. 9).

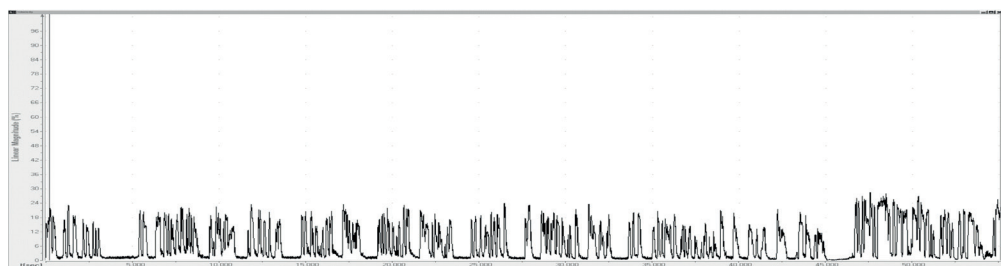

Рис. 9. Акустический вид интенсивности в инаугурационной речи М.Е. Николаева

• Общение с населением. Например, во время встречи с жителями Хангаласского улуса диапазон интенсивности голоса М. Е. Николаева варьируется от 0% до 100%. Средний диапазон интенсивности – около 3%–70% (рис. 10).

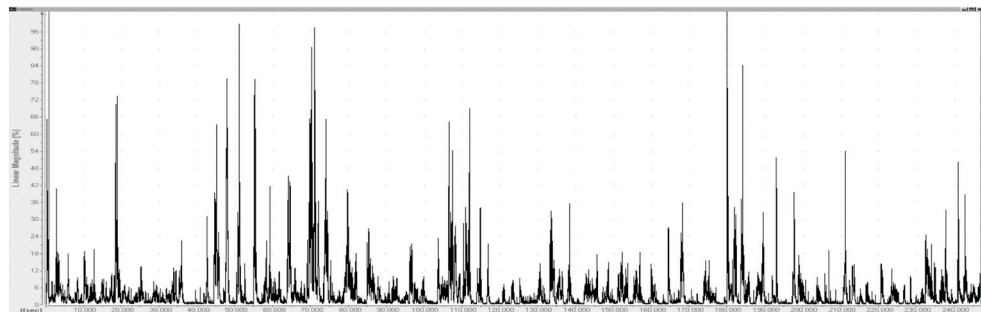

Рис. 10. Акустический вид интенсивности встречи М.Е. Николаева с жителями Хангаласского улуса

В интонограмме также отмечают максимальные показатели интенсивности, как и значение частоты основного тона, в словах с важным значением: *ыгырабын* ‘призываю’ – 50%, 110 Гц; *Куллаты* – 70%, 130 Гц (рис. 11).

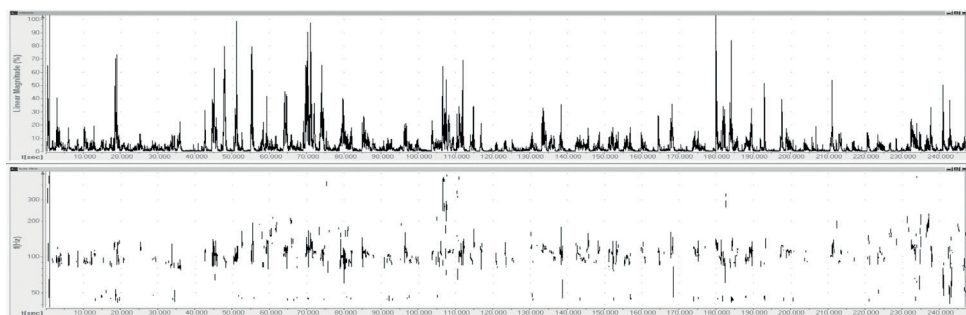

Рис. 11. Показатели интенсивности и частоты основного тона М. Е. Николаева с жителями Хангаласского улуса

• Интервью. Например, в интервью от 20 июня 2020 г. НВК «Саха» интенсивность голоса первого Президента варьируется от 0% до 56%. Средний диапазон интенсивности – около 0%–24% (рис. 12).

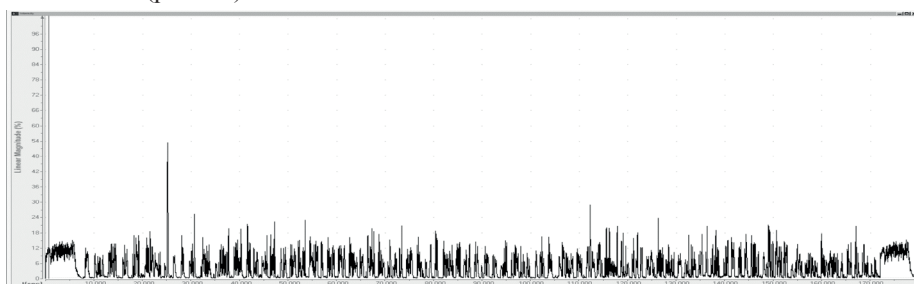

Рис. 12. Акустический вид интенсивности в интервью М.Е. Николаева НВК «Саха»

В интонограмме также наблюдается стабильное увеличение уровня интенсивности с изменением частоты основного тона (рис. 13). Так максимальный показатель интенсивности, как и значение частоты основного тона, выпадает на слова с основополагающим значением: *уочараттаах* 'очередной' – 25%, 108 Гц; *толорор* 'выполняет' – 21%, 125 Гц; *утарыта суох* 'без возражений' – 19%, 157 Гц.

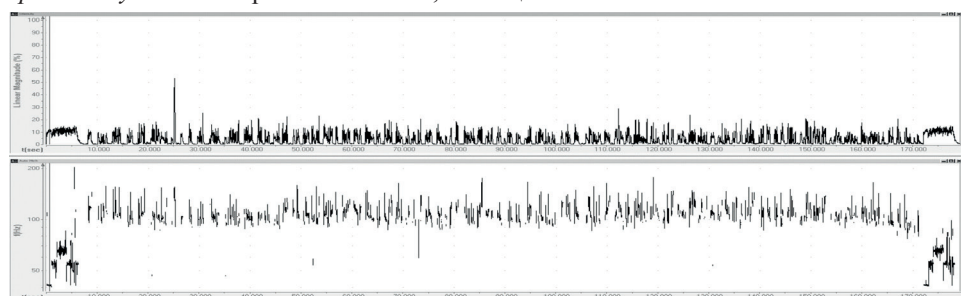

Рис. 13. Показатели интенсивности и частоты основного тона в интервью М.Е. Николаева НВК «Саха»

Таким образом, диапазон интенсивности в среднем при обращении к публике составляет от 5% до 50%, при общении с населением – от 3% до 60%, при интервью – от 0% до 20%. В целом по интонограммам можно заметить стабильность и умеренность в речи интервьюируемого. Также прослеживается одновременное увеличение уровня интенсивности с изменением частоты основного тона.

Заключение

В результате исследования фонетических характеристик в речи первого президента Республики Саха (Якутия) М. Е. Николаева приходим к следующим выводам:

1. Речевой портрет политика, с одной стороны, представляет определенную систему содержательных и коммуникативных составляющих, а с другой стороны, настоящий речевой портрет личности нельзя понимать без учета такого речевого портрета, воспринимаемого в общественных мнениях, прессе и у оппозиции. Следовательно, исследование фонетического речевого портрета политика по таким параметрам, как интенсивность, тональность, длительность и пауза, играет немаловажную роль, так как одновременно является и коммуникативным составляющим, и формирующим общественное мнение о политике.

2. В результате аудитивного анализа материалов выделяются стабильность и сравнительно однообразный темп речи оратора в обращениях к населению и интервью. При общении с населением наблюдается эмоциональность за счет частых пауз и выделения основных слов. Также крайне важен формат выступления (с опорным текстом или устно). Данный факт играет большую роль на паузацию – связь со слушателями. На втором этапе эксперимента упорядоченный ритмический интонационный рисунок речи дополнил и подтвердил данные аудитивного анализа. Так, более эмоционально-экспрессивные, длинные паузы встречаются во время общения с населением.

3. Особенности частоты основного тона в зависимости от выступлений М. Е. Николаева складываются следующим образом:

- В картине изменения частоты основного тона выступления перед публикой М. Е. Николаева отмечаются умеренная экспрессивность мелодики речи и средний мелодический диапазон при интонировании. Максимальный показатель характеристик тона зафиксирован в словах с важным значением.

- В свойственной для общения с населением частоты основного тона М. Е. Николаева прослеживается зависимость от формы выступления. При близких расстояниях между реципиентом и оратором говорящий может позволить себе говорить спокойно, без эмоциональных перенапряжений. А в общении, где президент стоит на дальнем расстоянии от слушателей, например, на сцене, первый президент как искусный оратор использует методы выразительности речи, то есть речь становится более эмоциональным и живым, свойственным для выступлений перед публикой, что свидетельствуют большие интервалы движения частоты основного тона. Также увеличение показателей тональности отмечено в словах с важным значением.

- Умеренные данные частоты основного тона в интервью М. Е. Николаева показывает его как оратора со спокойной, уравновешенной, владеющей аудиторией речью. Подчеркивание главных проблем жителей республики выделяется высокими показателями частоты основного тона, и это свидетельствует уважение и почтение политика к жителям.

4. Диапазон интенсивности в среднем при обращении к публике составляет от 5% до 50%, при общении с населением – от 3% до 60%, при интервью – от 0% до 20%. В целом по интонограммам можно заметить стабильность и умеренность в речи интервьюируемого. Также прослеживается одновременное увеличение уровня интенсивности с изменением частоты основного тона. Так, максимальный показатель интенсивности, как и значение частоты основного тона, наблюдается в словах с основополагающим значением. Интенсивность в речи М. Е. Николаева зависит от формы регламентированности выступления. Если это официальная речь, то показатель интенсивности показывает стабильность и однообразность, а если неофициальная, более неформальная, то более эмоциональная, с применением всей силы голоса.

Таким образом, фонетические характеристики выступления М. Е. Николаева показывают его как оратора со спокойной, уравновешенной, владеющей аудиторией речью, что доказывает речевой портрет образа политика в литературе. Данные просодические признаки в речи М. Е. Николаева помогают создать имидж политика-защитника родины, патриота. Именно речевые навыки в политике формируют мнение общества о политике через такие общественные средства, как телевидение, дебаты, агитационные ролики и т. д.

Литература

1. Панов, М. В. История русского литературного произношения VIII – XIX вв. / М. В. Панов. – Москва : Наука, 1990. – 453 с.
2. Тарасенко, Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара) : автореферат диссертации кандидата филологических наук. – Краснодар, 2007. – 26 с.
3. Зюбина, И. А. Речевой портрет государственного обвинителя: прагмалингвистический аспект / И. А. Зюбина, Г. Г. Матвеева // Язык и речь в синхронии и диахронии. – Таганрог : Издательство Таганрогского института им. А. П. Чехова, 2014. – С. 271–276 (36).
4. Ван Дейк, Теун, А. Язык. Познание. Коммуникация : Перевод с английского / Составитель В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Москва : Наука, 1995. – 128 с.
6. Постникова, Л. В. Просодия и политический имидж оратора: Автореферат диссертации кандидата филологических наук. – Москва, 2003. – 22 с.
7. Алышева, Ю. С. Речевой портрет В. В. Путина / Ю. С. Алышева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 171–174.
8. Светозарова, Н. Д. Пауза / Н. Д. Светозарова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 369.
9. Алексеев, И. Е. Вопросительное предложение в якутском языке / И. Е. Алексеев. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1982. – 172 с.

References

1. Panov, M. V. Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya VIII – XIX vv. / M. V. Panov. – Moskva : Nauka, 1990. – 453 s.
2. Tarasenko, T. P. YAzykovaya lichnost' starsheklassnika v aspekte ee rechevyh realizacij (na materiale dannyh associativnogo eksperimenta i sociolekta shkol'nikov Krasnodara) : avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk. – Krasnodar, 2007. – 26 s.
3. Zyubina, I. A. Rechevoj portret gosudarstvennogo obvinitelya: pragmalingsvisticheskij aspekt / I. A. Zyubina, G. G. Matveeva // YAzyk i rech' v sinhronii i diahronii. – Taganrog : Izdatel'stvo Taganrogskogo instituta im. A. P. Chekhova, 2014. – S. 271–276 (36).
4. Van Dejk, Teun, A. YAzyk. Poznanie. Kommunikaciya : Perevod s anglijskogo / Sostavitel' V. V. Petrova; Pod red. V. I. Gerasimova; Vstup. st. YU. N. Karaulova i V. V. Petrova. – Moskva : Progress, 1989. – 312 s.
5. Kitajgorodskaya, M. V. Russkij rechevoj portret. Fonohrestomatiya / M. V. Kitajgorodskaya, N. N. Rozanova. – Moskva : Nauka, 1995. – 128 s.
6. . Postnikova, L. V. Prosodiya i politicheskij imidzh oratora: Avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk. – Moskva, 2003. – 22 s.
7. Alysheva, YU. S. Rechevoj portret V. V. Putina / YU. S. Alysheva // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, YAzykoznanie. – 2012. – № 2 (16). – S. 171–174.
8. Svetozarova, N. D. Pauza / N. D. Svetozarova // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. – Moskva : Sovetskaya enciklopediya, 1990. – S. 369.
9. Alekseev, I. E. Voprositel'noe predlozhenie v yakutskom yazyke / I. E. Alekseev. – YAkutsk : YAkutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982. – 172 s.

Л. Е. Манчурина

Саха тылыгар үрдүк истиили бэлиэтиир тыл-өс = Лингвистические средства выражения высокого стиля в якутском языке

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются языковые единицы, передающие высокий стиль в современном якутском языке. В якутском языке о лексических, морфологических, синтаксических средствах высокого стиля писали языковеды Е. И. Убрятова, Н. К. Антонов, П. С. Афанасьев, Н. Д. Дьячковский, П. А. Слепцов, Г. Г. Филиппов, Н. Е. Петров, Н. Н. Ефремов, Т. И. Петрова, Н. Н. Васильева, Г. Г. Торотоев, Л. Е. Манчурина, фольклористы и литературоведы Г. У. Эргис, Г. М. Васильев, П. Н. Дмитриев и другие. Однако специального исследования стилистически отмеченных средств якутского языка, в том числе слов и синтаксических конструкций высокого стиля, еще не проводилось, что и определяет актуальность и новизну данного исследования. Тем самым работа вносит некоторую ясность в определении круга слов высокого стиля в якутском языке. Цель исследования – выявление и классификация средств высокого стиля в якутском языке. Для достижения данной цели с помощью методов сплошной выборки был собран языковой материал с различных словарей якутского языка, для сопоставления был отобран языковой материал с фольклорных, художественных, публицистических произведений; описательный и структурный методы были использованы при классификации и описании результатов исследования. В ходе исследования выявлено, что в современном якутском языке для создания высокого стиля речи используются ресурсы лексики, фразеологии, словообразования, морфологии, синтаксиса, единицы риторического характера. На уровне семантики высокий стиль создается прежде всего соответствующими группами лексики. Торжественный пафос может создаваться также нейтральными лексическими средствами, как, например, историзмы и архаизмы, которые в силу утраты своей семантики могут восприниматься современными носителями языка как нечто необычное и колоритное, характерное только для высокого слога. Высокий стиль во многом создается также средствами якутского фольклорного языка, таких как синтаксический параллелизм, основанный на повторах слов и созвучий, множественные определения, эпитеты, система сравнений, сложно построенные синтаксические конструкции – периоды, предложения-обращения, формульные слова и тирады. В перспективе планируется сравнительно-сопоставительное исследование средств высокого стиля в тюркских языках.

Ключевые слова: якутский язык, высокий стиль, лексика, морфология, синтаксис, риторические единицы, фольклор, олонхо, синтаксический параллелизм.

L. E. Manchurina

Linguistic means of expressing high style in the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article examines the linguistic units that convey a high style in the modern Yakut language. In the Yakut language, the lexical, morphological, syntactic means of the high style have been

МАНЧУРИНА Лидия Егоровна – к. филол. н., доцент, кафедра «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: manchurinale@mail.ru

MANCHURINA Lidiya Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

studied by linguists E. I. Ubryatova, N. K. Antonov, P. S. Afanasyev, N. D. Dyachkovsky, P. A. Sleptsov, G. G. Filippov, N. E. Petrov, N. N. Efremov, T. I. Petrova, N. G. Filippov, N. N. Vasilyeva, G. G. Torotoev, L. E. Manchurina, as well as folklorists and literary critics G. U. Ergis, G. M. Vasiliev, P. N. Dmitriev and others. However, a special study of stylistically marked means of the Yakut language, including words and syntactic constructions of high style has not yet been conducted, which determines the relevance and novelty of this study. Thus, the work brings some clarity to the definition of the circle of high-style words in the Yakut language. The purpose of the study is to identify and classify the means of high style in the Yakut language. To achieve this goal, using continuous sampling methods, linguistic material was collected from various dictionaries of the Yakut language, linguistic material was selected from folklore, artistic, journalistic works; descriptive and structural methods were used in classifying and describing the results of the study. The study revealed that in the modern Yakut language, the resources of vocabulary, phraseology, word formation, morphology, syntax, and rhetorical units are used to create a high style of speech. At the level of semantics, a high style is created primarily by the corresponding groups of vocabulary. Solemn pathos can also be created by neutral lexical means, such as historicisms and archaisms, which, due to the loss of their semantics, can be perceived by modern native speakers as something unusual and colorful, characteristic only of a high syllable. The high style is also largely created by means of the Yakut folklore language, such as syntactic parallelism based on repetitions of words and consonances, multiple definitions, epithets, a system of comparisons, complex syntactic constructions: periods, sentences-addresses, formulaic words and tirades. In the future, a comparative study of the means of high style in the Turkic languages is planned.

Keywords: Yakut language, high style, vocabulary, morphology, syntax, rhetorical units, folklore, olonkho, syntactic parallelism.

Кириитэ

Үрдүк истиил диэн уус-уран айымньыга эбэтэр публицистикалыы истииллээх суруйууга үөрүүнү-көтүүнү, өрөгөйү, өрө күүрүүнү, сүдүнү, улууканнаабы, кизгэтиини көрдөрөр сана-инэ көрүнэ буолар. Үрдүк уонна намыһах истиили утарыта тутуу өссө античной кэмтэн саҕаламмыта. «Риторика Гереннио» диэн биллибэт ааптар айымньытыгар оратор саната үрдүк, орто уонна намыһах диэннэргэ араарыллыбыта биллэр. Бу туһунан салгыы Цицерон [Об ораторе.; Оратор.; О наилучшем роде ораторов], Аристотель [Риторика], Квинтилиан [Двенадцать книг риторических наставлений], Гермоген [Риторика] үлэлэригэр эмиэ көрбүттэрэ.

Арасыйаҕа суругунан, тылынан, прозалан, поэзиянан санаҕа истиилинэн араарыны маннай Лаврентий Зизаний, Мелетий Герасимович Смотрицкай, онтон ордук сиһилии Вологда архиепискоба Макарий («Риторика» – 1617–1619) көрбүттэрэ. Бу кэnnэ үс истиил түөрүйэтэ наука быһыытынан М.В. Ломоносов үлэлэригэр бүтэһиктээхтик оннун булбут. «Предисловие о пользе книг церковных...» диэн үлэтигэр нуучча тылын үрдүк истииллээх лиэкстикэтигэр ханнык тыл киирэрин чопчулаан суруйбут [1]. Билинни нуучча тылыгар үрдүк истиили лиэкстикэ, сомоҕо домох баайа, тылы үөскэтэр ньымалар, морпологиойа, синтаксис баайа, дорҕоону анаан дьүөрэлээн тутуу (фоника баайа), графика көстүүтэ, истиллини фигура арааһа онорор кыахтаабын ыйаллар [2].

Билинни саха тылыгар үрдүк истиили үөскэтэр тыл баайын, лиэкстикэ үс экспрессивнэй истиилгэ (үрдүк-сүрүн-намыһах) наарданарын туһунан Н.К. Антонов, П.С. Афанасьев, Н.Н. Васильева [3; 4; 5; 6], саха тылын сорох эмоциональнай-экспрессивнэй сыһыарыта тыл суолтатын күүһүрдэн, күүркэтэн иһирэхситэр, уруйдуур да суолтаны биэрэллэрин туһунан Дьячковская Н.Д. [7] ырыпыттара. Маны таһынан, үрдүк истиили үөскэтэр тыллар тустарынан Г.Г. Филиппов эмиэ суруйан турар [8]. Манна кини, чуолаан, П.А. Ойуунускай хоһоонноругар болҕомтотун ууар уонна айымньыга дорҕоон дьүөрэлэһиитэ, экспрессивнэй суолталаах тыллары, тыл баайын араас аранатын тутуу үрдүк истиили үөскэтэр ньыма быһыытынан суолталаахтар диир. Маныаха кини биир эбэтэр, майгыннаһар суолта-

лаах синоним тылы, ханыыласпыт (паараласпыт), уонна хоһуласпыт тылы, ону сэргэ биир халыыптаах тылы хат-хат туттууну, дьүһүннүүр уонна тыаһы үтүктэр тылы, сана аллайы-ыны киллэрэр [8].

Саха билинни литературнай тыла үөскээн олохсуйан сайдыытыгар норуот тылынан уус-уран айымньытын, ордук олонхо, тыла-өһө быһаччы сабыдыаллааба дакаастанан турар [9; 10]. Үрдүк истииллээх тыл-өс эмиэ олонхону кытары ситимнээх. Г.У. Эргис олонхону олохсуйбут уобарастаах, тиэмэлээх, сюжеттаах, бэйэтэ туспа истииллээх, композициялаах уонна ойуулуур-дьүһүннүүр ньымалаах үрдүк уус-уран эпическэй айымньы диэн ааттаабыта [11; 193 с.]. Е.И. Убрятова, П.А. Слепцов, Н.Е. Петров олонхо синтаксисын ураты көстүүтэ – кэккэлэтэн этиитэ, араас быһаарыта, эпитета, тэннэбилин тиһигэ, биир халыыптаах этиитин тутула, туһулуута, формула этиилэрэ уо.д.а. өрөгөйү, күүркэтиини бэлиэтииллэрин суруйан тураллар [12; 10; 13]. Ол гынан баран, норуот тылынан уус-уран айымньытын синтаксисын көстүүлэрэ бэрт былыр күннээби кэпсэтиигэ холкутук туттулла сылдыбыттарын Е.И. Убрятова [12; 345 с.], ордук сиһилии П.А. Слепцов [10; 212 с.] тоһоҕолоон суруйбуттара. Ол күн аайы туттуллар былыргы тыл-өс билигин умнуллан, билинни саха тылыгар үрдүгү, эпическэй истиили көрдөрөр сүрүн ураты буола сылдьар.

Чинчийээччилэр төһө да үрдүк истииллээх тыл-өс туһунан суруйдаллар, үрдүк истиил туһунан анаан суруйуу суоҕун кэриэтэ. Онон бу ыстатыйаҕа инники үлэлэргэ уонна бэйэ кэтээн көрүүтүгэр олобуран, саха тылыгар үрдүк истиили бэлиэтиир тыл арааһын наардаан суруйар сорук турар. Ол инниттэн кэтээн, тэннээн көрүү ньымаларынан матырыйаал хомулунна, ырытар, эридьэстиир, структурнай ньымалары туттан үрдүк истиили бэлиэтиир тылы-өһү сааһылаан сиһилии суруйуу оноһулунна.

Лиэкстикэ таһымыгар үрдүк истиили араарыы “тыл туттуллар күүрэнинэн көрөн экспрессивнэй истииллэри” наардааһыны кытта ситимнээх. Ол курдук, саха тылын лексикологиятыгар 1) үрдүк истиил (высокий стиль); 2) мара истиил (низкий стиль); 3) көннөрү истиил (нейтральный стиль) диэн араараллар [4; 97 с.]. Саха тылын аҕа лексиколога П.С. Афанасьев наардырынан, үрдүк истииллээх лексика саха тылын словарнай састаабын стилистическэй кырааскалаах аранатыгар киирэр. “Холобур, *мындаа, түһүлгэ, тусаһа, уруй, тускул, айхал, үтүмэн, анаар, адабый, айахта тут, дьыллэ тэлэй* курдук тыллар үрдүк истиилгэ аналлаахтар” [4; 98-99 с.]. Үрдүк истииллээх тыллар истилистиичэскэй кырааскаларыгар эбии эмоциональнай, ол эбэтэр сангарар киһи сыһыанын көрдөрөр, кырааскалаах буолаллар [4; 99 с.].

“Саха тылын быһаарыылаах тылдытыгар” тылы истиил өттүнэн быһааран биэрбиттэрэ баар. Онон тыл туттуллар эйгэтинэн көрөн наардаммыт бэлиэлэригэр үрдүк истииллээх тылга сыһаннааба маннык: 1) үрдүк истиил тыла; 2) норуот айымньытыгар туттуллар; 3) норуот поэзиятыгар туттуллар; 4) албаан этии; 5) поэтическэй тыл; 6) норуот уус-уран айымньыта; 7) кинигэ тыла [14; 37 с., 81-90 с.]. Онтон Н.Н. Васильева «Лексические синонимы в языке саха» (1996) кинигэтигэр үрдүк истииллээх лиэкстикэбэ уус-уран айымньыга туттуллар “поэтизм”, “фольклоризм” тыллары киллэрэр уонна бу тыллар сүрүн истииллээх синонимнаахтарын ыйар: «поэтизмы и фольклоризмы, большинство которых составляют архаичные слова, приобретают колорит необычности, особой поэтичности, красочности в силу традиционного употребления их только в поэтической речи..., что закрепляет их функционирование только в высоком стиле... и отличает их от нейтральных синонимов: *эбэрдэлээ / айхаллаа, иэстэбил / сэт-сэлээн, күүстээх / дуулаба*» [5; 87 с.]. Маннык үрдүк истииллээх лиэкстикэ чуолаан олонхоҕо, поэзияҕа туттуллан, бу тиэкис стилистическэй уратыта буолар.

Аны туран, тылдыкка анал бэлиэлээх тыллартан ураты саха тылын словарнай састабын атын да аранга тыллара, семантикаларынан үрдүк истиилгэ киирбэтэллэр да, сорох түгэннэ үрдүк күүрээһинэн, өрөгөй-төлөн суолталанан үрдүк истиили бэлиэтиир буолаллар, холобура, эргэрбит тыллар (архаизм, историзм), тылы көспүт суолтаҕа туттуу, харыс тыллар, сана тыл уо.д.а.

Г.Г. Филиппов этэринэн, эргэрбит тылы туттуу урут да, билигин да икки өрүттээх: олоҕу хайдах баарынан ойуулуурга дьулуһуу, реализм, историзм ирдэбилэ уонна истиили онорууга туһата (8; 160 с.). П.С. Афанасьев эргэрбит, сүппүт, тыл “букатын умнуллан хаалар буолбатах, сорох өттүлэрэ туттулуулара эрэ кыарыыр, онон туох эмэ анал туттууга көһөллөр. Ожурдук сүппүт тыллар үрдүк истиил туттууга буолар үгэстээхтэр. Холобур: *анаар (көр), тусаһа (тиэргэн), мындаа (арҕас)*” диэн бэлиэтиир (4; ... с.). Олонхо баайталым, дьохун тылыгар-өһүгэр эргэрбит тыл, тыл ситимэ элбэх (11; 212 с.). Олонхо эргэрбит, сүппүт тылын оччотообу киһи суолтатын өйдүүр, күннэтэ туттар эбит буоллаҕына, билинни киһи умнан эпическэй истиил эрэ тылын курдук ылынан сөп. Онон олонхоҕо туттуллар үгүс эргэрбит тылы бу эрэ истиил ураты бэлиэтин курдук ылынан, үрдүк суолталыыр (10; 212 с.). Мантан сиэттэрэн эпическэй истиилинэн суруллубут билинни уус-уран айымньыга эргэрбит, сүппүт тыл, үрдүк истииллээх тыл атын аранатын кытта сэргэ, улуутутар, киэргэтэр суолталаах үрдүк истиили бэлиэтиэн сөп.

Үрдүк истииллээх лиэкстикэҕэ кэпсэтии сизрин тылын киллэриэххэ сөп. Сахалыы кэпсэтии сизрин анаан чинчийбит В.С. Федорова “В речевом этикете саха существует приветствие высокой тональности *уруй – здравствуй*, употреблявшееся как здравица в честь важного лица или большой группы людей в особо торжественной, праздничной обстановке, нередко имело в постпозиции словой *айхал* или *туску*, превращаясь в сложное слово *уруй-айхал* или *уруй-туску* в значении ‘славься’, приветствую”” диэн суруйар [15; 15 с.]. Маны таһынан сахалар быраһаайдаһар тылларын семантикаларынан көрөн икки бөлөххө наардыыр: судургу быраһаайдаһы уонна кэпсэтэр киһитин хайҕыыр, улуутутар алгыс тыллаах быраһаайдаһы. Быраһаайдаһы иккис көрүнгө норуот тылынан уус-уран айымньытыттан төрүттээх үрдүк истииллээх олук тыл буолар [15; 25-26 с.].

Г.Г. Филиппов “Уран тыл көмүһэ, алтана...” (2008) кинигэтигэр П.А. Ойуунускай хоһооннорун өрө күүрүүлээх истиилин ырытан бара, саха тылын лексическэй баайыттан үрдүк истиили өссө тыл манньк араната онорорун ыйар: экспрессивнэй суолталаах тыллар, биир эбэтэр, майгыннаһар суолталаах синоним тыл, ханыыласпыт уонна хоһуласпыт тыл, дьүһүннүүр уонна тыаһы үтүктэр тыл. Итини сэргэ, П.А. Ойуунускай айымньыларыгар дорҕоон дьүөрэлэһиитэ уонна биир халыыптаах тылы хат-хат туттуу үрдүк истиили үөскэтэр ньыма быһыытынан суолталаахтарын ырытар [8; 91 с.].

Грамматика таһыма

Морфологуяа таһымыгар үрдүк истииллээх тизкиһи тустаах **тылы үөскэтэр сыһыарыы, ньыма, морфологической халыып** биэрэр кыахтаах. Холобура:

-кан, -лаах, -лаахай (улуу+кан, улуу+кан+наах, улуу+кан+наахай тутуу) сыһыарыы саңарар киһи олус сөхпүтүн, өрүкүйбүтүн бэлиэтиир;

– билинни уус-уран литератураҕа эргэрбит -ка (*Кэриэһим – кэннибэр хааларым – кэхтибэт кэрэкэ тылларым! Харака муорака дьалкыыра, харылыы баргыйар балкыыра*) сыһыарыы даҕааһын аакка сыстан, строка сүһүбүн тэнниир, поэзия чараас толбонун киллэрэр [Н.Д. Дьячковская, 7];

-лыыр (*эргэлиир эстээхтиир үйэттэн*) сыһыарыы фольклор айымньытын ураты бэлиэтэ буолан, билинни хоһоон строфатыгар үрдүк поэтической истиили киллэрэр (Г.Г. Торошев);

– ньырамсыгтар суолталаах -тай (*тэбигэн+тэй биэлэрдээх, батыган+тай оѳустаах*) сыһыарыы норуот тылынан уус-уран айымньытыгар киэнник туттуллар (Г.Г. Торотоев);

– тонус-маньжур тылыттан киирбит –каан, -чаан (Ол кыыс туттабаркаан ньуурдааѳа, сиздэрэйкээн сэбэрэлээѳэ дииллэр) таптыры, эйэргири көрдөрөн поэзия хохуйууга буолар;

Бу сыһыарыылары барытын Г.Г. Торотоев хохон тылынан хохуйан этэр сана уратыта диэн ааттаан, норуот тылынан уус-уран айымньытын уонна уус-уран литература стилистическэй бэлиэтэ буоларын ыйар [16; 84-85 с.]

Маны таһынан:

– аат туохтуур+аат тыл халыыбынан тыл олоѳо хохулаһара (*аѳалаатар аѳам, тойонно-отор тойонум, күннээтэр күнүм, ыйдаатар ыйым* курдук тутул) түн былыргы көстүү буолар уонна сүгүрүйэри, ытыктыры, бэл диэтэр, бэрт буолары бэлиэтиир [Н.Е. Петров, 13];

– ситим тылы пааралаан туттуу (*Саха сирэ көмүс уонна алмаас, нефть уонна газ, тутуу маһа уонна күндү түүлээх баайынан аатырар*) [Т.И. Петрова, 17] өрө көтөбүллүү кырааскатын киллэрэн кинигэ тылын истиилин биэрэр;

– соруйар киэбинэн бэриллэр ынырар, үтөнү баѳарар, туругурдар модальнай дэгэт-тээх этии (*Киэн тутун, Саха сирэ!; XXI-с үйэѳэ сайдам санаалаах, саргылаах өйдөөх ычат үксээтин!; Туругурдун Ийэ дойду!*) публицистика истииллээх суруйууга туттуллар [Л.Е. Манчурина, 18];

– фольклортан төрүттээх саҥа аллайыы (*Аарт татай, оѳолоор! Икки даа атахтаах бачча буолуор диэри модун санаата бохтубат, күүстээх өйө күлгэдийбэт буолар эбит*) үрдүк истиил кырааскатын илдэ сылдьар, айымньыны өрө күүрүүлээх, күүстээх иэйиилээх онорор;

– дьөһүллээх ситим (*Төрөөбүт норуотум туһугар* (тэҥн.: *норуоннар*) *тыыммын да биэрэргэ бэлэммин.*) торжественнай дэгэттэнэн кинигэ истиилин бэлиэтин илдэ сылдьар [17].

Синтаксис таһымыгар үрдүк истиили онорор тыл баайа ордук элбэх, онно, бастатан туран, истиилли фигураны ааттыыр оруннаах: инверсия (*Хааллын хаан туһунан тойук, бүттүн өлүү туһунан ырыа*), риторическай ыйытыы этии, күүһүрдүү этиини субуруччу туттуу, үөрэ-дьүөрэ дорѳоонноох эпитет (*Өрөгөйдөөх Өктөөбүр өрөбөлүссүйэтэ Өлбөт төлөн сиэмэни Өрө түллэн ыспыта*), этии аайы тылы хатылаан туттуу (*Москва – ... Киэн Ийэ дойду Киин куората буолар эбит! Москва – ... Хардары-таары устар, Халтархай уулусса буолар эбит! Москва – ... Сытыы өйдөөх чулуулар Сыстыһан үлэлиир сирдэрэ буолар эбит! Москва – ... Оѳолору мунһан оонньотор Уһуордаах сада буолар эбит!*), градация, парцелляция, этиини кэккэлэтэн этии, эллипсис [17].

Үрдүк истииллээх этии тутулугар, үгэс курдук, олонхоѳо туттуллар тэнийбит быһаарылаах туһулуу, туһулуу этии, күүһүрдүү этии, дорѳоон дьүөрэлэһиилээх тэнийбит быһаарыы, кэккэлэтэн этии, период курдук этии араас көстүүтэ киирэр.

Федорова В.С. этэринэн, олонхоѳо тэнийбит туһулуу үксүгэр өрө күүрүүлээх, ытыктыыр сыһыаннаах кимиэхэ эбэтэр туохха эмэ туһаайан этиини тиэрдэр, манна куттал биитэр сүгүрүйүү иэйиитэ көстөр:

– *Өрөгөйдөөх,
Үрүн күнүм анныгар үөскээбит,
Үктэл буорум үрдүгэр төрөөбүт,
Куртах улар
Кутуругун түүтүн курдук
Куударалаах баттахтаах,*

*Эбирдээх идэстээх,
Эдьээн Айыы баай
Хотун эмээхсин ийэлээх,
Тумул арыы тыа
Туллан-быстан түһэн иһэрин курдук
Туорай туһахталаах*

Хотой Айыы баай
Тойон оџонньор аџалаах,
Эрдэџэс улар
Түөһүн курдук

Нуоџалдьын кугас аттаах
Тойон дьаџарыма бухатыыр обургу
Тойон убайым,
Тонг күөнгэр
Дорообото тут!

(Күннүк Уурастырап.»Нуоџалдьын кугас
аттаах тойон Дьаџарыма бухатыыр») [19; 50 с.].

Н.Е. Петров бэлиэтииринэн, туһулуу этии саха тылын синтаксисынын түнҥ былыргы көстүүтүтүнэн биирдэрэ буолар уонна үксүгэр алгыска туттуллар. Туһулуу этии хаста да төхтөрүйэн хатылаан этэр уһун-киэн кэккэлэтиилээх, уустук тэнийбит быһаарылаах, кистэлэн суолталаах аптаах-алыптаах тыллаах, сурукка күүһүрдүү бэлиэлээх буолар: Алаас сыһыы быһаҕаһын саџа / Араџас таала холумтан дьаарбан+наах, / Уоттаах чох тэллэх+тээх, / Сымнаџас сыттык+таах, / Сылаас күл суорџан+наах, / Эскэл тый быарын саџа / Эриэн таас эстэри+лээх, / Хаардаах бугул саџа / Хардан от саһаџа+лаах, / Кытыылыыр сылгы баһын саџа / Кыалыктаах хатат+таах, / Суорба таас хайа саџа / Суостуганнаах суо-хаан / Оһоһхо дугуйдам+мыт, / Аан дайдыны арчыл+ыыр / Аал уотум иччитэ – / Кырыа Бытык, / Кыырык төбө, / Хатан Тэмиэрийэ, / Аан Уххан / Тойон эһэм!. Н.Е. Петров түнҥ былыр олоџурбут, былыргы киһи ытыгылыырын, сүгүрүйэрин бэлиэтиир үрдүк истииллээх алгыс туһулуу этиитэ фольклор истиилин бэлиэтэ буолан, уус-уран литератураџа киэнник туттулла сылдьар диэн суруйар [13; 192-193 с.].

Олонхоџо үрдүк айыыларга, ытык кырдыџаастарга туһаайан санаралларыгар өрүү “тойон”, “хотун” диэн тылы аатыгар эбэн тутталлар, сир-уот иччитин ааттырга үксүгэр тойон эһэм (эһэбит, эһэккээн), хотун эбэм (эбэбит, эбэккэм) диэни эбэллэр.

Олонхо дьоно ийэлэрин-аџаларын күн күбэй ийэм (ийэккээм, ийэккэм, ийэкэйим, ийэлэ-этэр ийэм), аар тойон аџам (аџакаам, аџаккам, аџаккайым, аџалаатар аџам), арыт айбыт аар тойон аџам диэн ынйраллар. [20; 112 с.].

Саха тылын биир саамай баай модальностиах этиитэ – күүһүрдүү этии эмиэ түнҥ былыргы төрүттээџин Н.Е. Петров быһааран турар. Саха фольклорун алгыс, кырыыс, андаџар, тойук, оһуоһай курдук поэтическэй көрүнгэ ураты күүстээх энергетикалаах күүһүрдүү этиинэн баай. Н.Е. Петров этэринэн, былыргы сахалар тыл “өлбүтү тилиннэрэр” абыгар итэџэйэллэрэ тылы аттаран туттар үгэстэригэр көстөр эбит: бастатан туран, үрдүк айыылартан, сирдээџи иччилэртэн көмөнү көрдөһөр-ааттаһар, көрдүүр, соруйар, үтөнү баџарар, алџыыр, туһулуур модальной суолталаах күүһүрдүү этиитэ; иккиһинэн, хатылааһын (тылы хатылаан туттуу – Уруй! Уруй! Уруй!, ритмико-синтаксической параллелизм, туруору уонна сытыары аллитерация, рифма). Бу барыта алгыс күүһүрдүү этиитин уратыта буолар. Билинни саха литературнай тылыгар алгыс күүһүрдүү этиитэ ынйрыы, лозунг, туһаайы тылларыгар, мунһахха, миитингэ дьонго туһулаан этиигэ, бэчээт тылыгар уонна уус-уран литератураџа өрө күүрүүнү, өрөгөйү, киэргэтиини бэлиэтээн киэнник туттуллар [13; 173-174 с.].

Этиини кэккэлэтэн (төхтүрүйэн) этии (синтаксической параллелизм) (грек тылыттан *parallelos* – сэргэ иһэр, идущий рядом) диэн биир эбэтэр майгыннаһар суолталаах биир туттулаах тыл ситимин хаста да төхтөрүйэн этии буолар [17]. Саха тылыгар кэккэлэтии ньымата олонхо туллар туттааџа, тирэнэр тирэџэ буолар уонна фольклортан саџалаан уус-уран айымньыга, публицистика истиилигэр, үрдүк эпическэй истиил бэлиэтэ буолан, киэнник туттуллар. Биир санааны хаста да төхтүрүйэн, биир халыыбынан этии саха тылын ураты айылгытын кэрэһэлиир киэргэлэ буолар. Кэккэлэтэн этии олонхо ритмин, рифматын

(М.Н. Дьячковская этэринэн, фономорфологической рифма), сүһүбүн тэнниир саха хоһоонунан айымньытын биир ураты ньымата. Бу ньыма халбаннаабакка тутуһар ураты сокуоннаах: 1) доржооно дьүөрэлэхэр: *Үөһэттэн үргүөрү үргүтүмэ, / аллараттан аргылары аргытыма*; 2) тылын, сүһүбүн ахсаана үксүгэр тэнг: *Ааспыты аһат, / тонмуту ириэр* (2-лии тыл 5-тии сүһүөх); 3) биир грамматической халыыптаах: *Уолан баранар уулаах, / охтон баранар мастаах, / кэлэн кэхтэр киһилээх, / үөскээн өлөр сүөһүлээх, / уостан бүтэр уйгулаах / орто туруу дойду* [17].

Фольклортан силис тардар суруйааччылар айымньыларыгар кэккэлэтэн этии кизэник туттулар. Е.И. Убрятова суруйарынан, кэккэлэтэн этии А.Е. Кулаковской хоһоонунан айымньыларын этиитин сүрүн уратыта буолар. Ол гынан баран билинни уус-уран литератураҕа кэккэлэтэн этиини сүннүүнэн өрө күүрүүлээх, кизгэтиилээх тижкини суруйаары гыннахтарына киллэрэллэр [21; 566 с.].

Олонхоҕо биир ис хоһоонноох өйдөбүл 2, 3, 5, 7, 9 төгүл хатыланан кэккэлэхэн, биир уустаах чилиэннээх судургу эбэтэр холбуу этии буолар уонна *период* диэн ааттанар: *Кинилэр диэтэх дьон / Өстөөхтөрүн өрөгөйдөөтүнэр, / Саастаахтарын дьаныйдынар, / Охтоохтон охтубатынар, / Саалаахтан самныбатынар*. Л.Е. Манчурина период бу холобурун манньк быһаарар: “Данная периодичная конструкция представляет собой простое предложение разделенное на две части: протазис это подлежащее, выраженное местоимением 3 л., мн. ч. *кинилэр* с частицей *диэтэх*, имеющее пафосно-возвышенное значение (күүркэтэр, дарбатар) + имя существительное *дьон* ‘Они – защитники-богатыри’; аподозис это четырехчленный параллелизм глагольных сказуемых, выраженных повелительным наклонением 3 л., мн.ч. (*өрөгөйдөөтүнэр, дьаныйдынар* ‘пусть победят, сокрушат’, *охтубатынар, самныбатынар*, ‘пусть не упадут, не погибнут’) со своим дополнением в винительном и творительном падежах (*өстөөхтөрүн, саастаахтарын* ‘врагов своих, неприятелей своих’, *охтоохтон, саалаахтан* ‘от имеющего лук, от имеющего ружье’). В данном примере пожелание удачи в бою представлен классическим для алгыс формулой параллелизма глагольных сказуемых, имеющих общую семантику ‘победите врагов своих’. Множественное повторение сказуемых в аподозисе периода усиливает значение пожелания благополучия, победы над своими врагами” [22; 121 с.].

Е.И. Убрятова периоды араарарга этии манньк бэлиэтигэр олобулар: этии икки чааска араасар; бу икки чааһа ис хоһоонунан, тутулунан ситимнэхэллэр; саамай сүрүнэ, төхтөрүйэн этэр хатылааһыннаах буолар. [12; 346-349 с.].

Период (греч. периодос – “обход, круговращение” диэн суолталаах) сэхэргээһини холку, сүдү (эпическэй), үрдүк истииллээх онорор уонна олонхоһут санаата хайдах сайдан иһэрин тиэрдэр синтаксической тутул. Е.И. Убрятова период үрдүк күүрэһин “В якутском языке период также часто встречается в торжественном стиле. Так, период является основной формой предложения в олонхо” диэн тоһоҕолоон бэлиэтиир [21; 559-560 с.]. Саха тылыгар период судургу этиигэ, тэннэ холбоммут холбуу этиигэ, баһылатыылаах холбуу этиигэ уонна уустук тутуллаах этиигэ көстөр. Манньк араастаабын ыйаллар: кэлсиирэ, быһаары, сииһили (төрүүт, болдьох, кэм) периода.

Хоһуйан этэр ньыма

Үрдүк истиилгэ уус-уран айымньыга, публицистика истиилигэр тарбаммыт тылы **көһөрөн хоһуйан этэр ньыма** арааһа киирэр. Ол туһунан Васильева Н.Н. *ыанньыксыт / үрүн илгэни элбэтээччи, быраастар / үрүн халааттаахтар, маастар / көмүс тарбахтаах, телевизор / күөх экран, арыгы / аһы уу, уоттаах утах, күөх моҕой*” курдук метафора, араас перифраза уус-уран истиилгэ уонна публицистика истиилигэр дьүөрэлээхтэр диэн суруйар [5; 87 с.]. Көһөрөн хоһуйан этэр ньымаҕа өссө тэннэбил, омоннааһын, эпитет-быһаары,

тыннаафымсыты, символ-тыллар киирэн, үрдүк истииллээх тиэкиһи онгорорго туттуллар. Биллэн турар, бу хоһуйар ньыма арааһа (троп) үрдүк истииллээх тиэкиһи онгорорго туттуллар тыл матырыяала буолар. Инньэ гынан, ааптар өрө күүрүүлээх, өрөгөйдөөх тиэкиһи суруйар сыала суох буоллабына, үрдүк истииллээх семантиката сүтэн, көннөрү сүрүн истиилгэ кубулуйар эбэтэр букатын да атын контексса (холобура, үгэргээн, күлүү гынан, дьээбэлээн этэр суолтаҕа) туттуллуон сөп.

Хоһуйан этэр ньымаҕа уларыыбат тыл ситимиттэн сомоҕо домох уонна өс хоһооно, тыл номоҕо, ох тыл киирэр. Сомоҕо домох да, өс хоһооно да уус-уран туттуктаах уларыыбат тыл ситимэ буолар. Ол гынан баран сомоҕо домох биир суолтаны биэрэр лексема буоллабына, өс хоһооно туспа этии буолар, биирдии тылларын суолтата сүппэт (4; 33 с.). Сомоҕо домох да, өс хоһооно да хайа баҕарар истиилгэ туттуллар кыахтаах, холобура: *айах адаҕата, киэн көбүстээх киһи, муоска бэрдэр, ынах эриэнэ таһыгар, киһи эриэнэ иһигэр, быа синньигэһинэн быстар*. Ол гынан баран биир суол ураты көстүүлэрэ үрдүк истиили биэрэр. Ол дорҕоон дьүөрэлэһиилээх кэккэлэтэн этиинэн бэриллииһэрэ, сомоҕо домоҕу уонна өс хоһоонун үрдүк суолталаах кизргэтиинэн байыталлар. Г.М. Васильев өс хоһоонно норуот тылынан уус-уран хоһоонунан айымньытын ириитимин төрдө-төбөтө буолар кэккэлэтэн этии олус чуолкайдык ырылыччы көстө сылдьар диэн бэлиэтиир: “Синтаксический параллелизм предполагает тождественность, симметричность грамматического строя параллельных фраз-стихов, что создает обилие повторов – словесных, звуковых и грамматических. Однотипные грамматические формы ввиду агглютинации образуют аффиксальные рифмы, как внутри, так и в концовках параллельных рядов. С рифмами всегда конкурируют аллитерации разных видов. Таким образом, пословицы и загадки, представляющие из себя простейшие – двустишные, трехстишные и четырехстишные – формы устной стихотворной речи, имеют достаточно четкий ритм и полнозвучие, наполнены они почти сплошной гармонией звуков. Недаром А.Е. Кулаковский переводил якутское понятие «өс хоһооно» (пословицы), как «гармонию слов» (23; 30, 33, 38).

Онтон Т.И. Петрова “Саха тылын стилистическэй дэгэттээх сомоҕо домоҕо” диэн бэлиэтээһинигэр сомоҕо домохтору кэпсэтии истиилигэр дьүөрэлээх, сүрүн истиилгэ (күннээҕи олоххо) туттуллар уонна үрдүк истииллээх диэннэ араарар. Манна үрдүк истииллээх сомоҕо домох фольклортан төрүттээх дорҕоон дьүөрэлэһиилээх, төхтөрүйэн этиилээх буоларын ыйар уонна манньк холобурдары аҕалар: *барар сирэ баҕана үүтэ, кэлэр сирэ кэли үүтэ; күнэ тахсыбыт, күөрэгэйэ ыллаабыт; өрөөбүт уоскун өһүл, хоммут уоскун хоннор* (24; 6 с.).

Истиилистикэ билимэ тыл, литература, фольклористика уонна да атын билими кытта алтыһар, хатыһар үөрэх буоларын быһыытынан, олонхо *олук тылларын* (эпические формулы, формульные слова) эмиэ үрдүк истииллээх тиэкиһи онгорор ньыма курдук ылынан көрүүххэ сөп. Олук тыл фольклористика категорията буолар, ол да буоллар тыл үөрэхтээхтэрэ үлэлэригэр бу тизрмини эмиэ тутталлар. Холобура, П.А. Слепцов саха литературнай тылын чинчийэр үлэтигэр этэринэн, норуот тылынан уус-уран хоһоонун сүрүн тарҕаммыт уратыта баай олук тыллааҕа буолар (насыщенность стереотипными, типовыми формульными элементами). Салгыы олук тыллар олонхоҕо өбүгэлэрбит урут күннээҕи олохторугар кэпсэтэр тылларыттан киирбиттэрин ыйар (10; 212 с.). Онтон Н.Н. Ефремов «К проблематике формульности предложений олонхо» диэн ыстатыйатыгар олук тыл барыта модель курдук сүрүн тыл ситимнээх буолар диир. Олонхоҕо олук тыл манньк модель ситимэ уус-уран кизргэтиилээх бүтүн тирадаҕа тийэ тэнийэр. Ол аата кэккэлэтэн этиилээх уһун-киэн олук тыл биир ядролаах буолар эбит (25; 152 с.). Олонхо олук тылларын тылдытын онгорор буоллаха, ол сүрүн ядро буолар ситимин быһаарыллар лексема курдук ылар оруннаах.

В.В. Илларионов, олонхоһут үгэс буолбуту туттан уонна бэйэтэ айан толорорун анаан чинчийэр үлэтигэр олонхо бэлэм халыып буолар бараммат баай олук тыллаабын бэлиэтээн суруйар [10; 200-207 с.]. Олонхо этиитигэр сүрүн өйдөбүллэри сөп-сөп хатыланан кэлэ турар, киһи өйүгэр дөбөннүк хатанар олук тыллар (эпическэй формула) тизрдэллэр: *орто туруу бараан дойду, Аал Луук мас, өндөл манан халлаан, былыргы дьылым былдьаһыктаах мындаата* уо.д.а. Как и всякий другой эпос, олонхо отличается прочно установившимися традициями и канонами. Особенно развиты в нем эпические формулы, которые в готовом виде без коренных изменений переходят из одного олонхо в другое... Известная штампованность выразительных средств и устойчивость поэтики – характерная черта этого большого эпического произведения. Занимая центральное место в устной народной поэзии и воплощая в себе все силы и краски народного языка, олонхо оказало воздействие на характер и форму развития всей устной поэзии якутов, наложив на нее свою неизгладимую печать (26; 12 с.)

Олук тыл олонхо аайы бэрт кыра уратылаах хатыланар. Олук тыл тутула судургу да, уустук да буолуон сөп. Ол тыл уус-уран быһаарыта хайдах, төһө тэнийэриттэн тутулуктаах: *аламай күн, аламай манан күн; аан дойду, аан ийэ дойду, айгыр силик аан ийэ дойду, абыс шилээх-сабаллаах атааннаах-мөнгүүннээх айгыр силик аан ийэ дойду* уо.д.а. Олук тыл үксүгэр хоһоонно тийэ тэнийэр [20; 80 с.].

Аны туран олонхо олук тыла үксүгэр иккитэ-үстэ, ардыгар өссө элбэхтик (дэн 15-18-ка тийэ), суолтатынан атылы, ханылы тылларынан төхтүрүйэн этиллэр: *былыргы дьылым былдьаһыктаах быдан мындаатыгар, урукку дьылым охсуһуулаах кулан уорбатыгар; абыс хаттыгастаах арабас манан халлаан, тобуус хаттыгастаах добун манан халлаан, көрдөһөр күттүүннээх, ааттаһар ахсааннаах* уо.д.а. [20; 80 с.]

Дмитриев П.Н. олук тыл фольклорга үрдүк истиил кырааскатын биэрэрин ыйар: «Традиционные формулы выполняют особую поэтическую словесно-смысловую нагрузку. Они придают фольклору возвышенность, торжественность...; эпические формулы способствуют продолжению и развитию традиции, окончательному формированию поэтического стиля и структуры якутского народного эпоса олонхо» [27; 120].

Олонхоттон кирибит олук тыллары билинни эпическэй истииллээх уус-уран айымны тылыгар көрүүххэ сөп. Олонхо олук тыллара уус-уран айымныны бытаан, сүдү, олонхолуу ымпыктаан-чымпыктаан киэргэтиллээх онгортон үрдүк суолталыылар.

Түмүк

Инньэ гынан, билинни саха тылыгар үрдүк истииллээх тыл баайа доржоон, лиэксикэ, морполуогуйа, этии таһымыгар барытыгар көстөр, онтон үгүс өттө норуот тылынан уус-уран айымнытыттан, чуолаан, олонхоттон силистэнэн туттулла сылдьар. Лиэксикэ таһымыгар өрөгөйү, улууну тылдыттарга анал бэлиэлээх үрдүк истииллээх тыл араната кирир (үрдүк истиил тыла, фольклоризм, поэтизм, албаан этии, кинигэ тыла). Тылдыкка анал бэлиэлээх тылартан ураты саха тылын словарнай састаабын атын да арана тыллара, семантикаларынан үрдүк истиилгэ кирибэтэллэр да, сорох түгэннэ үрдүк күүрэннэнэн, өрөгөй-төлөн суолталанан үрдүк истиили бэлиэтиир буолаллар, холобура, эргэрбит тыллар (архаизм, историзм), тылы көспүт суолтаҥа туттуу, харыс тыллар, сана тыл уо.д.а. Кэпсэтии сизэрин (этикет) сорох тылын семантиката эмиэ үрдүк суолталанар. Сорох түгэннэ экспрессивнэй суолталаах тыллар, бири эбэтэр, майгыннаһар суолталаах синоним тыл, ханыыласпыт уонна хоһуласпыт тыл, дьүһүннүүр уонна тыаһы үтүктэр тыл эмиэ тизкис ис хоһоонуттан, функциональнай-стилистикэ кырааскатыттан көрөн эмиэ үрдүк күүрэни бэлиэтиир кыахтанар.

Морполуогуйа таһымыгар үрдүк истииллээх тиэкиһи иһирэхситэр, улуутутар тустаах тылы үөскэтэр сыһыарыы, ньыма биэрэр кыахтаах. Мань таһынан морполуогуйа сорох халыыптара эмиэ биэрэллэр: – аат туохтуур+аат тыл халыыбынан тыл олоҕо хоһулаһара (*аҕалаатар аҕам*); – ситим тылы пааралаан туттуу; – соруйар кизбинэн бэрлилэр ынырар, үтүнү баҕарар, туругурдар модальнай дэгэттээх этии (*Туругурдун Ийэ дойду!*); – фольклортан төрүттээх сана аллайыы; – дьөһүөллээх ситим.

Этии таһымыгар истииллии фигураны ааттыыр оруннаах: инверсия, риторическай ыйытыы этии, күүһүрдүү этиини субуруччу туттуу, үөрэ-дьүөрэ дорҕоонноох, этии аайы тылы хатылаан туттуу, градация, парцелляция, этиини кэккэлэтэн этии, эллипсис. Үрдүк истииллээх этии тутулгар, үгэс курдук, олонхоҕо туттуллар тэнийбит быһаарылаах туһулуу, туһулуу этии, күүһүрдүү этии, дорҕоон дьүөрэлэһииллээх тэнийбит быһаарыы, кэккэлэтэн этии, период курдук этии араас көстүүтэ киирэр. Саха тылыгар кэккэлэтии ньымата олонхо туллар тутааҕа, тирэнэр тирэбэ буолар уонна фольклортан саҕалаан уус-уран айымньыга, публицистика истиилигэр, үрдүк эпическэй истиил бэлиэтэ буолан, кизгник туттуллар.

Хоһуйан этэр ньымалар – метафора, араас перифраза, тэннэбил, омумнааһын, тыыннаа-бьымсытыы, символ-тыллар, сомоҕо домох, өс хоһооно, тыл номоҕо, ох тыл үрдүк истииллээх тиэкиһи онорорго туттуллар тыл матырыйаала буолан, хайа эрэ өттүнэн өрө күүрүүнү тиэрдэр кыахтаахтар. Ол гынан баран хоһуйан этэр ньымалар тиэкис сыалыттан быһаччы тутулуктаахтар: үрдүгү онорор сыала суох буоллаҕына, көннөрү сүрүн истиилгэ кубулуйуохтарын эбэтэр букатын да атын контекста (холобура, үгэргээн, күлүү гынан, дьээбэлээн этэр суолтаҕа) туттуллуохтарын сөп.

Олонхо олук тыллара (формульные слова) түн былыр кэпсэтии истиилигэр судургутук туттулла сылдыбыт буоллаһтарына, билинни саха киһитэ ону умнан, олук тыллары көннөрү санаттан ураты тыл-өс курдук ылыннан, эпическэй истиилгэ киллэрэр. Олук тыллар ордук уус-уран айымньыга киидэхтэринэ ураты олонхолуу ымпыктаан-чымпыктаан кизгэтиини биэрэн сүдүнү, улууканнааҕы, үрдүгү тиэрдэр суолталаналлар.

Литература

1. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. — М.; Л., 1950—1983. Т. 7: Труды по филологии 1739-1758 гг. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 585—592. <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-5852.htm>
2. Словарь по риторике, языкознанию и эффективному общению <https://didacts.ru/termin/vysokii-stil.html>
3. Антонов Н.К. Саха билинни тылын лексиката. Дьокуускай, 1967. —
4. Афанасьев П.С. Саха билинни тыла. Лексикология. Дьокуускай, 1996. — 192 с.
5. Васильева Н.Н. Лексические синонимы в языке саха. Я., 1996. —
6. Васильева Н.Н. Сочетаемость лексических синонимов якутского языка / Якутский язык: лексикология, лексикография. Сб. научн. трудов. Якутск, 1998. — 113-119 с.
7. Дьячковский Н.Д. Саха тылыгар сорох эмоциональной-экспрессивнэй сыһыарылар / Сахабыт тылын сайдытын торумнаан. Эпп. Эрэдээктэр Г.Г. Филиппов. — Дьокуускай: СГУ, 2009 с. — 38-71 с.
8. Филиппов Г.Г. Уран тыл көмүһэ, алтана... — Дьокуускай : Бичик, 2008. — 157 с.
9. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм. Новосибирск: Наука. 1986;
10. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, 1990.
11. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору [отв. Ред. В. Гусев ; отв. за переиздание В.М. Никифоров]; Рос. акад. наук, Сиб. Отд-ние, Якут. науч. центр, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов севера. — Якутск : Бичик, 2008. — 400 с.

12. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. 2-я книга. – Новосибирск: Наука, Сиб.отд., 1976 – 379 с.
13. Петров Н.Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1999. – 288 с.
14. Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта=Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с. (буква А)
15. Федорова В.С. Речевые формулы этикета: учебное пособие / В.С. Федорова. – Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 2009. – 147 с.
16. Торотов Г. Г. Функционально-стилистическая дифференциация определений в современном якутском языке: монография / Торотов Г. Г. — Якутск : ИПК СВФУ, 2011. — 147 с.
17. Петрова Т.И., Манчурина Л.Е. Саха тылын истилиистикэтэ: лиэксийэ матырыйаала: учебное пособие для студентов высших учебных заведений по направлению 031000 и специальности 031001 – «Филология» / – Дьокуускай: ИПК СВФУ, 2011. – 129 с.
18. Манчурина (Сыромятникова) Л.Е. Глагол в современном якутском языке: семантико-стилистический анализ: монография / Л.Е. Манчурина (Сыромятникова). – Якутск: Изд-й дом СВФУ, 2013. – 222 с.
19. Саха тылын истилиистикэтин учарката: монография [электроннай таһаарыы] / [Л.Е. Манчурина, Г.Г. Торотов, Н.А. Ефремова уо.д.а.]. – Дьокуускай: ХИФУ издательской дьиэтэ, 2015. – 172 с.
20. Олонхо педагогикатын төрүттэрэ / [Е.П. Чехордуна, п.н.к. (салайааччы), Н.И. Филиппова, филол.н.к., Д.Г. Ефимова, Н.П. Карпова]; Саха Респ. Федер. гос. науч. тэрилтэ «Саха Респ. нац. оскуолаларын ин-та». – Дьокуускай : Компания «Дани Алмас», 2010. – 248 с.
21. Исследования по синтаксису якутского языка: [монография] / Е. И. Убрятова; [редкол.: д. филол. н. Н. Н. Широбокова (отв. ред.) и др.]; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. – Новосибирск: Наука, 2006. – 602 с.
22. Манчурина Л.Е. Стилеобразующие конструкции устного поэтического синтаксиса якутских алгысов: периоды // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2010. Т.7. № 4. – С. 120-125.
23. Васильев Г.М. Живой родник. – Якутск: Якутское книжное издательство. – 1973. – 304 с.
24. Петрова Т.И., Торотов Г.Г. Саха тылын функциональной истиилэ. Эрчиллэр матырыйаал. Дь., 2000. – 48 с.
25. Ефремов Н. Н. К проблематике формульности предложений олонхо (в контексте особенностей системы, структуры якутского языка) / Н. Н. Ефремов; под ред. Е. М. Махарова, Ж. К. Лебедевой, В. М. Никифорова и др. // Олонхо – духовное наследие народа саха: сб. науч. ст. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. – С. 150–160.
26. Васильев Г.М. Якутское стихосложение / Г. М. Васильев; [ответственный редактор С. Р. Кулачиков-Элляй]; Академия наук СССР, Якутский филиал Сибирского отделения, Институт языка, литературы и истории. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. – 126 с.
27. Дмитриев П.Н. Эпические формулы в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: материалы всесоюзной конференции фольклористов / [ред.: Н. В. Емельянов, В. Т. Петров]. – Якутск: Якутский филиал изд-ва СО АН СССР, 1978. – С. 118-121.

References

1. Lomonosov M.V. Predislovie o pol'ze knig cerkovnyh v rossijskom jazyke // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij / AN SSSR. — М.; Л., 1950—1983. Т. 7: Trudy po filologii 1739—1758 gg. — М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1952. — S. 585—592. <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-5852.htm>
2. Slovar' po ritorike, jazykoznaniju i jeffektivnomu obshheniju <https://didacts.ru/termin/vysokii-stil.html>
3. Antonov N.K. Saha bilinni tylyn leksikata. D'okuuskaj, 1967. –
4. Afanas'ev P.S. Saha bilinni tyln. Leksikologija. D'okuuskaj, 1996. – 192 s.
5. Vasil'eva N.N. Leksicheskie sinonimy v jazyke saha. Ja., 1996. –
6. Vasil'eva N.N. Sochetaamost' leksicheskikh sinonimov jakutskogo jazyka / Jakutskij jazyk: leksikologija, leksikografija. Sb. nauchn. trudov. Jakutsk, 1998. – 113-119 s.
7. D'jachkovskij N.D. Saha tylygar soroh jemocional'naj-jekspressivnej syhyaryylar / Sahabyt tylyn sajdytytn torumnaan. Jepp. Jerjedejektjer G.G. Filippov. – D'okuuskaj: SGU, 2009 s. – 38-71 s.

8. Filippov G.G. Uran tyl komyhje, altana... – D'okuuskaj : Bichik, 2008. – 157 s.
9. Slepcev P.A. Jakutskij literaturnyj jazyk. Istoki. Stanovlenie norm. Novosibirsk: Nauka. 1986;
10. Slepcev P.A. Jakutskij literaturnyj jazyk. Formirovanie i razvitie obshhenacional'nyh norm. Novosibirsk: Nauka, 1990.
11. Jergis G.U. Ocherki po jakutskomu fol'kloru [otv. Red. V. Gusev ; otv. za pereizdanie V.M. Nikiforov]; Ros. akad. nauk, Sib. Otd-nie, Jakut. nauch. centr, In-t gumanitar. issled. i problem malochisl. narodov severa. – Jakutsk : Bichik, 2008. – 400 s.
12. Ubrjatova E.I. Issledovanija po sintaksisu jakutskogo jazyka. II. Slozhnoe predlozhenie. 2-ja kniga. – Novosibirsk: Nauka, Sib.otd., 1976 – 379 s.
13. Petrov N.E. Sintaksicheskie sredstva vyrazhenija modal'nosti v jakutskom jazyke. – Novosibirsk: Nauka, 1999. – 288 s.
14. Saha tylyn byhaarylaah tyld'yta=Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka / Pod red. P.A. Slepceva. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 680 s. (bukva A)
15. Fedorova V.S. Rechevyje formuly jetiketa: uchebnoe posobie / V.S. Fedorova. – Jakutsk: Izd-vo Jakutskogo gosuniversiteta, 2009. – 147 s.
16. Torotoev G. G. Funkcional'no-stilisticheskaja differenciacija opredelenij v sovremennom jakutskom jazyke: monografija / Torotoev G. G. — Jakutsk : IPK SVFU, 2011. — 147 c.
17. Petrova T.I., Manchurina L.E. Saha tylyn istiliistikjetje: lijeksijje matyryjaala: uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij po napravleniju 031000 i special'nosti 031001 – «Filologija» / – D'okuuskaj: IPK SVFU, 2011. – 129 s.
18. Manchurina (Syromjatnikova) L.E. Glagol v sovremennom jakutskom jazyke: semantiko-stilisticheskij analiz: monografija / L.E. Manchurina (Syromjatnikova). – Jakutsk: Izd-j dom SVFU, 2013. – 222 s.
19. Saha tylyn istiliistikjetin uocharkata: monografija [jelektronnaj tahaaryy] / [L.E. Manchurina, G.G. Torotoev, N.A. Efremova uo.d.a.]. – D'okuuskaj: HIFU izdatel'skaj d'ijetje, 2015. – 172 s.
20. Olonho pedagogikatyn toryttjerje / [E.P. Chehorduna, p.n.k. (salajaachchy), N.I. Filippova, filol.n.k., D.G. Efimova, N.P. Karpova] ; Saha Resp. Feder. gos. nauch. tjeriltje «Saha Resp. nac. oskuolalaryn in-ta». – D'okuuskaj : Komapnija «Dani Almas», 2010. – 248 s.
21. Issledovanija po sintaksisu jakutskogo jazyka: [monografija] / E. I. Ubrjatova; [redkol.: d. filol. n. N. N. Shirobokova (otv. red.) i dr.]; Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t filologii. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 602 c.
22. Manchurina L.E. Stileobrazujushhie konstrukcii ustnogo pojeticheskogo sintaksisa jakutskih algysov: periody // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. 2010. T.7. № 4. – S. 120-125.
23. Vasil'ev G.M. Zhivoj rodnik. – Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. – 1973. – 304 s.
24. Petrova T.I., Torotoev G.G. Saha tylyn funkcional'naj istiilje. Jerchilljer matyryjaal. D'., 2000. – 48 s.
25. Efremov N. N. K problematike formul'nosti predlozhenij olonho (v kontekste osobennostej sistemy, struktury jakutskogo jazyka) / N. N. Efremov; pod red. E. M. Maharova, Zh. K. Lebedevoj, V. M. Nikiforova i dr. // Olonho – duhovnoe nasledie naroda saha: sb. nauch. st. – Jakutsk: IGI AN RS (Ja), 2000. – S. 150–160.
26. Vasil'ev G.M. Jakutskoe stihoslozhenie / G. M. Vasil'ev; [otvetstvennyj redaktor S. R. Kulachikov-Jelljaj]; Akademija nauk SSSR, Jakutskij filial Sibirskogo otdelenija, Institut jazyka, literatury i istorii. – Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 126 s.
27. Dmitriev P.N. Jepicheskie formuly v olonho // Jepicheskoe tvorcestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: materialy vsesojuznoj konferencii fol'kloristov / [red.: N. V. Emel'janov, V. T. Petrov]. – Jakutsk: Jakutskij filial izd-va SO AN SSSR, 1978. – S. 118-121.

– ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.84.75.007

УДК 398.22(=512):811.512.157'25

А. А. Васильева, Т. П. Егорова

Перевод эпосов родственных тюркских народов на якутский язык (на материале алтайского «Маадай-Кара», башкирского «Урал-батыр»)

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Благодаря государственной программе сохранения и развития героического эпоса олонхо в Якутии теперь олонхо переводится на языки мира, а эпосы разных народов – на якутский язык. Большой научный интерес представляют и сам процесс перевода, межкультурный диалог, возникающий при переводе. Уникальность этого явления заключается в том, что переводятся архаические тексты родственных лингвокультур – переводятся не только слова и выражения, не только ведется пересказ захватывающего сюжета, но переводчиками делаются сопоставления, ведется поиск новых средств выражения понятий общетюркской культуры, трансформированных веками или забытых, даже утраченных. В этом отношении перевод эпосов и сравнительно-сопоставительное исследование текстов открывает новые аспекты не только лингвистам-переводчикам, но и фольклористам, этнографам и историкам. В данной статье анализируется перевод на якутский язык алтайского эпоса «Маадай Кара» и башкирского эпоса «Урал-батыр» на уровне лексики и синтаксиса, а также обозначаются общие с якутским фольклором черты – афоризмы, эпические формулы, мифологические и сказочные сюжеты. Сравнение текстов оригинала и переводов предполагает применение сопоставительных методик, и в меньшей степени статистических, которые применяются только при анализе переводческих приемов на уровне лексики. Отличительной чертой сравнительно-сопоставительного анализа данных эпических текстов является то, что наиболее активно используется текст-посредник на русском языке. Общие тюркские и уникальные национальные черты алтайского и башкирского эпосов точно отражаются в русских переводах, выполненных для нужд филологической науки. Эта схожесть с типично якутским мировоззрением, узнаваемая каждым якутским читателем, проверяется в данном исследовании путем сопоставления с оригинальными текстами на алтайском и башкирском языках. В статье на основе наблюдения за принятыми переводческими решениями делаются выводы о переводческих приемах, перспективных для перевода текстов родственных лингвокультур. Представлена методика сравнения ритмико-синтаксических параллелизмов, которая выявила несоответствия с первоначальной структурой оригинальных ритмико-синтаксических параллелизмов, несмотря на содержательную и смысловую точность их перевода на якутский язык. Таким образом,

ВАСИЛЬЕВА Акулина Александровна – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail.ru: vaaperevod@mail.ru

VASILIEVA Akulina Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЕГОРОВА Татьяна Петровна – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail.ru: tatiiego@mail.ru

EGOROVA Tatiana Petrovna – master student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

в статье обозначены наиболее яркие лингвистические явления, дальнейшее глубокое изучение которых привнесло бы в науку много нового и интересного.

Ключевые слова: эпос, олонхо, кай-черчек, кубаир, перевод эпосов, перевод фольклора, безэквивалентная лексика, синтаксический параллелизм, аллитерация, способы перевода, «Маадай-Кара», «Урал-батыр».

A. A. Vasilieva, T. P. Egorova

Translation of the epics of related Turkic cultures to Yakut language: The case of translating the Altai epic «Maadai-Kara» and the Bashkir epic «Ural-batyr»

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Heroic epics, being developed over centuries in many different cultures, is a folklore trope that contains a culture's views on its history and the world around. Every new generation draws upon its epic to conceptualize its historical trajectory. Thus, the preservation and research of such epics are and will always be relevant. Thanks to the well-conceived government program for the preservation and development of the heroic epic of olonkho, there is a renewed interest in the translation of epics. As such, olonkho is translated to other languages and the epics of other cultures – to the Yakut language. However, it is not enough to simply translate and publish epics. The process of translation and intercultural dialogue arising from the translation are all of great academic importance. The uniqueness of such a process lies in the fact that the translation objects are archaic texts of related linguocultures. Not only words and phrases are translated and a captivating plot is relayed but also the translators search for new idioms from the common Turkic culture that have been transformed or forgotten through the ages. In this respect, the translation of epics and comparative research of these texts uncovers new aspects not only for linguists but also for folklore specialists, anthropologists, and historians. This article analyzes the vocabulary and syntax of the Yakut translations of the Altai epic «Maadai-Kara» and the Bashkir epic «Ural-Batyr». The article also points out similarities with the Yakut folklore – aphorisms, oral-formulaic compositions, mythological and fairy-tale plots. The comparison of the original and translated texts suggests the use of the comparative method and – to a lesser extent – of the statistical method that is used only when analyzing the vocabulary of the translation. The defining feature of the comparative analysis of these epic texts is the extensive use of an intermediary text in Russian. Common Turkic and unique cultural features of the Altai and Bashkir epics are adequately presented in the Russian translation made for philological use. Such similarity to the Yakut mindset which is recognized by every Yakut reader is checked in this research by comparing with the original text in Altai and Bashkir languages. Based on the inspection of the translational decisions made in these translations, the article draws a conclusion on translational techniques suited for translating texts of related cultures. A technique for comparing rhythmic-syntactic parallelisms is presented. This technique reveals inconsistencies with the original structure of the original rhythmic-syntactic parallelisms, despite the contextual and semantic accuracy of their translation into the Yakut language. Thus, the article points out the most striking linguistic phenomena and their further study would be highly beneficial for science.

Keywords: epic, olonkho, kai-cherchek, kubair, epics translation, folklore translation, culture-specific vocabulary, syntactic parallelism, alliteration, translation methods, «Maadai-Kara», «Ural-batyr».

Введение

Интересный переводческий и издательский проект был придуман в Республике Саха (Якутия) – взаимоперевод эпического наследия родственных тюрко-монгольских народов в рамках международной серии «Эпосы народов мира». Если первоначально авторы и участники проекта рассматривали переводы эпосов как диалог культур, то по мере реализации переводов и исследования текстов раскрываются их новые грани, которые, возможно, без перевода и не обращали бы на себя столько внимания. Сравнительно-сопоставительный аспект исследований текстов эпосов родственных народов приобретает новые краски при

привлечении перевода. Так, за отсутствием прямого перевода с одного тюркского языка на другой тюркский язык имеющиеся академические переводы на русском языке выполняют роль лингвокультурного посредника. Появившиеся переводы эпосов и планирование новых переводов актуализируют исследование переводческих решений в указанном жанре фольклорных текстов. Возможно, результаты такого исследования могут в дальнейшем способствовать повышению качества перевода на якутский язык.

Данная статья раскрывает методологию и представляет результаты одного из первых исследований переводческой деятельности творческого коллектива переводчиков – сотрудников кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода СВФУ им. М.К. Аммосова. Материалом исследования послужили тексты алтайского эпоса «Маадай Кара» С. С. Суразакова, башкирского эпоса «Урал-батыр» А. Х. Хакимова и их переводов на якутский язык, сделанных в 2016-2017 гг.

Статья написана на основе магистерской диссертации, задачами которой были:

- 1) сделать сравнительный анализ основных образов алтайского, башкирского и якутского эпосов;
- 2) сделать сравнительный анализ композиции и поэтических особенностей алтайского, башкирского и якутского эпосов;
- 3) изучить способы передачи национальных реалий алтайской и башкирской культуры при переводе эпосов на якутский язык;
- 4) изучить способы передачи синтаксических параллелизмов алтайского и башкирского эпосов при переводе на якутский язык.

Алтайский героический эпос «Маадай Кара» входит в репертуар известного кайчи А. Г. Калкина; в 1963 г. был записан на магнитную ленту известным фольклористом С. С. Суразаковым, который в 1973 г. издал академический перевод этого эпоса на русский язык. Башкирский героический эпос «Урал-батыр» входит в репертуар кураистов, сэсэнов Г. Б. Аргынбаева и Х. Х. Альмухамета. В 1910 г. известный фольклорист, поэт, драматург М. А. Бурангулов впервые сделал письменную запись эпоса. Башкирский эпос переводился много раз, но в настоящее время вариант кандидата филологических наук, писателя, переводчика А. Х. Хакимова считается наиболее точным. Поэтому по рекомендации башкирских специалистов он и был выбран в качестве исходного текста перевода на якутский язык. Переводы указанных эпосов на якутский язык выполнялись по заказу Национального комитета по организации и проведению Второго десятилетия Олонхо в Республике Саха (Якутия) в серии «Эпосы народов мира».

Сравнительная характеристика эпического мира лингвокультур, контактирующих в переводе

При изучении содержания алтайского и башкирского эпосов мы пришли к выводу о том, что в алтайском эпосе мотивов, связанных с олонхо, больше, чем в башкирском кубаире. Во-первых, и в якутском, и в алтайском эпосах мир разделен на три части – Верхний мир, обиталище божеств, Средний мир – мир людей, и Нижний мир – царство страшных, демонических существ; во-вторых, в обоих эпосах присутствуют образы священного дерева – стоствольный вечный тополь Бай Терек и древо мироздания Аал Луук Мас; в-третьих, в обоих эпосах существуют духи гор, лесов, водоемов и т. д., которые вступают в контакт с главными героями. А в башкирском эпосе Верхний мир – это царство птиц, Нижний мир – царство змей. Во всех трех эпосах главная идея – это победа добра над злом, торжество справедливости в результате усилий главного героя и его сподвижников, а содержание повествует о героических битвах батыра с антагонистами за освобождение народа и за прекрасную девушку.

В ходе нашего исследования был сделан сравнительный анализ главных персонажей в трех эпосах: батыр, конь батыра, шаманка, антагонист. Указанные типы персонажей были проанализированы по формульной характеристике их имен (локальная принадлежность; родовое происхождение; собственное имя персонажа; показатель его статуса), также сравнили их роли в эпосе, внешность, одежду, оружие, характер, образ и смерть в эпосе. По результатам сравнительного анализа было подтверждено, что в эпосах всех трех народов главные герои-богатыри сражаются с антагонистами ради спасения своего народа, а затем и за свою избранницу. Также выявлено, что характеры главных героев во многом схожи. А то, что главный антагонист в якутском эпосе Уот Усутаакы является фантастическим абаасы, то это является отличием олонхо от двух эпосов родственных народов, в которых основными антагонистами главных героев выступают люди, такие же, как и главный герой. Также отличаются оружие антагонистов и их смерть.

В результате сравнительного анализа содержания и образов эпосов можно спрогнозировать возможные трудности перевода с одной родственной лингвокультуры на другую родственную лингвокультуру. Дело в том, что в якутском фольклоре и мифологии есть параллели и подобия, которыми, на первый взгляд, легко можно заменить понятия алтайской, башкирской мифологии и фольклора в связи с тем, что они являются общетюркскими понятиями. Но в таком случае в переводе не будут видны национальные особенности культуры другого народа. Во-вторых, якутские переводы алтайского и башкирского эпосов предназначены для широкого круга читателей, поэтому если перевести большую часть реалий с помощью транскрипции и пояснить их за пределами текста перевода в сносках и словариках, то это может усложнить восприятие читаемого перевода. Исходя из этого, коллективом переводчиков и редакторов были приняты уникальные решения, сохраняющие самобытность оригиналов, но в то же время сближающие их с якутской фольклорной поэзией как частью общетюркской поэзии.

Мы считаем, что переводы, выполненные коллективом кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, являются художественными переводами. Эти переводы легко воспринимаются читателями разного возраста и разного уровня познаний в фольклористике и истории. Действительно, каждый эпос содержит в себе неповторимую культуру, национальный колорит, историю, мудрость и мировоззрение народа-автора. Поэтому у каждого эпоса есть своя уникальность: имена персонажей, реалии, пословицы, фразеологизмы, устойчивые эпитеты, эпические формулы и т.д. И это все должно сохраняться и передаваться как нечто самобытное при переводе на другой язык. В этом требовании заключаются трудность и занимательность перевода фольклора с языка на язык родственных народов.

Другими словами, содержание и структура изучаемых эпосов сложны и многогранны, и всегда можно обнаружить сходства и параллели, общие мотивы в фольклоре и культуре народа, на чей язык переводится тот или иной эпос. Это, с одной стороны, сближает контактирующие лингвокультуры, а с другой стороны, перед переводчиками встает задача сохранения самобытности оригинала при наличии лингвокультурных соответствий разного уровня.

Общетюркские фольклорные мотивы в алтайском и башкирском эпосах

Эпос как синкретичный вид искусства содержит в себе также и некоторые явления других жанров фольклора. Это – мифы, сказочные сюжеты, афоризмы (пословицы, поговорки, формулы благопожеланий) и др. Кроме указанных жанров фольклора обнаруживаются, например, в алтайском эпосе вставки сюжета христианских легенд, где рассказывается о мучениях умерших людей в аду или подземном мире, куда направляются Когюдей-Мер-

ген вместе со своим конем. А в башкирском эпосе ученые предполагают наличие позднейших наслоений литературного эпоса в сюжете о хане Катиле [1, с. 69].

Сюжеты и мифы, включенные в эпосы, имеют большое значение для понимания картины мира народов, а также для понимания процессов фольклорного творчества и др. Поэтому дальнейшее более детальное и глубокое их исследование в переводоведческом аспекте может привести к новым удивительным открытиям.

Для сравнительного анализа нами рассмотрены способы передачи алтайских и башкирских афоризмов при переводе на якутский язык. В число афоризмов мы включаем пословицы, поговорки и устойчивые формулы благопожеланий. Эти жанры объединяют их словесная устойчивость, образность, поэтическая выразительность и интертекстуальность. Такими характеристиками они обладают вне зависимости от языка. Их образность и поэтическая форма имеют черты сходства, указывающие на их общетюркское древнее происхождение.

Переведенные в составе эпосов афоризмы были разделены нами на три группы:

1) пословицы, имеющие полное соответствие среди якутских пословиц. Например, в башкирском эпосе «Урал-батыр»: *Икегез зе – баламһыз, Куземдәге карамһыз* [2, с. 18] – *Вы оба – сыновья мои, Черные зрачки моих глаз!* [3, с. 21] – Уолаттарым, *миэхэбэ Харабым харатабыт* [3, с. 92]. Соответствие с якутской пословицей: *Көрдөр харабым дьүккэтэ, көтүрдэр тиһим миһэтэ – Зеница моих глядящих очей, десна моих выпадающих зубов* [4, с. 154].

2) афоризмы, которые схожи с якутскими пословицами по смыслу. Например, в алтайском эпосе «Маадай-Кара»: *Амадаганы аларын, – дийт, Арынаганын тударын, – дийт* [5, с. 100]. – *За чем погонишься – поймаешь* [6, с. 82] – *Сырсыбыккын ситэн тэйиэн* [6, с. 200]. Алтайская пословица похожа на якутскую пословицу «*Сылдьыбыт сыһы булар, көрдөөбүт көһүэ көмүһү булар – Ходивший хоть соринку-то находит, ищущий найдет горшок золота*» [7, с. 40], но не является точным соответствием алтайского выражения.

3) благопожелания, имеющие соответствия в якутских благопожеланиях (*алгыс*). Например, в алтайском эпосе «Маадай Хара»: *Јаактуга айттырбазын, Јарындуга соктырбазын, Барган јери байрам болзын, Јүрген јери ырысту болзын, Баламнын бажы амыр јүрзин!* [5, с. 198] – *Пусть имеющий язык тебя не обругает, Пусть имеющий плечи тебя не ударит, Куда бы ни приехал ты, Где бы ни был – там счастье пусть будет. Голова твоя пусть покоится на плечах* [6, с. 140] – *Тыллаах таба эппэтин, Кэтит саннылаах охторбо-тун, Барбыт сиргэр дьол тосхойдун, Тиийбит сиргэр үөрүү буоллун, Баһын санныгар баар буоллун!* [6, с. 254]. Соответствие с якутским благопожеланием: *Татаар тыллаах таба эппэтин, уу харахтаах утары көрбөтүн – Пусть злоязыкий проклясть не сумеет, Пусть скользкоглазый в упор не посмотрит* [8, с. 286-287 с.]. В приведенном примере афоризм переведен способом калькирования, но благодаря первой части *Пусть имеющий язык тебя не обругает...* – *Тыллаах таба эппэтин...*, имеющей аналог в якутском фольклоре, и развертыванию ее смысла в последующих частях афоризма, перевод кажется читателю одновременно и знакомым, и новым, но очень понятным.

Итак, мы пришли к выводу о том, что алтайские и башкирские афоризмы незначительно отличаются от якутских афоризмов, имеют свои особенности в каждом языке. На якутский язык афоризмы были переведены в основном с помощью подбора эквивалентов, а также способом калькирования. Кроме того, при переводе афоризмов на якутский язык переводчики придерживались эпического темпа повествования в обоих переводимых эпосах, т. е. соблюдались аллитерация и восьми-семисложный ритм, поэтому жанровая особенность афоризмов не была утрачена.

Безэквивалентная лексика и ее передача на якутский язык

По определению С. Влахова и С. Флорина, безэквивалентная лексика (далее – БЭЛ) в узком смысле слова – это «единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в переводящем языке...» [9, с. 43]. В числе прочего, к БЭЛ они относят и реалии – «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому...» [9, с. 47].

Далее, используя предметную классификацию реалий С. Влахова и С. Флорина, методом сплошной выборки, мы выявили:

1) в переводе алтайского эпоса «Маадай Кара» – 68 реалий: а) географическая реальия – 1; б) этнографическая реальия – 16; в) общественно-политическая реальия – 9; г) имена собственные – 42;

2) в переводе башкирского эпоса «Урал-батыр» – 49 реалий: а) этнографическая реальия – 13; б) общественно-политическая реальия – 5; в) имена собственные – 31.

Способы передачи реалий на якутский язык традиционные – транскрипция, транслитерация, описательный перевод, уподобительный перевод, калькирование и др.

Наибольший процент, как и ожидалось, занимает доля *транскрипции и транслитерации*. Транскрипция алтайских и башкирских реалий делалась из языков-первоисточников, минуя русский язык-посредник [6, с. 49; 3, с. 17]. Это правильное решение переводчиков, так как транскрипция на русском языке чаще всего искажает исконное звучание реалии. В свою очередь в якутском языке можно обнаружить звуки, наиболее близкие звукам языков-источников и отсутствующие в русском языке-посреднике. Таким образом, можно сказать, что в якутских переводах тюркские реалии звучат в наиболее близком к оригиналу виде.

Необходимо отметить, что с помощью транскрипции в текст перевода были введены неологизмы, значение которых понятно в данном контексте. Например, алтайская реальия *аракы* (кисломолочный напиток) по звучанию похожа на слово *арыгы* (алкогольный напиток), значение также совпадает. Однако в якутском языке слово *арыгы* сейчас ассоциируется с «огненной водой», привезенной и распространенной казаками. Поэтому использование этого слова в переводе архаического эпоса нежелательно как исторической реалии другой эпохи. Именно поэтому мы считаем оправданным введение в якутский перевод алтайского эпоса реалии-неологизма *аракы*.

Под транслитерацией алтайских и башкирских реалий в якутском переводе эпосов мы понимаем написание слов в заимствованном из русского перевода виде – *сумра, лама; аждаха, див*. Такой способ использован при передаче реалий, совсем далеких не только от якутской мифологии, но и, видимо, заимствованных в переводимых эпосах из других лингвокультур. Транслитерация из языков-источников в данных переводах не была применена, видимо, не только в силу графических различий контактирующих языков, но и в силу того, что указанные реалии в русском написании в той или иной мере знакомы читателям якутского перевода.

Как известно, транскрипция и транслитерация почти всегда сопровождаются другими способами передачи реалий. В нашем материале это – уподобительный перевод, описательный перевод, добавление, калькирование, контекстуальный перевод, замена общетюркским словом. Приведем наиболее интересные примеры.

Уподобительный перевод, по нашим наблюдениям, применен при передаче реалий, характерных для всех культур. Например, Живой Родник из башкирского эпоса не транслитерован как *Йэнишиимэ*, не транскрибирован как *Йэнсисимэ*, а переведен уподоблением через русский перевод-посредник как *өлбөт мэңэ уута* (досл.: *бессмертности вечной*

вода) – сказочное, мифологическое понятие якутского фольклора. Здесь мы видим уподобление башкирского понятия с якутским понятием, обладающим почти такими же признаками и функциями как и Йэншишмэ. Таким же образом, по такой же причине передана в якутском переводе алтайская реалия *курут – сырчик*, как *араҕас илгэ* (досл.: *желтое изобилие*) – мифическая субстанция желтого цвета, дарованная богатырю антропоморфным духом родной земли и придающая ему сил в самый критический момент.

Описательный перевод реалий имеет несколько видов, которые отличаются локализацией этого описания в тексте перевода: а) описание внутри текста перевода, органично вплетенное в текст; б) описание вне текста перевода в виде сноски и комментария. Кроме описания в виде комментария большой интерес представляют примеры описательного перевода реалии, органично вплетенные в текст перевода. Например, реалия *джинн* башкирского эпоса «Урал-батыр» была передана на якутский язык с помощью описательного перевода *көстүбэт күтүр үөр* (досл.: *невидимый огромный [злобный] дух*), т. к. более или менее точного соответствия в якутском бестиарии не нашлось. Можно также привести пример из алтайского эпоса – *шулмусы* были переведены как *аллараа дойду аамтаахтара* (досл.: *именитые нижнего мира*) несмотря на то, что в якутском языке имеется слово *абаасы* с широким значением «нечистая сила» и связанное с Нижним миром.

Окказиональным переводом, то есть переводом, зависящим от контекста и оправдываемым им, можно назвать перевод реалии *дворец* (Катила) стилистически окрашенным словом “*ордуу*” – логово. В данном контексте слово *ордуу* – *нора, логово* имеет негативный оттенок, примерно как “зловещее жилище”.

Некоторые реалии при переводе были заменены на якутские варианты общетюркских слов: *баатыр, кымыс, хой, тирэх* и др. Они, по другой классификации С. Влахова и С. Флорина [9, с. 58], являются своей реалией для всех тюркских лингвокультур и чужой реалией для русской лингвокультуры-посредника перевода. В некоторых случаях благодаря переводу архаичных текстов была активирована почти забытая лексика, например, *хой* (*баран* – животное, которое не обитает в Якутии), *чой* (*чугун*), *чанг* (*бронза*), *түмэн* (*тысяча*).

Таким образом, безэквивалентную лексику – реалии, встречающиеся в эпосах родственных лингвокультур, можно разделить на несколько групп: 1) общетюркские реалии, которые понятны всем и различаются только фонетическими вариациями; 2) национальные реалии с похожим звучанием в контактирующих языках, но функции или смысл которых различаются в исходном и переводящем языке, и поэтому для их передачи подходит способ создания неологизмов или калькирование; 3) национальные реалии, не имеющие похожих слов в языке перевода, и поэтому нуждающиеся в описательном или уподобительном переводе помимо транскрипции или транслитерации; 4) национальные реалии, которые были заимствованы в тюркских эпосах из других культур и имеют устоявшийся облик в русском языке – такие реалии, как правило, транслитерируются с русского перевода-посредника, но могут быть переданы и другими способами, если их звучание не очень гармонично вписывается в текст перевода.

Перевод синтаксических параллелизмов на якутский язык

Общеизвестно, что синтаксический параллелизм – это основной прием при создании тюркского эпоса. Синтаксический параллелизм – это «повторение тождественно построенных фраз, члены каждой из них сочетаются в одинаковой последовательности по схеме» [10, с. 39].

О стиховой организации башкирского эпоса Г. В. Юлдыбаева пишет: «В башкирском эпосе преобладают глагольные синонимы (обычно в конце стихотворной строки), несущие на себе функции рифмы... Обычно башкирские эпические сказания сохраняют размер ку-

баира. Кубаир характеризуется, в основном, семисложной метрикой, последовательным чередованием рифмы, сложными и стройными строфами. Особенности башкирского народного стихосложения имеют много общего с особенностями поэтического творчества других тюркоязычных народов» [11, с. 1538].

Ю. П. Борисов выделяет в олонхо три основные группы ритмико-синтаксических параллелизмов (далее – РСП): 1) *ханыылаан этии*, которые образуются с помощью: а) собственно синонимов; б) контекстуальных синонимов; в) аналитического противопоставления; г) семантического разделения парных слов; д) матриц параллелизмов; 2) *кэккэлэтэн этии*, которые образуются: а) ядром параллелизмов; б) матрицей параллелизмов; 3) *төхтүрүйэн этии*, которые образуются с помощью: а) контекстных синонимов; б) ядра параллелизмов, которое представляет собой устойчивые повторы; в) матрицы параллелизма [12, с. 13].

Наблюдая за текстами русских переводов эпосов, мы заметили, что алтайский и башкирский эпосы обнаруживают все три основные группы параллелизмов, описанных Ю. П. Борисовым (табл. 1). Приведем несколько примеров.

Таблица 1

Примеры двучленного параллелизма (ханыылаан этии) и его переводов

Ай оозы јеш таамыдый, Јус тер атты јудуп јүрер, Азу кижі туу тайгадый, Јус кезерди јудуп јүрер. [5, с. 90]	Рот, похожий на полумесяц, раскрыт, как пасть преисподней, – По сто лошадей он <i>глотаёт</i> , Клыки его, как голые вершины скал, – По сто кезеров он <i>пожирает</i> . [6, с. 69]	...Мунунан аппыт айахтаах, Сытыы аһыта килэйбит. Сүүс сылгыны биірде <i>уобар</i> , Сүүс кэһиэри тэннэ <i>хабар</i> . [6, с. 188]
--	--	---

В русском переводе РСП образован с помощью синонимов. Синонимами являются глаголы *глотаёт*, *пожирает*, а в якутском переводе – глаголы *уобар*, *хабар*. Переводчики при переводе на якутский язык разделили РСП на два предложения, тем самым образовав одночленный РСП (табл. 2).

Таблица 2

Пример из башкирского эпоса «Урал-батыр»

Кыз алырга уйлаһан, Акбузатын һайлаһан, Кызы һөйһә, кызын ал, Бүләк итһә, атын ал... [2, с. 95]	Девушку захочешь взять Или Акбузата предпочтешь: Если полюбит тебя – девушку возьмешь, Если подарит она – коня возьмешь [3, с. 62].	Хумаайга ымсыырдаргын – Таптыбын диэтэбинэ, Кыһы эн ойох ылаар, Акбууска суудайдаргын – Бэйэтэ биэрдэбинэ, Кыыс атын да эн ылаар [3, с. 130].
---	---	---

В русском переводе слова *захочешь* / *предпочтешь* / *возьмешь* имеют одинаковое окончание глагола второго лица, единственного лица, настоящего времени *-ешь*. А в якутском переводе слова *ымсыырдаргын* / *суудайдаргын* имеют аффиксы глагола II л. ед. ч. условного наклонения, а слова *диэтэбинэ* / *биэрдэбинэ* являются глаголами условного наклонения III л. ед. ч. с аффиксами *-тэбинэ*. Кроме того, глагол *ылаар* повторяется дважды. В результате якутский перевод не повторяет развернутой, многословной структуры русского переводного оригинала, сохранившей смысл и структуру башкирского параллелизма. Тем не менее, якутский перевод представляет собой двучленный параллелизм, синтагмы которых сгруппированы по три строки и грамматически соответствуют друг другу. Другими словами, якутские переводчики создали РСП несколько другой структуры, но точно соответствующий по смыслу обоим оригиналам.

Примеры многочленного параллелизма (кэжкэлэтэн этии)

Как пишет Ю. П. Борисов, «Если в якутском олонхо параллелизм не ограничивается определенными рамками, то в алтайском эпосе в большинстве случаев употребляются двучленные параллелизмы, которые также прослеживаются в большом количестве и в эпосе олонхо» [13, с. 49]. Другими словами, в эпосах тюркских народов преобладают двучленные параллелизмы, а многочленных параллелизмов значительно меньше, они встречаются очень редко. Например, в башкирском эпосе «Урал-батыр» динамическое описание построено с помощью одинаковых грамматических форм глаголов и подкреплено повтором вводного слова «говорят» (табл. 3).

Таблица 3

Построение динамического описания в эпосе «Урал-батыр»

Урал ташка барган, ти Аҕаһы хурҕа калғанҕа, Йозроклап һуккан, ти, - Таш тэгэрәп киткән, ти. [2, с. 104]	Урал подошел к камню, <u>говорят</u> . То, что опозорился брат, Очень рассердило Урала, <u>говорят</u> . Ударил кулаком по камню, <u>говорят</u> . Камень покати́лся по земле, <u>говорят</u> . [3, с. 65].	Кыайтарбакка Сүлгэни Кыбыстыыга киллэрбит Тааска Ураал кыһырбыт, Тийиэн охсон ньиргиппит. Төкүнүэ турбутун... [3, с. 133].
---	--	---

Одинаковая грамматическая форма синтагм образует параллелизм, немного отличающийся от параллелизмов, построенных на синонимии или антонимии. Этот РСП при переводе на якутский язык не потерял смыслового содержания. В якутском переводе параллелизм образован одной и той же формой глагола, выраженной аффиксом глагола прошедшего времени 3 л., ед.ч. -*быт*. Другими словами, синтаксическая структура параллелизма повторяется и в переводах фрагмента.

Примеры параллелизмов, в котором в каждом члене дословно повторяется одно и то же понятие (төхтүрүйэн этии)

Например, в башкирском эпосе «Урал-батыр» (табл. 4).

Таблица 4

Параллелизмы в эпосе «Урал-батыр»

Тау тир инең – кайнай, ти, Болот тиһең – шаулай, ти... [2, с. 70]	Горой <u>назовешь</u> , но кипит, <u>говорят</u> , Тучей <u>назовешь</u> , но гудит, <u>говорят</u> [3, с. 47]	Хайа <u>диэби</u> – оргуйар, Былыт <u>диэби</u> – куугунуур [3, с. 116].
---	--	--

В русском переводе два РСП образованы перекрестным способом. В этом РСП слова *назовешь, говорят* – повторяются два раза. А в якутском переводе слово *диэби* также повторяется дважды.

Например, в алтайском эпосе «Маадай Кара» (табл. 5).

Таблица 5

Параллелизмы в эпосе «Маадай Кара»

Алты оорон јерине түшсе, алылбаадый, Алтан колон бар болуптыр, Ўстии оорон јерине чыкса, үзүлбеедий, Төртөн колон бар лэ эмир... [5, с. 122]	Шестьдесят подпруг на нем не лопнут При спуске <u>в подземную страну</u> , Сорок подпруг на нем не порвутся При подъеме <u>в верхний мир...</u> [6, с. 91].	<u>Аллараа дойдуга</u> түстэр Алта уон холуна быстыа суох, <u>Үөһээ дойдуга</u> таҕыстар Түөрт уон холуна быстыа суох [6, с. 208].
--	--	--

В русском переводе РСП является перекрестным РСП образованный устойчивыми повторами, синонимами, антонимами. В якутском переводе структура перекрестного РСП не нарушена, но порядок слов изменен. Как оказалось, такой порядок слов и частей предложения полностью соответствует алтайскому оригиналу – здесь мы видим разницу синтаксиса русского и тюркских языков.

Ритмико-синтаксические параллелизмы, «являясь основным минимальным элементом эпоса олонхо, несут в себе не только определенную семантическую нагрузку, но и художественно-эстетическую функцию» [14, с. 120]. Следовательно, пренебрежение структурно-семантической точностью их при переводе на другие языки, приводит к «искажению не только содержания, но и структуры, поэтической формы и художественно-эстетической функции исходного текста» [14, с. 121].

Можно предположить, что такие же разновидности РСП используются и в эпосах тюркских народов, и, соответственно, к их переводу также предъявляются требования соблюдения структурной точности как способу передачи национального своеобразия оригинала. По подсчету Ю. П. Борисова, в алтайском эпосе «Маадай Кара» имеется 328 параллелизмов [13, с. 45], из них 52 параллелизма имеют соответствия в якутских олонхо [12, с. 14]. Подобных подсчетов по башкирскому эпосу мы пока не обнаружили, несмотря на то что поэтические особенности кубаиров и «Урал-батыра», в частности, подробно исследованы в башкирской филологии.

В заключении к автореферату своей кандидатской диссертации Ю. П. Борисов пишет: «Относительно структуры параллелизма выявлено, что в алтайском, хакасском и бурятском эпосах предпочтение отдается конструкциям двучленным, а в якутском олонхо параллелизм может достигать внушительных размеров, вплоть до тирадного за счет количества компонентов, что, несомненно, отражается и в объеме якутского олонхо. Это отчасти может быть связано с тем, что параллелизмы тюрко-монгольских эпосов более подвержены компрессии, чем параллелизмы якутского олонхо» [12, с. 20]. К этому мы можем добавить, что склонность к компрессии диктуется традиционной манерой исполнения кай-черчек и кубаиров, приведшей к формированию строгого восьмисложного и семисложного ритмов. В соответствии с современными требованиями к переводу эти ритмы должны быть соблюдены и в переводе эпосов на якутский язык. Однако, как показывают результаты сопоставлений оригиналов и переводов, не все переводы синтаксических параллелизмов в точности повторяют синтаксический рисунок оригиналов, хотя все они имеются в якутских переводах именно в тех местах, в которых они есть в оригиналах.

Можно предположить, что переводные модели синтаксических параллелизмов, скалькированные на якутский язык из других эпосов, могут когда-нибудь обогатить современную якутскую традиционную поэзию, опосредованно раскрыв тем самым, возможно, забытые в глубине веков выразительные средства.

Заключение

При переводе алтайского и башкирского эпосов на якутский язык переводчики кафедры стилистики и якутско-русского перевода выработали такие переводческие решения, которых можно использовать при переводе эпосов и других фольклорных текстов родственных народов:

1. Переводчики, не зная алтайского и башкирского языков, смогли предугадать, понять особенности эпической поэзии алтайского и башкирского народов, благодаря не только точности русского перевода-посредника, но и единой для всех тюркских лингвокультур фольклорно-поэтической эстетике. Поэтому при переводе на якутский язык синтаксические параллелизмы, синонимы, повторы и аллитерации были переданы, не утратив своей самобытности.

2. Переводчики при обнаружении в исходном тексте – русском переводе алтайского и башкирского эпосов – слов и выражений с признаками национальных реалий, обращались к алтайскому и башкирскому оригиналу. Таким образом, они ввели в якутский язык неологизмы из алтайского эпоса (*чоор*, *Алтан-Хаһык*, *аракы* и др.). Это специфика алтайско-русско-якутского перевода. А при переводе башкирского эпоса переводчики передали некоторые реалии общетюркскими словами (*кымыс*, *Өлбөт Мэнэ уута*). Это также специфика и особенность башкирско-русско-якутского перевода.

3. При переводе на якутский язык синтаксические параллелизмы были переданы с сохранением поэтических особенностей алтайского и башкирского эпосов в якутском переводе. Однако при внимательном сопоставлении с оригиналами часто обнаруживается несоответствие структурам параллелизмов. Поэтому эту проблему предстоит исследовать глубже и, возможно, выработать новые рекомендации для переводчиков.

Таким образом, якутские переводы алтайского и башкирского эпосов не являются полностью русско-якутским или алтайско-якутским, башкирско-якутским переводами. При переводе на якутский язык использованы два исходных текста. Благодаря языковому чутью переводчиков и их опыту в языкознании были сделаны переводы, которые бережно сохраняют особенностей оригинального текста.

Литература

1. Котов, В. Г. Мифологические пласты башкирского эпоса «Урал-батыр» / В. Г. Котов // Проблемы востоковедения. – 2012. – № 4 (58). – С. 68-76 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-plasty-bashkirskogo-eposa-ural-batyr> (дата обращения: 07.07.2022).
2. Урал-батыр : башкирский народный эпос. / Пер. с башк. А. Х. Хакимова. – Уфа : Китап, 2013. – 288 с. (На башкирском и русском языке).
3. Ураал Баатыр=Урал-Батыр : башкир норуотун баатырдыы эпоһа. / Сост. А. Н. Жирков. Серия “Эпические памятники мира” – Якутск : Бичик, 2017. – 216 с. (На русском и якутском языке).
4. Сборник якутских пословиц и поговорок = Саха өһүн хоһооннорун хомуура / Сост. Н. В. Емельянов. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1965. – 246 с. (На якутском и русском языке).
5. Маадай-Кара : алтайский героический эпос. – Москва : Наука, 1973. – 480 с. (На алтайском и русском языке).
6. Маадай Хара=Маадай Кара : алтаай баатырдыы эпоһа. / Сост. А. Н. Жирков. Серия “Эпические памятники мира” – Якутск : Бичик, 2017 с. – 308 с. (На русском и якутском языке).
7. Саха өһүн хоһоонноро = Якутские пословицы. / Сост. Г. В. Попов. – Якутск : Бичик, 2005. – 128 с.
8. Обрядовая поэзия саха (якутов) = Саха сизэрин-туомун айымньылара / Сост. Н. А. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 2003. – 505 с.
9. Влахов, С. Непереваемое в переводе : монография / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Междунароные отношения, 1980. – 341 с.
10. Петрова, Т. И. Типология перевода якутского эпоса олонхо на русский язык : монография / Т. И. Петрова. – Якутск : Издательско-полиграфический комплекс СВФУ, 2010. – 134 с.
11. Юлдыбаева, Г. В. Особенности поэтики башкирского народного эпоса «Урал-батыр» / Г. В. Юлдыбаева // Вестник Башкирского университета. – 2012. – №3 (I). – С. 1535-1538. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-poetiki-bashkirskogo-narodnogo-eposa-ural-batyr> (дата обращения: 10.07.2022).
12. Борисов, Ю. П. Ритмико-синтаксический параллелизм в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах: сравнительный аспект : автореферат диссертации кандидата филологических наук : специальность 10.02.02 : Языки народов Российской Федерации (якутский язык). – Якутск, 2017. – 23 с.
13. Борисов, Ю. П. Основные черты параллелизма в якутском олонхо и в алтайском эпосе / Ю. П. Борисов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. – С. 44-50. – URL: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/9.html.

14. Борисов, Ю. П. Проблема перевода ритмико-синтаксических параллелизмов якутского олонхо / Ю. П. Борисов // Культурное наследие традиционных сообществ в контексте мировой цивилизации : проблемы перевода и межкультурного диалога. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 60-летию юбилею СВФУ им. М.К. Аммосова. – Якутск : СВФУ им. М.К. Аммосова, 2016. – С. 120-127.

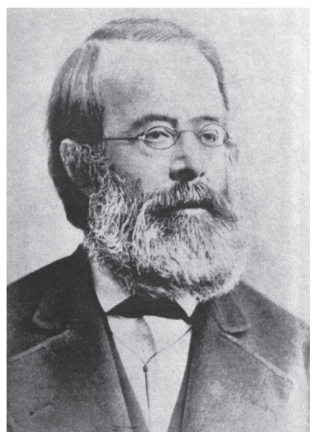
References

1. Kotov V. G. Mifologicheskie plasty bashkirskogo jeposa «Ural-batyr» / V. G. Kotov // Problemy vostokovedeniya. – 2012. – № 4 (58). – s. 68-76 s. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-plasty-bashkirskogo-eposa-ural-batyr> (data obrashheniya: 07.07.2022)
2. Ural-batyr : bashkirskij narodnyj jepos. / Per. s bashk. A. H. Hakimova. – Ufa, Kitap, 2013. – 288 s. (Na bashkirskom i russkom jazyke).
3. Uraal Baatyr=Ural-Batyr : bashkir noruotun baatyrdyy jepoha. / Sost. A. N. Zhirkov. Seriya “Jepicheskie pamjatniki mira” – Jakutsk: Bichik, 2017. – 216 s. (Na russkom i jakutskom jazyke).
4. Sbornik jakutskih poslovic i pogovorok = Saha ɵhyn hohoonnorun homuura / Sost. N. V. Emel’janov. – Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1965. – 246 s. (Na jakutskom i russkom jazyke).
5. Maadaj-Kara : altajskij geroicheskij jepos. – Moskva: Nauka, 1973. – 480 s. (Na altajskom i russkom jazyke).
6. Maadaj Hara=Maadaj Kara : altaaj baatyrdyy jepoha. / Sost. A. N. Zhirkov. Seriya “Jepicheskie pamjatniki mira”. – Jakutsk: Bichik, 2017 s. – 308 s. (Na russkom i jakutskom jazyke).
7. Saha ɵhyn hohoonnoro = Jakutskie poslovicy. / Sost. G. V. Popov. – Jakutsk: Bichik, 2005. – 128 s.
8. Obrjadovaja poezija saha (jakutov) = Saha sijerin- tuomun ajymn’ylara / Sost. N. A. Alekseev. – Novosibirsk: Nauka, 2003. – 505 s.
9. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode : monografija / S. Vlahov, S. Florin – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – 341 s.
10. Petrova T. I. Tipologija perevoda jakutskogo jeposa olonho na russkij jazyk : monografija / T. I. Petrova. – Jakutsk: Izdatel’sko-poligraficheskij kompleks SVFU, 2010. – 134 s.
11. Juldybaeva G. V. Osobennosti pojetiki bashkirskogo narodnogo jeposa «Ural-batyr» / G.V. Juldybaeva // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2012. – №3(I). – s. 1535-1538. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-poetiki-bashkirskogo-narodnogo-eposa-ural-batyr> (data obrashheniya: 10.07.2022).
12. Borisov Ju. P. Problema perevoda ritmiko-sintaksicheskikh parallelizmov jakutskogo olonho / Ju. P. Borisov // Kul’turnoe nasledie tradicionnyh soobshhestv v kontekste mirovoj civilizacii: problemy perevoda i mezhkul’turnogo dialoga. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvjashhennoj 60-letnemu jubileju SVFU im. M.K. Ammosova. – Jakutsk: SVFU im. M.K. Ammosova, 2016. – s. 120-127.
13. Borisov Ju. P. Ritmiko-sintaksicheskij parallelizm v jakutskom olonho i tjurko-mongol’skih jeposah: sravnitel’nyj aspekt : avtoref... dis. kan. nauk 10.02.02 Jazyki narodov Rossijskoj Federacii (jakutskij jazyk). – Jakutsk, 2017. – 23 s.
14. Borisov Ju. P. Osnovnye cherty parallelizma v jakutskom olonho i v altajskom jepose / Ju. P. Borisov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Tambov: Gramota, 2013. № 11 (29): v 2-h ch. Ch. II. C. 44-50. – URL: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/9.html.

– ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.49.15.008

*Н. Н. Ефремов, О. А. Мельничук***Труд О. Н. Бётлингга «О языке якутов» (СПб, 1851)***N. N. Efremov, O. A. Melnichuk***Otto Böhlingk's «On the Yakut language» (St. Petersburg, 1851)**

В 1851 г. в Санкт-Петербургском издательстве Императорской академии наук был опубликован труд О. Н. Бётлингга «Über die Sprache der Jakuten» («О языке якутов»), которым было проложено начало научного изучения языка саха, а также начало формирования научного теоретического подхода к изучению грамматического строя тюркских языков (Е. И. Убратова, Д. М. Насилов). Автор этого труда – выдающийся лингвист-санкритолог О. Н. Бётлингк (1815–1904), давший «лучшее описание неиндоевропейского (якутского. – Н.Е.) языка» (Д. М. Насилов).

Отто Николаевич начал заниматься якутским языком в 1845 г., изучая материалы северной экспедиции А. Ф. Миддендорфа (1842–1845). Ученый систематизировал ранние материалы по якутскому языку и изучил их в сравнении с лингвистическими и фольклорными записями экспедиции Миддендорфа. При этом он использовал информанта – прекрасного знатока якутского языка А. Я. Уваровского. Уваровским были написаны «Ахтыылар» («Воспоминания») – первый оригинальный литературный памятник на якутском языке, а также олонхо, несколько загадок и перевод небольшого текста на якутский язык.

ЕФРЕМОВ Николай Николаевич – д. филол. н., г. н. с. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Е-mail: nik.efrem50@mail.ru

EFREMOV Nikolay Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Chief Scientific Associate, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

МЕЛЬНИЧУК Ольга Алексеевна, д. филол. н., профессор, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

Е-mail: madrid03@mail.ru

MELNICHUK Olga Alekseevna – Doctor of Philological Sciences, Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

При определении форм и значений якутских языковых единиц Бётлингк основывался на сравнительно-историческом и сопоставительном методах языкознания, в результате чего данные якутского языка и положения, изложенные в труде Бётлингка, успешно используются в исследованиях по алтайским языкам, прежде всего по тюркским, ибо в нем были заложены все теоретические направления современной тюркологии (Д. М. Насилов).

Работа О. Н. Бётлингка (640 с.) состоит из «Введения» (теоретической части), «Грамматики якутского языка», приложений (текстов с переводом на немецкий язык) и якутско-немецкого словаря. Грамматическая часть имеет 3 раздела: фонетику, словообразование и словоизменение, синтаксис, которые тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Бётлингк дал глубокое объективное описание фонетики якутского языка. В данный раздел были включены и грамматические явления. Подобный подход к языковым фактам представлял собой новое направление фонетических исследований, органически сливающихся с описанием грамматической системы языка. Бётлингком были заложены основы транскрипции тюркских языков на базе кириллицы, что получило последовательное применение в исследованиях востоковедов, в первую очередь тюркологов. Транскрипция Бётлингка оказала в большую помощь при переходе якутской письменности на современный алфавит, основанный на кириллице.

В разделе «Фонетика» подробно освещено явление гармонии гласных на фоне других алтайских языков. Был получен вывод о том, что гармония гласных переднего или заднего рядов – исконная общеалтайская закономерность. Губную гармонию он считал вторичным явлением. Были установлены долгие гласные с подробным описанием, а также дифтонги и трифтонги (от последних современные исследователи отказались). Было доказано, что дифтонги как способ реализации долгих гласных имеют собственно якутское происхождение.

В разделе «Словообразование и словоизменение» были выделены продуктивные и непродуктивные аффиксы словообразования. В силу ограниченности своего материала Бётлингк отметил, что непродуктивные аффиксы нуждаются в дальнейшем исследовании. При структурном членении слов были использованы синхронный и диахронический подходы. Освещена проблема лексикализации производных единиц. Даны списки непродуктивных моделей для каждой из частей речи.

Семантика морфологических форм и их функционирование описываются в разделе «Синтаксис», традиционными объектами которого в современной лингвистике являются словосочетания и предложения. Функции данных форм освещены Бётлингком, прежде всего, на основе морфолого-синтаксического и семантического подходов. В соответствии с этим раздел был структурирован в виде подразделов «Употребление падежей», «О числе», «Об имени», «О местоимении», «О числительном», «О глаголе», «О послелогах», «Об удвоениях», «О порядке слов». В них описываются семантика, особенности употребления, функционирования этих форм. Результаты этих изысканий Бётлингка помогли исследователям разных поколений осуществить системно-структурные описания строя якутского языка. В настоящее время при изучении якутского языка используются современные структурно-семантические подходы, а также методы функционально-семантических исследований.

О. Н. Бётлингк обратил свое внимание на порядок слов в якутских синтаксических конструкциях, установив их твердый характер (препозитивное слово + постпозитивное слово). Данное положение Бётлингка получило дальнейшее развитие учеными на материале алтайских языков в виде основного закона их строя (Г. Винклер, Н. А. Баскаков и др.). Оно легло в основу системологии тюркских языков (Г. П. Мельников), а также моноцентриро-

ванного подхода в исследовании базовых особенностей строя якутского языка (Н. Н. Ефремов).

Категории падежа, числа, местоимения, числительного, глагола, послелогов, удвоения, порядок слов и др., которые были рассмотрены в грамматике Бётлингга, получили подробное освещение в трудах якутоведов при помощи структурно-семантического и функционального методов (Е. И. Убрятовой, Л. Н. Харитонова, Н. С. Григорьева, Е. И. Коркиной, Н. Е. Петрова, И. П. Винокурова, Г. Г. Филиппова, И. Е. Алексеева, Н. И. Даниловой, Н. И. Поповой, Н. Н. Ефремова, Ю. И. Васильева, С. Д. Егиновой, Д. И. Чирковой и др.).

Как известно, в формировании якутских и алтайских языковых построений конституирующая роль принадлежит прежде всего глаголу и его формам как их вершине. Особенности глагольной системы якутского и алтайских языков трактуются по-разному, что обусловлено полифункциональностью ее элементов (форм). Последнее определяется принципом экономного использования грамматических средств в алтайских (тюркских) языках (Г. П. Мельников), так как семантика элементов тюркской системы проявляется в контексте, синтаксическом окружении, где доминирует закон твердого порядка слов /языковых элементов, а не специализированные средства выражения грамматических значений.

У Бётлингга формально-семантическое описание категории якутского глагола начинается с его залоговых форм, которые называются им возвратными, совместными и взаимными глаголами, пассивами, каузативами. На фоне залоговых форм освещена и форма многократности (интенсив). В целом эти формы получили оригинальный семантический анализ, чем и были предопределены дальнейшие глубокие изыскания подобных форм. В начале 60-х гг. XX в. залоговые формы глаголов якутского языка получили превосходное лексико-грамматическое описание, сделанное Л. Н. Харитоновым. В настоящее время данные формы в семантическом аспекте углубленно изучает Н. И. Данилова. Форма многократности освещена Л. Н. Харитоновым в монографии, посвященной видовым формам глагола. Она также рассмотрена в рамках категории итеративности Е. М. Самсоновой.

Личные формы глагола были представлены Бётлинггом в виде повелительного, изъявительного и возможностного наклонений. Система наклонения якутского глагола была расширена и подробно разработана якутоведами, прежде всего Е. И. Коркиной.

Кроме личных форм глагола Бётлингк выделил глагольные имена, куда были отнесены имя действия на -ыы, имя деятеля на -ааччы, имя настоящего времени (-ар), имя прошедшего времени на -быт, глагольное имя на -тах, глагольное имя на -батах, имя будущего времени. В результате анализа фактического материала были установлены функции и семантика подобных «глагольных имен». Были рассмотрены отличительные особенности и функции деепричастных форм (-ан, -аат, -а), выражающих относительное время – одновременность, предшествование, близкое следование, а также цель (-аары). Примечательно, что деепричастные формы были освещены и в составе таких сочетаний слов, которые в современном языкознании квалифицируются как глагольные аналитические конструкции (ГАК).

В современном якутском языкознании все эти формы на основе формально-семантического подхода представлены в виде единиц тех или иных частей речи и их форм. При этом подход Бётлингга к названным формам как именным и адъективным глагольным формам продолжает использоваться современными исследователями при демонстрации основных особенностей глагола и его форм на фоне общей специфики системы якутского языка.

О. Н. Бётлингк требовал, чтобы каждый язык получил самое тщательное и детальное изучение в синхронном плане, и после этого допускал переход к сравнительно-историческим исследованиям. Это, как пишет Д. М. Насилов, методологически верная линия описания языков, магистральные направления их сравнительно-исторического изучения.

Типологические классификации языков, как подчеркивал ученый, должны основываться на учете внутренних, сущностных признаков конкретных языков. В. В. Радлов, рассматривая общие проблемы агглютинации, дальше развил данный подход к типологической классификации, выдвинув идею учета всех сторон строя языка, включая и гармонию гласных.

Завершая обзор труда О. Н. Бётлингк и его вклада в развитие современного якутского языкознания, следует констатировать, что О. Н. Бётлингк в своей фундаментальной грамматике заложил объективную базу для современных актуальных современных направлений не только якутского языкознания, но и всей алтаистики.

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 3 (06) 2022

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.09.2022. Формат 70х108/16.

Дата выхода в свет 30.09.2022.